

ISSN 2500-347X

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

2018 4 (812)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY
SOCIAL SCIENCES**

Issue 4 (812)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2018

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Выпуск 4 (812)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2018

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор философских наук, профессор **И. К. Харичкин**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

<i>Алиева Н. М.</i>
д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)	<i>Кунанбаева С. С.</i>
д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
<i>Воронина Г. Б.</i>
канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	<i>Медведева Т. В.</i>
канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
<i>А. дель Валье Галвес</i>
д-р юрид. наук, проф. (Испания)	<i>Милитосян Л. Х.</i>
канд. пед. наук, доц. (Армения)
<i>Голубина К. В.</i>
канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	<i>Моисеенко Л. В.</i>
д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
<i>Гомес М. К.</i>
проф. лингвистики (Кадис, Испания)	<i>Мусаев А. И.</i>
д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
<i>Гусейнова И. А.</i>
д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)	<i>Ноздрина Л. А.</i>
д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
<i>Дудик Н. А.</i>
канд. филол. наук (МГЛУ)	<i>Потапова Р. К.</i>
д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
<i>Имомзода М. С.</i>
д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)	<i>Радченко О. А.</i>
д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
<i>Ирисханова К. М.</i>
канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	<i>Русецкая М. Н.</i>
д-р пед. наук, проф. (Россия)
<i>Ирисханова О. К.</i>
д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)	<i>Семина И. А.</i>
д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
<i>Касюк А. Я.</i>
д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)	<i>Сорокина Т. С.</i>
д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
<i>Краева И. А.</i>
канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	<i>Убин И. И.</i>
д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
<i>Красноженова Г. Ф.</i>
д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)	

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

<i>Беллер А.</i>
д-р социол. наук, проф. (г. Любляна, Словения)	<i>Лапшов В. А.</i>
д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
<i>Белозеров В. К.</i>
д-р полит. наук, доц. (МГЛУ)	<i>Образцов В. В.</i>
д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
<i>Брега А. В.</i>
д-р полит. наук, проф. (Финансовый университет при Правительстве РФ)	<i>Плоских В. М.</i>
д-р истор. наук, проф. (Киргизская Республика)
<i>Пророкович Д.</i>
д-р полит. наук (г. Белград, Сербия)	<i>Примаков В. Л.</i>
д-р социол. наук, доц. (МГЛУ)
<i>Ивашов Л. Г.</i>
д-р истор. наук (МГЛУ)	<i>Саблуков А. В.</i>
д-р социол. наук, доц. (МГЛУ)
<i>Касюк А. Я.</i>
д-р истор. наук, проф. (ответственный редактор)	<i>Сидорова Г. М.</i>
д-р полит. наук (МГЛУ)
<i>Кемаль Оглу И.</i>
д-р истор. наук, доц. (Турецкая Республика)	<i>Синчук Ю. В.</i>
д-р полит. наук, проф. (МГЛУ)
<i>Колесников А. А.</i>
д-р истор. наук, проф. (Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр РИСИ)	<i>Хазанов А. М.</i>
д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Абаев Л. Ч., Вавилов А. И.</i> НАТО на современном этапе: взгляд экспертов	9
<i>Асеев А. Д.</i> Угрозы экономической безопасности в системе национальной безопасности России	20
<i>Ивашов Л. Г.</i> Трансформация государств и изменение характера войн в XXI столетии	32
<i>Белукова Е. С., Харламова Н. С.</i> Миграционная политика Европейского союза: новые меры противодействия незаконной миграции	48
<i>Синчук Ю. В., Харичкин И. К.</i> Политические институты гражданского общества в практике международных отношений	56
<i>Хаддад М.</i> Трансформация геополитического статуса Ближнего Востока	65

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Божик К. Б.</i> Короткий «золотой век» в отношениях России и Германии (1998–2005)	77
<i>Воркунова О. А.</i> Историческое развитие центров и периферии в мировой политике	92
<i>Истомин А. А.</i> «Коррупционная» версия причин ликвидации колонии Росс: за и против	107
<i>Петров А. Ю.</i> Историко-культурное наследие Русской Америки в исследованиях отечественных и зарубежных авторов	120

<i>Плотников А. Ю.</i> К вопросу о значении Курильских островов в истории Азиатско-Тихоокеанского региона	133
<i>Полиновская Е. А.</i> Концепция тоталитаризма и фашизм	141
<i>Смирнова И. Ю.</i> Перенесение камчатской, курильской и алеутской кафедры в Аян: pro и contra	152
<i>Шапкарина О. А.</i> Вопросы историко-культурного наследия в преподавании исторических дисциплин: из опыта работы кафедры исторических наук МГЛУ	165

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Александров А. Н., Сальников А. В.</i> Теоретические основы социологического исследования авторитета командиров в Вооруженных силах Российской Федерации	173
<i>Половнев А. В., Третьяков А. В.</i> Теоретические основы социологического анализа и обеспечения военно-профессиональной ориентации	184
<i>Примаков В. Л.</i> Методология анализа и интерпретации эмпирических данных социологических исследований	195
<i>Согомонян А. С.</i> Роль этнических стереотипов и установок в формировании толерантности	210
<i>Соловьев С. С.</i> Динамика социально-экономического положения граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей в 2010–2017 гг.	220
<i>Софронов Д. А.</i> Экспертная оценка положения выпускников вузов на региональном рынке труда	232
<i>Степанова Е. Е.</i> Качество жизни военнослужащих (опыт социологического исследования)	244

CONTENTS

POLITICAL SCIENCES

<i>Abaev L. T., Vavilov A. I.</i> NATO on the Modern Stage: Experts' Views	9
<i>Aseev A. D.</i> Threats to the Economic Security in the System of National Security of Russia	20
<i>Ivashov L. G.</i> States Transformation and Change in the Character of Wars in the 21st Century	32
<i>Belukova E. S., Kharlamova N. S.</i> Migration Policy of the European Union: New Steps to Combat Illegal Migration	48
<i>Sinchuk Yu. V., Kharichkin I. K.</i> Political Institutes of Civil Society in Terms of International Relations	56
<i>Haddad M.</i> Transformation of the Middle East Geopolitical Status	65

HISTORICAL SCIENCES

<i>Bozhik K. B.</i> The Short Golden Age in the Relationship between Russia and Germany (1998–2005)	77
<i>Vorkunova O. A.</i> Historical Development of Centre-Periphery Relations in World Politics	92
<i>Istomin A. A.</i> The «Corruption» Version of the Reasons for the Ross Colony's sale: Pro et Contra	107
<i>Petrov A. Yu.</i> Cultural and Historical Heritage of Russian America in Russian and Foreign Studies	120

<i>Plotnikov A. Yu.</i> The Kuril Islands and the Asian-Pacific Region in XVIII–XX Centuries History	133
<i>Polinovskaya E. A.</i> The Concept of Totalitarian Dictatorship and Fascism	141
<i>Smirnova I. Yu.</i> The Transference of the Kamchatka, Kuril, Aleutian Diocesan Chair in 1850: Pro and Contra	152
<i>Shapkarina O. A.</i> The Questions of Historical and Cultural Heritage in Teaching Historical Disciplines Based on the Experience of the Department of Historical Science MSLU	165

SOCIOLOGICAL SCIENCES

<i>Alexandrov A. N., Salnikov A. V.</i> The Theoretical Basis of Sociological Research: the Authority of Commanders in the Armed Forces of the Russian Federation	173
<i>Polovnev A. V., Tretyakov A. V.</i> Theoretical Foundations of Sociological Analysis and Provision of Military-Professional Orientation	184
<i>Primakov V. L.</i> The Methodology of the Analysis and Interpretation of Empirical Sociological Research Data	195
<i>Sogomonyan A. S.</i> Role of Ethnic Stereotypes and Installations in Formation of Tolerance ...	210
<i>Solovyov S. S.</i> The Trend Analysis of Key Indicators of Socioeconomic Situation of Russian Citizens Dismissed from Military Service and Members of Their Families in 2010–2017	220
<i>Sofronov D. A.</i> Expert Assess the Position of Graduates on the Regional Labor Market	232
<i>Stepanova E. E.</i> The Quality of Life of Military Personnel (experience of sociological research)	244

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 327.8

Л. Ч. Абаев, А. И. Вавилов

Абаев Л. Ч., доктор технических наук;
профессор кафедры политологии института международных отношений
и социально-политических наук МГЛУ; e-mail: abaev_lev@mail.ru

Вавилов А. И., доктор исторических наук, профессор;
профессор кафедры теории и истории международных отношений
института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ;
e-mail: maryandre@yandex.ru

НАТО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ВЗГЛЯД ЭКСПЕРТОВ

В статье даются экспертные оценки проведенных в период с 2010 по 2017 гг. опросов, направленных на изучение Организации Североатлантического альянса – НАТО. Анализируется современное состояние НАТО, перспективы ее развития, влияние блока на безопасность России, рассматриваются вопросы возможного расширения альянса.

Ключевые слова: НАТО; национальная безопасность; экспертные оценки; угрозы безопасности.

L. T. Abaev, A. I. Vavilov

Abaev L. T., Doctor of Technical Sciences (Dr. habil), Prof. at the Department of Political Science, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: abaev_lev@mail.ru

Vavilov A. I., Doctor of Political Science (Dr. habil), Prof., Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: maryandre@yandex.ru

NATO ON THE MODERN STAGE: EXPERTS' VIEWS

In this article some results of experts' expertise of the period from 2010 till 2017 concerning the study of the North Atlantic Treaty Organization – NATO are observed. The modern state of NATO, perspectives of its development, the influence of the bloc on the security of Russia are analyzed, the problems of the possible widening of the alliance are researched.

Key words: NATO; national security; experts' estimations; threats for security.

В настоящее время взаимоотношения России с западными странами приобретают всё более острый характер. Это связано как с глубокими противоречиями по «локальным» проблемам (кризис на Украине, ситуация в Сирии, проблема глобальной ПРО), так и с существенными расхождениями по общим принципам формирования системы международной безопасности.

Одним из инструментов военно-политического давления на Россию и, в частности, сдерживания развития российско-европейских отношений, является Организация Североатлантического договора – НАТО, поэтому представляется актуальным анализ современного его состояния, перспектив развития и влияния на безопасность Российской Федерации.

В статье рассматриваются результаты экспертных опросов по указанной проблематике, проводившихся с 2010 по 2017 гг.

Прежде всего интерес представляет видение экспертами североатлантического альянса на нынешнем этапе его развития.

Оценка НАТО экспертным сообществом практически не претерпела существенных изменений в 2010–2017 гг. (см. рис. 1).

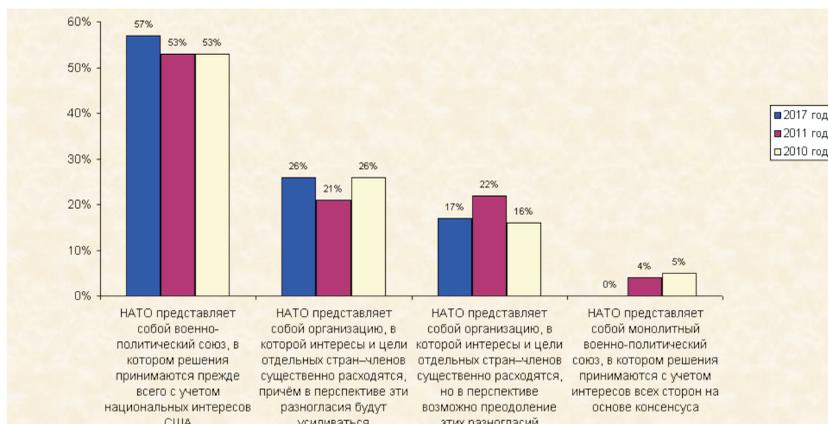

Рис. 1. Какой Вы видите НАТО в настоящий момент

На вопрос «Какой Вы видите НАТО в настоящий момент?» от 53 до 57 % опрошенных ответили, что североатлантический союз в настоящий момент является в первую очередь инструментом реализации национальных интересов США. Комментарии в подтверждении данного тезиса достаточно красноречивы:

НАТО утратило свое изначальное предназначение и осталось инструментом американского влияния в Европе.

Это организация, созданная для прикрытия однополярности под видом многополярности.

Несмотря на возникающие в ряде случаев разногласия между странами – членами НАТО, основные решения принимаются под диктовку и в угоду прежде всего США.

Что касается возможных разногласий между странами – членами альянса, то и здесь оценки экспертов оказались достаточно стабильными. Если в 2010 и 2017 гг. 26 % опрошенных полагали, что НАТО представляет собой организацию, в которой интересы и цели отдельных стран-членов существенно расходятся, причем в перспективе эти разногласия будут усиливаться, то в 2011 г. так ответил лишь 21 % экспертов. 22 % (чуть больше) считали, что в перспективе возможно преодоление этих разногласий. Таким образом, тезис о «внутренней нестабильности» НАТО в настоящее время, хотя и существует, но не является явно преобладающим в экспертном сообществе. Приведем различные мнения по данному вопросу:

По мере развития финансово-экономического кризиса цели отдельных стран будут расходиться, противоречия обостряться, но как блок НАТО будет еще долго существовать.

Расхождение интересов и целей между «старой» Европой и США (т. е. основными участниками НАТО) будут возрастать по мере ускорения процесса перемещения центра геополитической игры и интересов США в АТР. Для европейцев эта игра носит посторонний характер.

В целом мнение экспертного сообщества достаточно четко было выражено в одном из комментариев:

НАТО представляет собой организацию, в которой США в значительной степени пытаются проводить именно свою повестку, подкрепленную поддержкой некоторых ведущих европейских стран. Организацию нельзя назвать монолитной, но при этом и говорить о существенном расхождении интересов трудно, поскольку, по всей вероятности, отдельные страны – члены НАТО и организация в целом испытывает в настоящий момент сложности с определением этих интересов.

Характер отношений между Российской Федерацией и альянсом в существенной степени зависит от целей и задач, решаемых

НАТО. А они, в свою очередь, определяются теми странами – членами блока, которые играют в нем решающую роль. Поэтому экспертам было предложено оценить значимость отдельных стран (групп стран) в НАТО. Интерес представляло также сравнение полученных оценок с аналогичной информацией, «снятой» с экспертов в 2010 и 2015 гг. Обобщенные результаты по данному вопросу представлены на рисунке 2.

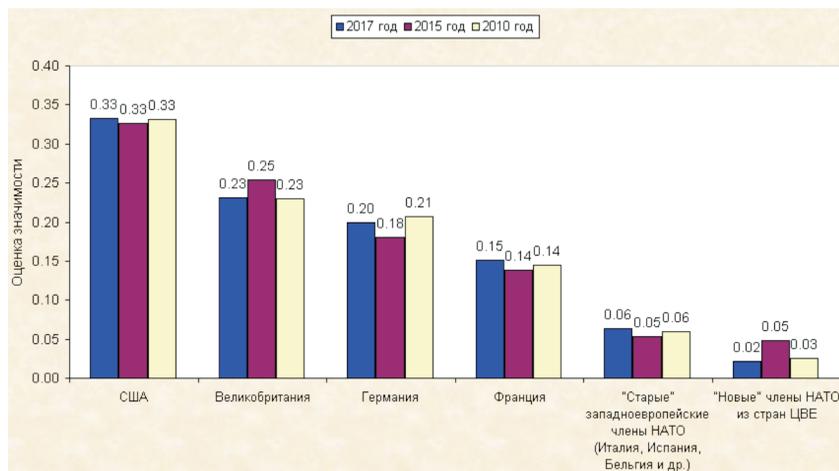

Рис. 2. Экспертная оценка значимости отдельных стран (групп стран) в НАТО

По мнению всех экспертов в опросах 2010 и 2017 гг. и практически всех (за исключением двух) в 2015 г., лидирующую роль в НАТО играют США. Таким образом, Североатлантический союз в настоящий момент является в первую очередь инструментом реализации национальных интересов США. Вот наиболее яркие комментарии экспертов: «НАТО – коллективный пул военно-политических ресурсов для образования ad hoc коалиций, прежде всего в интересах США», «...решения принимаются не с учетом, а под диктовку США».

Согласно экспертным оценкам, второй по значимости член НАТО – Великобритания.

Интересно отметить, что в 2010 и 2017 гг. значимость в альянсе Великобритании и Германии эксперты оценили примерно одинаково (0,23 – у Британии, 0,20 / 0,21 – у Германии), хотя и в пользу первой. Таким образом, в 2010 г. Германия, по мнению экспертов, играла в НАТО довольно существенную роль. Однако в 2015 г.

«отрыв» Великобритании от Германии существенно увеличился (значимость Британии возросла до 0,25, а значимость Германии снизилась до 0,18) и Лондон твердо «закрепился» на втором месте. Однако в 2017 г. Германия, по мнению экспертов, вновь «приблизилась» к Великобритании.

Тем не менее в настоящий момент англо-саксонский вектор альянса является доминирующим, и стабильность организации обеспечивается лидирующей ролью США и его ближайшего союзника – Великобритании. Как отметил один из экспертов «США – военный центр. Великобритания – стратегическая основа и фактический идеолог».

Что касается остальных стран – членов НАТО, то оценки их значимости за рассматриваемый период практически не изменились. Некоторые колебания в оценках сравнительной значимости «новых» членов НАТО из стран ЦВЕ (которые, как отметил один из экспертов, «занимают более радикальные позиции по вопросам развития и модернизации НАТО»), на наш взгляд, не является существенными, «вес» этих стран в альянсе продолжает оставаться небольшим.

Отметим также, что ряд экспертов обратили внимание на необходимость включения в перечень рассматриваемых стран Турцию, поскольку ее роль в НАТО в последнее время выросла. Некоторые из опрошенных специалистов полагают, что Турция по значимости в альянсе в настоящее время занимает место между Францией и «старыми» западноевропейскими членами НАТО (Италия, Испания, Бельгия и др.). Представляется, что данный момент действительно заслуживает внимания.

Приведем еще ряд экспертных комментариев относительно значимости некоторых членов блока.

«Относительно низкий вес Германии обусловлен тем, что НАТО изначально создавалась для того, чтобы держать Германию “пониже”. Турция – мощная в военном отношении страна, она часто идет вразрез с решениями НАТО, но повлиять на сами эти решения в свою пользу не может. Новые члены проявляют высокую активность, но их роль производна от США».

«Все большую значимость приобретает Польша, причем в противовес Германии. Планирует и дальше укреплять позиции в рамках НАТО и Великобритании».

В целом можно заключить, что, по мнению экспертного сообщества, за последние семь лет существенных изменений в «иерархии» стран, входящих в НАТО, не произошло. При этом несомненным лидером альянса остаются Соединенные Штаты.

Полученные выводы представляются достаточно надежными, поскольку согласованность мнений экспертов по рассматриваемому вопросу и в 2010, и в 2015, и в 2017 гг. оказалась очень высокой.

Активизировавшаяся в последнее время деятельность НАТО (запланированное расширение военного присутствия в Восточной Европе, усиление военно-морской группировки НАТО в Средиземном и Черном морях, проведение учений и т. д.) всё в большей степени принимает явно антироссийский характер. Поэтому очень важным становится вопрос, в какой степени осуществляемый в последнее время комплекс мер НАТО по сдерживанию России угрожает национальной безопасности РФ. Обобщенные экспертные оценки по данной проблеме представлены на рисунке 3.

Отметим, что ни один эксперт не выбрал ответ «Угрожает в очень малой степени» и лишь 5 % опрошенных полагают, что действия НАТО угрожают национальной безопасности России в небольшой степени.

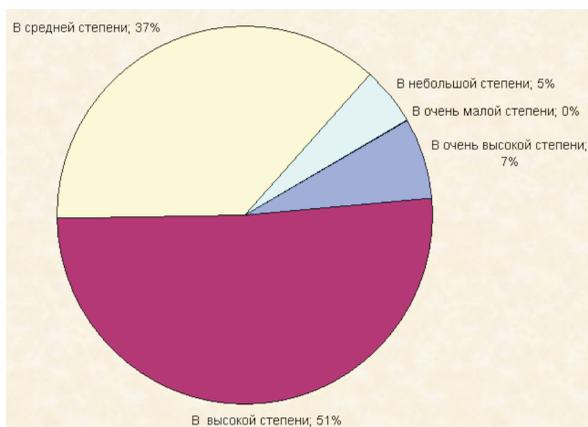

Рис. 3. В какой степени, на Ваш взгляд, осуществляемый в последнее время комплекс мер НАТО по сдерживанию России угрожает национальной безопасности РФ?

37 % специалистов оценивают степень угроз России со стороны альянса, как «средние». Приведем соответствующие комментарии.

НАТО «на распутье» и в настоящее время представляет собой довольно рыхлую и малосильную структуру (гонка вооружений в Европе пока не начата).

Влияние косвенное. Действия НАТО направлены не против России, но их результаты отражаются на безопасности России.

Основная же «масса» опрошенных полагает, что действия НАТО угрожают безопасности России в высокой (51 %) и очень высокой (7 %) степени. Вот как прокомментировали эксперты свои оценки:

Действия НАТО ослабляют факторы и элементы, обеспечивающие существующий уровень национальной безопасности РФ.

НАТО осуществляет против России системное и комплексное воздействие по ее сдерживанию и созданию проблем в развитии и сохранении целостности.

Существенная доля экспертов (37 %), сдержанно оценившая угрозы со стороны НАТО (оценка «в средней степени»), на наш взгляд, объясняется тем, что «лидером» альянса являются Соединенные Штаты и, соответственно, блок играет «подчиненную» роль в реализации целей США. Поэтому, как самостоятельный «игрок», НАТО и не представляет для России такой опасности, как США.

Таким образом, по мнению экспертного сообщества, действия НАТО в настоящее время представляют значимую угрозу национальной безопасности Российской Федерации, однако эти угрозы являются «продолжением» и «дополнением» угроз безопасности России со стороны США.

Несмотря на «вторичный» характер угроз национальной безопасности России со стороны НАТО, одна из них, а именно – проблема расширения альянса, является весьма значимой. Вследствие этого, интерес представляют экспертные оценки вероятности вступления тех или иных стран в НАТО, а также оценки степени потенциальных угроз безопасности России в случае вступления этих стран в альянс. На рисунке 4 представлены обобщенные вероятностные оценки экспертов.

Из них следует, что в настоящее время экспертные оценки вероятности вступления рассматриваемых стран в блок находятся в пределах 0,38–0,56 и лишь немного превышают (для первых трех стран) среднее значение (0,5).

Отметим, что имеющийся разброс в экспертных оценках не позволяет с достаточной надежностью провести четкое упорядочение данных стран с точки зрения возможности их вступления в НАТО. Поэтому, исходя из полученной экспертной информации, можно полагать, что потенциальная возможность присоединения к альянсу у этих государств примерно одинаковая. Существенное значение для некоторых из них имеют и юридические моменты. Как отметил один из опрошенных, «в соответствии с Уставом НАТО для Грузии и Украины имеются юридические препятствия (территориальные споры) для вступления в Организацию. Однако игнорирование этого положения со стороны НАТО возможно. Фактически это же положение связано с Сербией (Косово) и Молдавией (ПМР)».

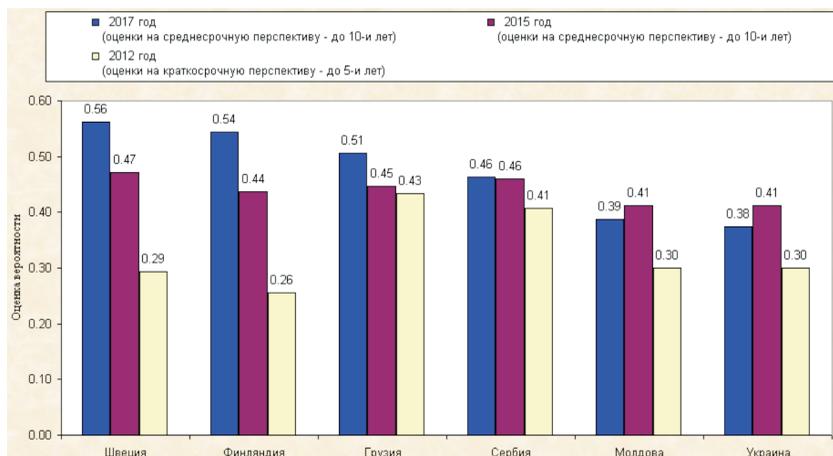

Рис. 4. Экспертная оценка вероятности вступления нижеперечисленных стран в НАТО

Не очень высокие оценки вероятности вступления в НАТО у Швеции, Сербии, Грузии, Финляндии, Молдовы и Украины, на наш взгляд, не следует воспринимать оптимистично. Важнейшее значение имеет развитие рассматриваемого процесса. А здесь полученные результаты вызывают существенное беспокойство.

Лишь у Молдовы и Украины не просматривается определенной динамики оценок вероятности их вступления в альянс (они колеблются на уровне 0,3 – 0,4).

Относительно стабильными оказались оценки Сербии (0,4–0,45) и Грузии (0,4–0,5), хотя у последней наблюдается их медленный рост.

Как отметил один из опрошенных, «Сербия в принципе не хочет в НАТО, но хочет в ЕС, а ее руководство податливо к давлению Запада. К тому же нельзя исключать новой цветной революции. Принятие Грузии, Молдавии и Украины несет для НАТО высокие риски войны с Россией и, скорее всего, их будут держать на коротком поводке, давать обещания, но принимать не будут. Нет консенсуса в НАТО по этому вопросу, как его не было на Бухарестском саммите. Германия и другие наложили вето. К тому же, вряд ли Трамп будет инициировать такие шаги».

А вот у Финляндии и Швеции в рассматриваемый период весьма существенно (фактически в два раза) выросли оценки вероятности их вступления в НАТО, и это не может не тревожить хотя бы потому, что Финляндия имеет общую границу с Россией. Приведем характерный комментарий: «Финляндия и Швеция – западные страны, которых активно зовут в НАТО. У России нет эффективных рычагов, чтобы воспрепятствовать, и она по умолчанию признает за этими странами это право».

Отметим также еще один серьезный момент.

В опросе 2012 г. лишь около половины (48 %) экспертов оценили вероятность вступления в НАТО в ближайшие 5 лет хотя бы одной из рассматриваемых стран (Грузия, Молдова, Сербия, Украина, Финляндия, Швеция) как «высокую» или «очень высокую». В то же время другая половина экспертов (52 %) указали, что вероятность вступления какой-либо из названных стран в НАТО в указанный период не превышает оценку «средняя».

В 2015 и 2017 гг. ситуация кардинально изменилась. «Высокую» или «очень высокую» оценку вероятности вступления хотя бы одной из рассматриваемых стран в НАТО дали уже не 48, а 73 % (2015) и 76 % (2017) экспертов. Соответственно, лишь 27 и 24 % специалистов считали, что вероятность присоединения какой-либо из названных стран к НАТО в указанный период не превышает оценку «средняя».

Таким образом, по мнению экспертного сообщества, в ближайшее десятилетие тревожной остается динамика рассматриваемого процесса, а именно – существенное повышение вероятности вступления в альянс рассматриваемых государств (особенно Швеции и Финляндии).

Что касается экспертной оценки потенциальных угроз безопасности России в случае вступления рассматриваемых стран в НАТО, то обобщенные результаты по данному вопросу представлены на рисунке 5.

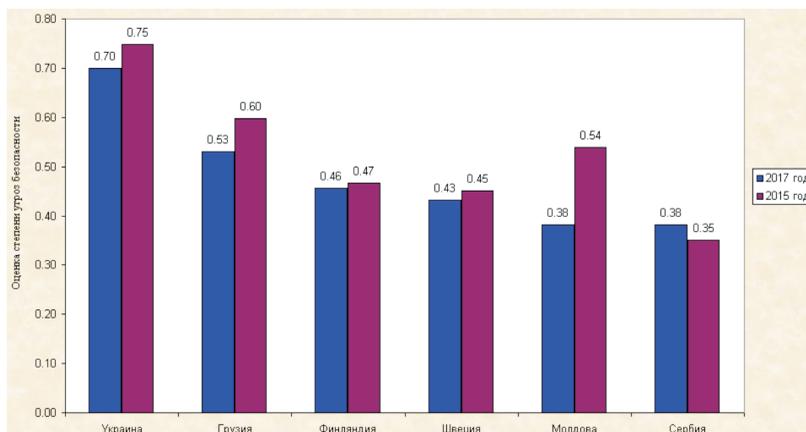

Рис. 5. Экспертная оценка потенциальных угроз безопасности России в случае вступления стран в НАТО в среднесрочной перспективе (до 10 лет)

Легко увидеть, что наибольшую и весьма высокую опасность для России представляет, по мнению экспертов, вступление в НАТО Украины (степень угрозы безопасности РФ равна 0,75 в шкале – 0,1). И это, несмотря на комментарий одного из экспертов, отметившего, что «вступит часть Украины. Вряд ли Украина в теперешнем состоянии (без Крыма) долго просуществует».

Исходя из разброса экспертных оценок, можно с достаточной надежностью утверждать, что прием Украины в блок несет в себе большие угрозы безопасности РФ.

Во вторую по значимости угроз безопасности России группу стран вошли Грузия, Финляндия и Швеция. Оценки степени угроз здесь варьировались от 0,43 до 0,53. Причем данную группу можно условно разделить на две подгруппы. В первую из них входит Грузия, в случае вступления которой степень значимости угроз

превышает среднее значение (0,5). Во вторую подгруппу включены Финляндия и Швеция, для которых степень значимости угроз не превышает среднего значения, но близка к нему.

Наконец, третья группа состоит из стран, вступление которых в альянс в наименьшей степени будет угрожать безопасности России. К ним, по мнению экспертов, относятся Сербия и Молдова.

Следует отметить, что в 2015 г. экспертная оценка Молдовы была гораздо более высокой (уступая лишь Украине и Грузии). Возможно, что на оценки экспертов повлияло избрание в конце 2016 г. президентом Молдовы Игоря Додона – сторонника внеблокового статуса страны и укрепления ее связей с Россией. Кроме того, позиция экспертов могла обосновываться и таким «уравновешивающим» фактором, как Приднестровско-Молдавская Республика. Во всяком случае, экспертная оценка Молдовы представляется одним из неожиданных результатов экспертного опроса 2017 г.

В заключение остановимся на следующих основных выводах, которые можно сделать по результатам проведенных экспертных опросов:

1) НАТО, по мнению экспертов, представляет собой военно-политическую структуру, направленную в первую очередь на реализацию интересов и целей США. России следует учитывать этот момент при выстраивании своих отношений с альянсом;

2) лидирующая роль Соединенных Штатов при поддержке Великобритании обеспечивает стабильность блока на нынешнем этапе. Тем не менее в будущем не исключается усиление противоречий между членами НАТО;

3) уровень угроз безопасности России со стороны НАТО являются весьма высоким. При этом, в основном, данные угрозы являются вторичными, а именно – производными от угроз со стороны США;

4) в настоящий момент вероятность вступления в НАТО государств постсоветского пространства, а также Швеции, Финляндии и Сербии представляется экспертам не очень высокой. Однако динамика изменений экспертных оценок вероятности (особенно у Швеции и Финляндии) является весьма негативной;

5. Экспертное сообщество полагает, что наибольшую угрозу безопасности Российской Федерации несет в себе возможное вступление в блок Украины, а также (хотя и в меньшей степени) Грузии, Швеции и Финляндии.

УДК 327.8

А. Д. Асеев

кандидат философских наук, профессор; профессор кафедры государственного управления и политических технологий Государственного университета управления; e-mail: sanmich55@gmail.com

УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В статье рассматриваются вопросы экономической безопасности России. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности являются развитие экономики страны, обеспечение экономической безопасности и создание условий для развития личности, перехода экономики на новый уровень технологического развития, вхождения России в число стран – лидеров по объему валового внутреннего продукта и успешного противостояния влиянию внутренних и внешних угроз. Негативное воздействие на экономическую безопасность наряду с угрозами внутреннего порядка оказывают введенные против Российской Федерации ограничительные экономические меры, глобальные и региональные экономические кризисы, усиление недобросовестной конкуренции, неправомерное использование юридических средств, нарушение стабильности тепло- и энергоснабжения субъектов национальной экономики, а в перспективе – дефицит минерально-сырьевых, водных и биологических ресурсов.

Ключевые слова: национальная безопасность; экономическая безопасность; угрозы экономической безопасности; принципы обеспечения экономической безопасности; критерии и показатели экономической безопасности.

A. D. Aseev

candidate of philosophy, Professor; Professor public administration and political technology State University of management; e-mail: sanmich55@gmail.com

THREATS TO THE ECONOMIC SECURITY IN THE SYSTEM OF NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

The article deals with the economic security of Russia. The strategic objectives of ensuring national security are the development of the country's economy, ensuring economic security and creating conditions for the development of the individual, the transition of the economy to a new level of technological development, Russia's entry into the number of leading countries in terms of gross domestic product and successful confrontation with the influence of internal and external threats. The negative impact on economic security, along with threats to the internal order, is caused by the restrictive economic measures imposed against the Russian Federation, global and regional economic crises, the strengthening of unfair competition, the illegal use of legal means, the violation of the stability of

heat and energy supply to the subjects of the national economy, and in the future will also have a shortage of mineral, water and biological resources.

Key words: national security; economic security; threats to economic security; principles of economic security; criteria and indicators of economic security.

Экономическая безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов всех жителей страны, российского общества в целом и государства в экономической сфере от внутренних и внешних угроз является одним из главных компонентов системы национальной безопасности. Гарантии экономической безопасности являются необходимым условием для обеспечения стабильного развития национальной экономики.

Исходя из определений и сущностных характеристик экономической безопасности, одной из ключевых задач в процессе ее обеспечения является локализация угроз, причем как реально существующих, так и потенциальных, ожидаемых в будущем. Особой характеристикой видов экономической безопасности является их многообразие [Доценко, Круглов 2013].

Содержание угрозы определяется:

- затрагиваемыми национальными интересами страны, что отражает ее значимость;
- обстоятельствами (собственной уязвимостью – степени защищенности от данной угрозы), что определяет потенциальный ущерб при реализации угрозы;
- местом и временем проявления негативных факторов и условий;
- возможностями, намерениями и волей субъекта угрозы (потенциального противника или конкурента).

Ранее среди основных видов экономической безопасности отмечались: финансовая, энергетическая, оборонно-промышленная и продовольственная. В последние годы к перечисленным видам добавились: инвестиционная, инновационная, бюджетно-налоговая, денежно-кредитная безопасность. Немалую роль в обеспечении экономической безопасности играют обеспечение стабильности существующих рынков и защита прав собственности, в том числе и интеллектуальной. По оценкам некоторых экспертов ежегодные потери федерального бюджета России от нарушений законодательства в области охраны интеллектуальной собственности

сопоставимы с доходами в нефтяной отрасли. Немалую угрозу национальной и экономической безопасности нашей страны играет нейтрализация последствий деградации в социальной сфере.

Произошедшие изменения, которые нанесли серьезный урон в сферах образования, здравоохранения и социального обеспечения в значительной степени подорвали интеллектуальный и, как следствие, экономический потенциал страны.

Национальная экономическая безопасность основана на таких основных принципах, как:

- независимость национальной экономики. По причине всё большего вовлечения национальных экономик в мировую этот принцип может быть выполнен только относительно – необходимо достижение состояния относительной независимости национальной экономики. Задача государства заключается в том, чтобы сформировать такой уровень развития национальной экономики, который позволит ей занять конкурентные и равные позиции в мировом хозяйстве;

- стабильность национальной экономики. Государство должно создать устойчивый рост национальной экономики, исключающий социальные потрясения, усиление роли криминальных структур и создающий режим безопасности для каждого гражданина;

- устойчивые темпы роста национальной экономики. В современных условиях только постоянный и устойчивый рост может обеспечить приемлемый уровень экономической безопасности, включающий совершенствование производства, профессионализма каждого человека.

Как отмечается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации стратегическими внутренними угрозами национальной безопасности в области экономики являются [Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2015, п. 56]:

- ее низкая конкурентоспособность;
- сохранение экспортно-сырьевой модели развития и высокая зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры;
- отставание в разработке и внедрении перспективных технологий;
- незащищенность национальной финансовой системы от действий нерезидентов и спекулятивного иностранного капитала;

- уязвимость ее информационной инфраструктуры;
- несбалансированность национальной бюджетной системы;
- регистрация прав собственности в отношении значительной части организаций в иностранных юрисдикциях;
- ухудшение состояния и истощение сырьевой базы;
- сокращение добычи и запасов стратегически важных полезных ископаемых;
- прогрессирующая трудонедостаточность;
- сохранение значительной доли теневой экономики, условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений, незаконной миграции;
- неравномерное развитие регионов;
- снижение устойчивости национальной системы расселения.

На нынешнем этапе развития наблюдаются отсталая и архаичная структура экономики, перекосы в развитии различных секторов экономики (например, огромная разница в развитии топливно-энергетического и промышленного секторов), недостаточно благоприятная инвестиционная среда, низкая эффективность внедрения и использования инвестиционных технологий, существенная деформация экспортного сектора.

Интегрирующим показателем результативности деятельности органов государственной власти являются уровень и качество жизни российских граждан. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации определяет, что «угрозами качеству жизни российских граждан являются неблагоприятная динамика развития экономики, отставание в технологическом развитии, введение ограничительных экономических мер против Российской Федерации, нецелевое расходование бюджетных ассигнований, усиление дифференциации населения по уровню доходов, снижение качества потребительских товаров и оказываемых населению услуг» [Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2015, п. 51].

Внешние угрозы – это изменение конъюнктуры мировых цен и внешней торговли, резкие колебания курса рубля, превышение оттока капитала над его притоком (иностранными инвестициями), чрезмерная импортная зависимость, перегрузка экспорта сырьевыми товарами, экономические санкции, наложенные на Россию государствами с развитой экономикой.

Экономика как наиболее сложная система имеет много показателей, характеризующих ее состояние. Для анализа экономической безопасности они условно названы индикаторами, которые взаимодействуют между собой. Накопление значений численных параметров такого взаимодействия необходимо для определения социально-экономических последствий принимаемых макроэкономических решений, оценки значимости тех или иных угроз экономической безопасности.

Наиболее важными индикаторами состояния экономической безопасности являются:

- индекс физического объема валового внутреннего продукта;
- валовой внутренний продукт на душу населения (по паритету покупательной способности);
- доля российского валового внутреннего продукта в мировом валовом внутреннем продукте;
- доля инвестиций в основной капитал в валовом внутреннем продукте;
- степень износа основных фондов;
- индекс промышленного производства;
- индекс производительности труда;
- индекс денежной массы (денежные агрегаты M2);
- уровень инфляции;
- внутренний государственный долг Российской Федерации, государственный долг субъектов Российской Федерации и муниципальный долг;
- внешний долг Российской Федерации, в том числе государственный внешний долг;
- чистый ввоз (вывоз) капитала;
- уровень экономической интеграции субъектов Российской Федерации;
- коэффициент напряженности на рынке труда;
- энергоемкость валового внутреннего продукта;
- доля инвестиций в машины, оборудование и транспортные средства в общем объеме инвестиций в основной капитал;
- доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг;
- доля высокотехнологичной и наукоемкой продукции в валовом внутреннем продукте;

-
- доля организаций, осуществляющих технологические инновации;
 - дефицит федерального бюджета, в том числе ненефтегазовый дефицит федерального бюджета;
 - отношение золотовалютных резервов Российской Федерации к объему импорта товаров и услуг;
 - индекс физического объема экспорта;
 - индекс физического объема импорта;
 - сальдо торгового баланса;
 - доля машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме несырьевого экспорта;
 - доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения;
 - доля граждан с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума;
 - индекс производства по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых»;
 - доля прироста запасов полезных ископаемых (по стратегическим видам полезных ископаемых) в общем объеме погашенных в недрах запасов;
 - баланс производства и потребления энергоресурсов (на душу населения);
 - индекс предпринимательской уверенности предприятий обрабатывающих производств;
 - дефицит консолидированного бюджета субъектов Российской Федерации;
 - доля машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме импорта;
 - доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме экспорта товаров, работ, услуг предприятий промышленного производства;
 - доля импорта в объеме товарных ресурсов продовольственных товаров;
 - оборот розничной торговли;
 - распределение численности занятых в экономике по уровню образования;
 - децильный коэффициент (соотношение доходов 10 % наиболее обеспеченного населения и 10 % наименее обеспеченного населения);

- доля работников с заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения;
- уровень преступности в сфере экономики [Стратегия экономической безопасности Российской Федерации ... 2017, п. 27].

Важнейшей особенностью индикаторов экономической безопасности являются их параметры (пороговые значения индикаторов), выход за пределы которых вызывает угрозу экономической безопасности страны. В теоретическом плане проблема параметров, критериев и индикаторов (показателей) экономической безопасности во многом связана с результатами функционирования экономики в целом. Соответственно на первый план выдвигаются макроэкономические показатели.

Разработка системы индикаторов и их пороговых значений, которые вовремя сигнализируют о приближающейся угрозе, является одним из важнейших инструментов политики обеспечения экономической и социальной безопасности страны. Из всего множества индикаторов уровня угроз экономической безопасности необходимо выделить те, которые отражают критические точки в развитии экономики. Именно эти индикаторы используются в качестве пороговых значений экономической безопасности. Они характеризуют предельные значения, игнорирование которых препятствует нормальному развитию экономики и социальной сферы и приводит к формированию разрушительных тенденций в области производства и уровня жизни населения. Пороговые значения – важный инструмент системного анализа, прогнозирования и индикативного социально-экономического планирования. С помощью этого инструмента тот или иной объект рассматривается с позиции соответствия тенденций развития экономики (внутри и во взаимодействии с экономикой других стран) национальным интересам страны [Овчинников 2014, с. 8–10].

Одна из сфер применения пороговых значений – экспертиза важнейших нормативных актов и правительственных решений по вопросам экономики с позиции экономической безопасности. Для этого необходимо, чтобы федеральные органы и органы государственной власти субъектов при внесении проектов нормативных актов и правительственных решений, подлежащих экспертизе с позиций экономической безопасности, представляли обоснование того, что в результате принятия этого проекта отношение

показателей социально-экономического развития к пороговым значениям не изменяются в худшую сторону. Необходимо с учетом геостратегических задач России, опыта осуществления государственной стратегии экономической безопасности переосмыслить классификацию национальных интересов России.

Рассматривая современное состояние существующих и тенденции формирования потенциальных угроз экономической безопасности необходимо иметь в виду, что в последние годы в значительной степени изменился состав, характер и качество угроз экономической безопасности. Прежде всего это связано с преодолением периодов экономического спада и стагнации 1990-х гг. и переходом к этапу устойчивого экономического роста. В связи с этим состав и качественные характеристики угроз экономической безопасности России на современном этапе во многом формируются под влиянием новых экономических реалий, таких как падение основных экономических показателей, сохраняющаяся ориентированность экономики на сырьевую составляющую, волатильностью цен на нефть и энергетические ресурсы, увеличение разрыва между нефтяной и газовой отраслями и другими секторами экономики.

Именно в негативном воздействии коррупционных процессов на состояние экономики, криминализации экономических отношений и отвлечении крупных финансово-денежных ресурсов в теневой сектор видится один из наиболее серьезных сдерживающих факторов для устойчивого поступательного и интенсивного развития экономики.

Наиболее вероятными угрозами экономической безопасности Российской Федерации, на локализацию которых должна быть направлена деятельность федеральных органов государственной власти, являются:

1) увеличение имущественной дифференциации населения и повышение уровня бедности, глубокая поляризация благосостояния и дезинтеграция общества, что ведет к нарушению социального мира и общественного согласия. Достигнутый относительный баланс социальных интересов может быть нарушен в результате действия следующих факторов:

– расслоение общества на узкий круг богатых и преобладающую массу бедных, неуверенных в своем будущем людей;

- увеличение доли бедных слоев населения в городе по сравнению с деревней, что создает социальную и криминальную напряженность;
- рост безработицы, что может привести к социальным конфликтам;
- задержка выплаты заработной платы, остановка предприятий и т. д.

В нашей стране ежегодно, по данным налогового ведомства России, число миллионеров оценивалось в сотни тысяч. Наряду с этим примерно треть населения имеет доходы ниже прожиточного минимума. Базой воспроизводства бедного населения является низкий уровень развития экономики. Поэтому для снижения уровня бедности необходимо повысить темпы экономического роста;

2) деформированность структуры российской экономики, обусловленная такими факторами, как:

- усиление топливно-сырьевой направленности экономики;
- отставание разведки запасов полезных ископаемых от их добычи;
- низкая конкурентоспособность продукции большинства отечественных предприятий;
- свертывание производства в жизненно важных отраслях обрабатывающей промышленности, прежде всего в машиностроении;
- снижение результативности, разрушение технологического единства научных исследований и разработок, распад сложившихся научных коллективов и на этой основе подрыв научно-технического потенциала России;
- завоевание иностранными фирмами внутреннего рынка России по многим видам товаров народного потребления;
- приобретение иностранными фирмами российских предприятий в целях вытеснения отечественной продукции как с внешнего, так и с внутреннего рынка;
- рост внешнего долга России и связанное с этим увеличение расходов бюджета на его погашение [Федосов 2016, с. 7–8].

Эта угроза может быть снята на основе стратегии структурной перестройки экономики. Речь, разумеется, не идет о резком сокращении экспорта топлива и сырья в настоящее время, ибо это также резко снизит поступления средств в государственный бюджет;

3) возрастание неравномерности социально-экономического развития регионов. Важнейшими факторами этой угрозы являются:

- объективно существующие различия в уровне социально-экономического развития регионов, наличие депрессивных, кризисных и отсталых в экономическом отношении районов на фоне структурных сдвигов в промышленном производстве, сопровождающихся резким уменьшением доли обрабатывающих отраслей;
- нарушение производственно-технологических связей между предприятиями отдельных регионов России;
- увеличение разрыва в уровне производства национального дохода на душу населения между отдельными субъектами Российской Федерации;

4) криминализация общества и хозяйственной деятельности, вызванная в основном такими факторами, как:

- рост безработицы, поскольку значительная часть преступлений совершается лицами, не имеющими постоянного источника дохода; сращивание части чиновников государственных органов с организованной преступностью, возможность доступа криминальных структур к управлению определенной частью производства и их проникновения в различные властные структуры;
- ослабление системы государственного контроля, что привело к расширению деятельности криминальных структур на внутреннем финансовом рынке, в сфере приватизации, экспортно-импортных операций и торговли.

Криминализация экономики – это процесс формирования экономики, в которой существенную роль играют преступные элементы и формы хозяйствования, мафиозные структуры, занимающиеся, например, вывозом за рубеж запрещенных веществ, подпольной добычей и торговлей драгоценными металлами и камнями, осуществляющие махинации и спекуляции на биржах, банках и т. п.

Опасность расширения криминальной и теневой экономики для общества состоит в том, что она значительно сокращает налогооблагаемую базу и сумму собираемых налогов. Для борьбы против криминализации экономики необходима эффективная законодательная база;

5) серьезной угрозой экономической безопасности является снижение инвестиционной и инновационной активности и разрушение научно-технического потенциала. Известно, что без

значительных инвестиционных вложений в стратегические сферы и отрасли экономики нельзя обеспечить экономический рост и ускорить развитие наукоемких отраслей и производств, способствующих укреплению материально-технической базы организации науки. Между тем экономическая политика последнего десятилетия в нашей стране не только не создала условий для инвестиционного процесса, а наоборот, не способствовала восстановлению экономического потенциала.

Основными причинами, вызывающими возникновение указанных угроз, являются неустойчивость финансового положения предприятий, неблагоприятный инвестиционный климат, сохранение инфляционных процессов и другие проблемы, связанные с финансовой дестабилизацией в экономике.

Предотвращение или смягчение последствий действий угроз экономической безопасности Российской Федерации требует определения и мониторинга факторов, подрывающих устойчивость социально-экономической системы государства.

Из внешних угроз экономической безопасности, наряду с постоянно вводимыми Западом санкциями, незаконным вывозом капитала за границу, стремлением Запада увеличить импортную зависимость по продовольствию и потребительским товарам, необходимо отметить «утечку мозгов», эмиграцию населения, как правило, его интеллектуального слоя, что ведет к сокращению интеллектуального потенциала, и, следовательно, к сдерживанию экономического роста [Мкртчян, Флоринская 2018, с. 15–18].

Основными причинами интеллектуальной эмиграции являются:

- крайне низкая оплата научного труда в стране выбытия;
- низкий уровень оснащенности научных исследований.

Перечисленные факторы негативного воздействия не только создают, дополнительную нагрузку для экономики страны, но и ухудшают деловой климат, снижают инвестиционную привлекательность России для иностранных партнеров, что в немалой степени способствует приближению ряда показателей экономической безопасности к критическим отметкам.

В сложившейся ситуации со стороны государственных структур необходим комплекс мер по переводу экономики на траекторию быстрого и устойчивого роста на основе опережающего развития нового технологического уклада и полномасштабного

использования имеющегося научно-производственного потенциала [Глазьев 2015].

Выявление возможных угроз экономической безопасности и выработка мер по их предотвращению имеют первостепенное значение в системе обеспечения экономической безопасности Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Глазьев С. Ю.* О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития. Доклад. М. : Институт экономических стратегий, Русский биографический институт, 2015. 60 с.
- Доценко Д. В., Круглов В. Н.* Экономическая безопасность: методологические аспекты и составляющие // Аудит и финансовый анализ. 2013. № 4. С. 418–426.
- Мкртчян Н., Флоринская Ю.* Квалифицированная миграция в России: баланс потерь и приобретений // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2018. № 1 (62). С. 15–18.
- Овчинников А. И.* Национальные интересы России: понятие и виды // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 2. С. 8–10.
- Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденную Указом Президента РФ от 13 мая 2017. № 208.
- Федосов П. Е.* О деформированной структуре современной российской экономики // Сибирский торгово-экономический журнал. 2016. № 1 (22). С. 7–8.

УДК 327.8

Л. Г. Ивашов

доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: geoanaliz@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВ И ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА ВОЙН В XXI СТОЛЕТИИ

Упразднение СССР способствовало снижению роли национальных государств в мировой политике и развитию глобальных экономических империй. Экономические приоритеты транснациональных и глобальных корпораций в XXI столетии определяют сущность войн и вооруженных конфликтов, они же влияют на развитие военно-технических систем, инициируют создание новых видов оружия. Нации-государства трансформируются в корпорации-государства. Армия как элемент политической системы корпорации-государства превращается в структурный элемент по продвижению и защите интересов экономической империи.

В статье автор рассматривает: *во-первых*, за что ведется война; *во-вторых*, каким образом ТНК, ГК и банки достигают своих целей; *в-третьих*, почему попытки государств урегулировать конфликты часто безрезультатны. Кроме того, автор объясняет, почему войны и вооруженные конфликты не грозят Европе.

Ключевые слова: упразднение СССР; США; Европа; НАТО; глобальные экономические империи; транснациональные и глобальные корпорации; вооруженный конфликт; нация-государство; корпорация-государство.

L. G. Ivashov

Doctor of History (Dr. habil), Prof, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; geoanaliz@mail.ru

STATES TRANSFORMATION AND CHANGE IN THE CHARACTER OF WARS IN THE 21ST CENTURY

Abolition of the USSR promoted the decrease of the nation-states role in the world politics and the development of global economic empires. In the 21st century economic priorities of transnational and global corporations define the essence of wars and armed conflicts, they also have impact on the development of military-technical systems, initiate the creation of new weapon. Nation-states transform into corporation-states. Army as an element of corporation-state political system turns into a structural component for the promotion and protection of economic empire interests.

In this article the author answers a range of questions: firstly, what wars are waged for; secondly, how transnational companies, global corporations and banks achieve their objects; thirdly, why states attempts to settle conflicts are often

ineffective. Moreover, the author explains, why wars and armed conflicts do not threaten Europe.

Key words: abolition of the USSR; the USA; Europe; NATO; global economic empires; transnational and global corporation; armed conflict; nation-state; corporation-state.

Настал самый опасный момент в истории человечества.
Мы придумали технологии, которые позволят нам
уничтожить нашу планету. Но мы еще не изобрели
способ ее покинуть.

*Стив Хокинг,
всемирно известный физик из Кембриджа*

Чем дальше уходит в историю эпоха глобальной биполярности, тем острее и глубже ощущается трагизм разрушения Советской державы и мировой социалистической системы. Исчезло с политической карты мира не просто мощное государство, один из центров или полюсов мироконструкции XX столетия, но исчезло прежнее человечество с его смыслом жизни, целью развития, несущими конструкциями мироустройства; изменились сущность и роль субъектов мирового политического процесса, движущих сил развития человеческого сообщества, резко сократилось разнообразие форм развития, соревновательность социальных систем евразийского и атлантического геополитических проектов. Да и само понятие «развитие» изменило свой сущностный смысл. Скорее, можно говорить о всеобщей планетарной деградации, причем набирающей темп и разрушающей отношения между людьми и народами, между человеком и природой. Демонтирован принцип справедливости в отношениях между государствами, выставленный и заложенный в Устав ООН принцип невмешательства во внутренние дела государств разрушен, применение военной силы стало повсеместным. Кардинальные изменения произошли во всех жизненно важных сферах, в том числе и в военном деле, и в сфере международной безопасности в целом. Сегодня войны заказывают не государства, но они, государства, их ведут и финансируют. При этом армии наиболее мощных государств, включая США, воюют не за государственные и национальные интересы, тем более не за благополучие своих граждан, как и армии стран военных блоков, прежде всего НАТО. Заказчиком войн и вооруженных конфликтов

всё чаще выступают частные экономические структуры, имеющие влияние в государстве или контролирующие систему государственного управления. Естественно, войны и конфликты ведутся прежде всего в интересах этих компаний, их прибылей и усиления властно-управленческих позиций в государствах. Уход СССР с международной арены позволил создать новые виды оружия, которые по эффективности воздействия на человека, среду его обитания вполне следует отнести к ОМП. Запрещенные к применению в эпоху биполярного мироустройства виды оружия, сегодня вновь в действии.

Идет масштабное вторжение человека (в собственных интересах) в биологические программы всего живого на планете, разрушая эти программы, изменяя их сущность. В то же время должное научное осмысление рисков, угроз и опасностей, связанных с био- и нанотехнологиями, цифровизацией, генной инженерией, серьезно отстает от процесса исследований в этих направлениях. Мультидисциплинарная наука безопасности, являвшаяся предметом заботы государств, соответствующего финансирования и развития не получает. Но вопрос об этом никто не ставит и не обсуждает. Полным ходом идет милитаризация космоса. Усиливается мощь и роль частных военных корпораций в мировой политике и экономике. Да и подавляющее число государств мира перестали существовать как самостоятельные субъекты мировой политики и системы национальной и международной безопасности, включая США, Европу и Россию. Они – составные части, исполнители воли и «легенды прикрытия» глобальных и транснациональных экономических империй, не имеющих национальной и цивилизационной идентичности. А это уже совершенно иное состояние человеческого сообщества, его новое качество, противоположное всей исторической традиции поэтапного формирования социально-национальной структуры человечества, облакаемой в соответствующие государственные (имперские) формы. Сегодня государство изменяет свою историческую сущность, социальные функции и национальное содержание, а люди кардинально меняют смысл своего существования, жизни и личностного развития. Что означает прерывание связи и преемственности поколений, крушение национальных традиций. И всё это – результат устранения СССР

и мировой системы социализма, приведшее к утрате государственности. Устранения запланированного и осуществленного в рамках многолетней геополитической операции.

Кто сегодня главный субъект мировой политики?

«Переживаемый в настоящее время кризис – это определенный интеллектуальный провал экономистов, культивирующих идеализированное видение экономики. Сегодня финансовая сфера и финансовый капитал трансформировались из посредника, обслуживающего производство, в ключевой фактор, во многом определяющий экономическое развитие» [Гальвановский, Каурова 2014].

Итак, что же произошло в лихие 90-е? Существование СССР, его политическая, научная, экономическая и военная мощь, динамика развития, наличие стратегической системы союзников и партнеров, успехи и преимущества социализма требовали и в стане его противников иметь мощные государственные конструкции. Государства капиталистического мира вынуждены были поддерживать и развивать системы социальной защиты, соответствующий уровень жизни (иначе граждане возжелают социалистический путь развития), системы комплексной безопасности, образования, здравоохранения, профессиональной занятости. Острая социально-идеологическая конкуренция требовала от сторон развития науки, культуры, технологий. И государства сдерживали прибыльные аппетиты частных национальных и транснациональных корпораций, их безудержную алчность. Да и корпорациям государство было необходимо, особенно в защите и продвижении интересов своего бизнеса, силового давления на конкурентов, для чего необходимы были армия, спецслужбы, внешнеполитическое ведомство и т. д. Содержать таковые частный капитал и не может, и не желает. Поэтому государства капиталистического Запада в период существования СССР и МСС были востребованы национальными и транснациональными корпорациями. Но с исчезновением социалистического оппонента и отсутствием кого-либо, способного бросить серьезный вызов США и тем более всему западному миру (Китай только пробуждался), в западном сообществе встал вопрос о роли и месте государства в условиях однополярности. Происходила внешне незримая схватка государства и ТНК, острое соперничество банковского капитала с производственным. Но против

государства они боролись совместно и отнюдь далеко не официальными и открытыми (законными) способами. Тем более мировая финансовая система, базирующаяся на долларе, является, по сути, независимой от системы государств и слабо регулируется национальным законодательством. Кроме того, финансовый капитал стал подавлять реальную экономику, прежде всего производство, изменяя знаменитую формулу К. Маркса «деньги – товар – деньги штрих», в формулу «деньги – финансовые операции – деньги большой штрих». И сегодня можно констатировать, что государство и производство в конечном счете проиграли. А значит, проиграли такие сферы, как образование, культура, наука, здравоохранение, технологии, технологичные рабочие места. Причем Америка была покорена одной из первых, после чего капитал двинулся в более прибыльные территории, включая Китай, мощное развитие получили ТНК, сливаясь между собой и банками они стали трансформироваться в глобальные корпорации, кратно по совокупной мощи превосходящие государства. Имея огромные финансовые ресурсы, ТНК и ГК скупали государственную власть, продвигая в структуры государственного управления (парламент, правительство, президенты) свою лоббистскую агентуру, меняли политику страны, а где это не удавалось, организовывали «демократические революции», или наносили ракетно-бомбовые удары с целью «восстановления попранных прав человека». Югославия, Ирак, Ливия, Сирия плюс Афганистан, Йемен и др. – наглядные примеры «демократизации» западного типа. Не получилось в Сирии? Это как сказать. Вторжение в Сирию американского, британского и израильского спецназа и полчищ наемников невесть откуда взявшихся на территории контролируемого американцами Ирака, террористических организаций, дестабилизировали САР, раскололи гражданское общество, разрушили экономику и социальную инфраструктуру, отбросили страну в Средневековье и разрушили систему государственности, реальную экономику огромного региона. Но главное для ТНК и ГК, контролирующих углеводородную отрасль американской экономики, газ и нефть из Катара и Ирана не потекли в ЕС через Сирию и Турцию, чем ослабили экономику и самой Европы. Туда, в ЕС, Трамп продавливает американский сланцевый газ. Взамен российского, катарского и иранского. Если в прошлом мировоззрение и

проекты экспансии со стороны ведущих стран Запада формировали и «планировали» государства в интересах своих национальных корпораций, национальной безопасности и расширения «географического пространства», то сегодня «заказчиками» выступают крупные финансовые структуры, ТНК и даже частные лица. Такие, например, как Сорос. «Капитал становится завоевателем мира, но каждый раз, как он завоевывает страну, он завоевывает только новую границу, которую необходимо отодвинуть дальше. Это стремление превращается в экономическую необходимость, потому что остановка понижает прибыль финансового капитала, уменьшает его способность к конкуренции и может, в конце концов, меньшую хозяйственную область превратить в данницу крупной... На место идеала демократического равенства выступил идеал олигархического господства» [Гильфердинг 2011, с. 399–400]. Читая часть этой цитаты о границе, вспомнилось изречение Ото фон Бисмарка: «Армия – это движущаяся граница государства». Ниже поговорим о роли армии при господстве капитала. А пока дополним уважаемого немецкого исследователя «перемещение оборота капитала в финансовую сферу определяет порядок, при котором владение, распоряжение и управление активами становится делом узкой группы олигархата и его помощников» [Егоров 2018, с. 6].

Но, в предвыборных речах Д. Трамп вещал о защите социальных прав американского народа, а в инаугурационном спитче обмолвился даже о власти народа. Но так ли это? В Америке, как и в целом в условном Западе, строительство глобальных экономических империй трех типов – финансовых, производственных и универсальных. Финансовая глобальная империя базируется на ФРС и пронизывает всю мировую финансовую систему посредством всепроникающего доллара и устойчивого контроля над ним, над его потоками. Вторая империя глобального масштаба – производственная – базируется прежде всего на системе военного производства (ВПК), авиационно-космической отрасли, перспективных технологиях будущего. Собственную глобальную экономическую империю выстроили углеводородные компании. Эту ГК можно читать империей универсального типа. Потому как она выстраивалась с опорой на всевластие доллара и постоянные войны за овладение ресурсами и подавлением конкурентов, что осуществить без

военной машины невозможно. Все эти империи появились не внезапно, но с упразднением СССР их формирование получило ускорение. Их прародители всегда имели собственную вооруженную составляющую в виде террористических организаций, наемников, позднее – ЧВК. Наркоимперии имели целые армии, маскируемые под революционеров. Министерство энергетики США официально имеет свой спецназ. Новинкой в сегодняшней деятельности экономических империй (глобальных корпораций и ТНК) является то, что они выступают хозяевами вооруженных сил, заказчиками новых типов войн и новых видов вооружений. Они же серьезным образом влияют на развитие вооруженных сил и военного дела в целом. К сожалению, во многих странах мира, включая Россию, в военно-политических и военно-технических кругах бытует мнение, что войны развязывают и ведут государства в собственных интересах. И попытки найти решение проблемы типа сирийской на межгосударственной основе, в виде достигнутых договоренностей (Лавров – Керри; Путин – Трамп) зачастую оказываются безрезультатными. Потому что интересы государств США и России не сопрягаются с интересами американских и российских корпораций, и тем более с ТНК, доминирующих не только в экономике и политике, но уже и в военном деле. И это мы отчетливо наблюдаем по военной активности НАТО. Большая умница из Академии геополитических проблем, доктор политических наук Н. А. Комлева констатирует: «Соответственно, и армия как структурный элемент нации – государства становится элементом политической системы корпорации – государства и служит не интересам общества в целом, но интересам ТНК и ГК... т. е. превращается в структурный элемент коллективной ... экономической империи» [Комлева 2018].

За что воюем?

«Соединенные Штаты преследуют свою собственную цель по сохранению своей собственной валютной системы, основанной на долларе. Для практического осуществления этой главной задачи и начата украинская кампания по разрыву экономических отношений Европы и России» [Цит. по: Кубасов 2014].

Вдумаемся в слова постоянного эксперта Агенства национальной безопасности США П.Кристи, высказанное им в интервью главному изданию ЕС вскоре после госпереворота на Украине.

Цинично, но откровенно. Но ведь доллар собственность не государства по имени США, а группы частных банков – ФРС. Война на Украине заказана не обычная, классическая, а затяжная, гибридная, коварная. Бьющая по евроконкурентам, по России, по православно-славянскому культурно-цивилизационному слою. При этом война не затратная для США, но сулящая большие прибыли американским компаниям в перспективе. Ее цель – зачистить европейское пространство для американского сланцевого газа. А теперь присмотримся к масштабам, характеру учений НАТО у российских границ. Сейчас натовскую активность у российских границ привязывают к возвращению Крыма и Севастополя в состав России. Но русофобская истерия и натовская активность начались гораздо раньше, и странным образом совпали с началом реализации совсем не крымского проекта.

С 2010 г. военные учения натовских стран стали носить системный характер, стратегический комплексный размах. При этом из лексики натовских пропагандистов и генералов ушли фразы о подлодках, захваченных «террористами», о подрывных силах в прибалтийских республиках, стремящихся дестабилизировать обстановку в зоне ответственности альянса. На учения типа «Балтопс» приглашались российские военные представители.

В 2010 г. НАТО провело очередную серию учений. Казалось бы, ничего необычного, подобные мероприятия проводятся ежегодно. Однако при обобщении ряда фактов и событий проясняется, что учения обретают большой пространственный масштаб и содержательный новый характер – появился новый регион, новый противник.

На первом этапе в период с 12 по 24 апреля 2010 г. были проведены учения ОБВС НАТО «Бриллиант ардент» и ОБМС «Бриллиант маринер». Практически одновременно проходили учения систем управления и связи НАТО «Стедфаст катод» (19–30.04 2010). Место проведения – акватория Северного и Балтийского морей. Особенность – отрабатывалась стратегическая наступательная воздушная и морская операции против «придуманного государства», владеющего огромными природными ресурсами в условиях проблем с доставкой этих ресурсов в западные страны. Направление действий – северо-запад России и российская Арктика.

Одновременно в воздухе находилось до 90 боевых машин. Очевидно, что «придуманная» страна – Россия. Заметим, что речь об обороне стран Балтии вообще не идет. В это же время в Германии проходили учения сил специальных операций НАТО, надо полагать, тоже против «придуманного» государства.

На втором этапе прошло компьютерное КШУ «Стедфаст мув» (10–14.05 2010) и КШУ «Балтик-хост» (31.05–5.06.2010). Цель – отработка планов переброски войск НАТО в кризисные районы, приема и размещения воинского контингента НАТО в странах Балтии. Заметим, не обороны, а размещения контингента. На том, чем указанный контингент будет заниматься, остановимся ниже.

Если рассматривать второй этап продолжением первого, просматривается логическое развитие обстановки. После воздушной и морской кампаний (учений ОВВС и ОВМС НАТО «Бриллиант»), в ходе которых по общему замыслу должна быть уничтожена система управления, ПВО и военная инфраструктура противника, были отработаны вопросы перехода к наземной фазе агрессии.

Противник тот же, «придуманное» государство, которое не хочет делиться природными ресурсами. Замыслом учений обосновывается развертывание в странах Балтии многотысячной группировки НАТО и вовлечение в учение нейтральных северных стран: Швеции и Финляндии.

В качестве повода разработчики учения придумали ситуацию в государстве «Сандора», раздираемом на части внутренними проблемами и территориальными претензиями соседних государств. Пикантность ситуации заключается в явной очевидности аналогии «Сандоры» с Пыталовским районом Псковской области (вокруг которого в последнее время накаляется реальная обстановка). Фактически отрабатывались военные действия против двух бригад «Сандоры» – 76-й ВДД и 138-й ОМСБР, которые представляют российские вооруженные силы на северо-западном стратегическом направлении.

Однако очень смущают масштабы «миротворческой» операции. Для ее проведения достаточно было бы воздухом и своим ходом перебросить часть сил первоочередного задействования НАТО (2–3 бригады) и во взаимодействии с вооруженными силами соседних государств разъединить противоборствующие стороны.

В действительности были отработаны вопросы стратегических перегруппировок, оборудованы порты и аэродромы, железнодорожная и шоссейная инфраструктура, наконец, построены дороги в балтийских дюнах. Всё это реально проведено.

Третьим этапом стало учение ОБМС НАТО «Балтопс» (7–18.06 2010). Район проведения – Балтийское море и побережье. Заявленная цель – минно-тральная морская операция, практическая высадка войск и выгрузка грузов с использованием десантных средств, переброска по железной дороге бронетанковой техники. Примечательно, что высаживались только морпехи и техника США, у остальных членов НАТО, видимо, цинизма не хватило. Практически были задействованы амфибийно-десантные средства, морская пехота США, бронетехника (в том числе далекие от миротворчества танки «Абрамс»).

По сути, была отработана воздушно-морская десантная операция с целью завершения разгрома того, что по замыслу учений останется от российского Балтийского флота после воздушной кампании, и обеспечения последующей высадки основных сил. Подобную операцию даже с натяжкой трудно отнести к оборонительным действиям.

На учение «Балтопс» пригласили БДК (большой десантный корабль) Балтфлота России, один на фоне более 30 кораблей НАТО. Но зато реальная будущая цель.

На четвертом этапе, в ходе учений «Сейбр Страйк – 2011» 18–31 октября 2010 г. (цифра «2011» означает, что деньги на эти учения взяли из бюджета 2011 г.) были практически отработаны вопросы стратегической перегруппировки войск из США в страны Балтии. Но уже в других масштабах. Вместо десантных средств – крупнотоннажные морские контейнеровозы типа «American Tern». После выгрузки была практически осуществлена перевозка тяжелых боевых машин железнодорожным транспортом (другой техники – своим ходом) на Адажский полигон, где была оборудована база размещения войск.

Отметим отработку военных действий на едином оперативном фоне в Арктике, Карелии, Приднестровье, на Кавказе. Именно в этот период начиналась подготовка государственного переворота на Украине и раскручивалась внешняя агрессия против Сирии.

Ливийская Джамахирия уже была уничтожена натовскими силами.

А теперь привяжем военную активность к газовой и нефтяной трубам. Активность сил НАТО на севере Европы и в зоне Балтики «чудесным» образом совпала с активизацией строительства газопровода «Северный поток – 2» и запуском программы по строительству терминалов по приему американского сланцевого газа в Европе. Первый крупный терминал уже запущен в присутствии Д. Трампа, он находится на побережье Балтийского моря (Польша). Параллельно со строительством американских терминалов, не менее «чудесным» образом совершен государственный переворот на Украине, через которую также проходит российская газовая труба.

И примерно в это же время американские специалисты с ледокола «Хили» производят съемку арктического дна и находят подножие континентального склона Аляски и Алеутской гряды, готовят заявку в комиссию ООН по Арктике на право обладания территорией площадью 4,1 млн кв. км, с ресурсами (углеводороды) на примерную сумму – 1,3 трлн долл. США. Не «хило» для американских компаний и ТНК. При этом Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., дающую право на 350-километровую зону акватории шельфа (200 + 150 км) прибрежным государствам, ратифицировать не собираются [Лукин, Мусиенко 2018, с. 89–90]. Вместо этого усиленно реализуют «дорожную арктическую карту», предусматривающую создание линейки арктических вооружений, наращивание группировки сил и создание «арктического НАТО». И стратегические военно-воздушные и военно-морские учения ОВС НАТО и Швеции 2010 г. – тому подтверждение.

Уничтожение Ирака, Ливии, Сирии, дестабилизация всего Ближнего Востока, санкции и постоянная военная активность против Ирана – это тоже планы ТНК и стоящих за ними политических сил США и Израиля. Ранее американским компаниям нужен был строгий контроль над углеводородами региона, их добыча и торговля. Государство и вооруженные силы обеспечивали устойчивое американское присутствие, охрану коммуникаций и подавление попыток торговать не в долларах и в обход нью-йоркских бирж. За это заплатился С. Хуссейн, М. Каддафи, М. Салех и др. За это

же получил 30-летние санкции Иран. Никто за них не вступился. Ситуация с Сирией несколько иная. В начале XXI в. на Ближнем Востоке человечество получило углеводородное прибавление: были открыты или спрогнозированы большие запасы углеводородов в Арктике, Латинской Америке, на Ближнем Востоке. На Южном Парсе (Персидский залив) были обнаружены огромные (50 трлн куб. газа и столько же газового конденсата) запасы углеводородного сырья. Две трети запасов были отнесены к собственности Катара, одна треть – Ирану. Углеводородные империи ринулись в регион. Европа возликовала и отказала России в «Южном потоке». Ливию, поставлявшую газ в Южную Европу через итальянский концерн «Эни» (60 % ливийского газа), уничтожили на всякий случай. М. Каддафи был не очень предсказуемый и продвигал в Африканском союзе и Лиге арабских государств идею о переводе торговли углеводородами в золотых динарах, а не в долларах. Маршрут прокладки газопровода для более дешевого, чем российский, катарского и, после отмены санкций, иранского газа в Европу, должен был пройти через территорию Сирии, в Турцию и далее в Европу. В 2008–2010 гг. Башара Асада обласкивали европейские дворы, а Эрдоган объявил его своим братом. Да, этот проект был интересен Сирии. Но не выгоден России, США и находящемуся под санкциями Ирану. Европейцы именно по «газовой» причине поспособствовали снятию Обамой санкций с Тегерана. Ряд российских компаний («Газпром», «СоюзНефтеГаз», «Татнефть») вышли на сирийский рынок еще в 2008–2010 гг., после ухода европейских, якобы по причине нарушения прав человека, а проще – по приказу из Вашингтона, расчищавшему рынок для собственного сланцевого газа.

А теперь, уважаемый читатель, представьте великую нефтегазовую битву, развернувшуюся вокруг обыкновенной трубы, и вам будет понятно: кто формирует политику, заботится о правах человека, организует миграционные потоки, кто заказывает войну. Подчеркну только маленький штрих: уводить деньги из-под контроля государства и общества (и не заводить их вообще на территорию своей страны) в зарубежных финансовых операциях гораздо проще и надежнее. Коммерческая тайна. А с началом военных действий – еще и тайна военная, за разглашение которой – статья.

Экономические империи и военное искусство

Мы будем лидировать с позиции силы... США будут применять военную силу, при необходимости используя ее в одностороннем порядке... Вооруженные силы США будут готовы применить военную силу в любой точке мира, воспрещая и останавливая агрессию на множествах театрах военных действий»

Из Стратегии национальной безопасности США, 2015

Очень «демократичный» пассаж из главного документа американской внешней политики и политики безопасности. А теперь давайте расшифруем некоторые фразы из Стратегии. Что означает, например, «лидировать с позиции силы? Ответ следует далее: «США будут применять военную силу», даже в одностороннем порядке, т. е. «долбать» даже тех, кто не сопротивляется. Причем в любой точке мира. Да еще «воспрещая и останавливая агрессию», словно весь мир государств будет пытаться атаковать Америку. На самом деле, этот, казалось бы, полный бред говорит о том, что вооруженные силы США обязываются защищать интересы экономических империй – ТНК, банков и ГК. Ибо только они имеют интересы в любой точке мира. Но с учетом экономических интересов ТНК и ГК прежние типы войн и виды боевых действий не всегда прибыльны. Например, зачем в Европе развязывать большую классическую войну, которая приведет к огромным разрушениям инфраструктуры, если вы собираетесь туда поставлять свои углеводороды и другую продукцию. К тому же европейцы не хотят да и не умеют воевать. Да и в ответ можно получить «неприемлемый ущерб» от противника (России), т. е. потерять часть будущих прибылей. Но чтобы сделать европейцев более сговорчивыми в цене на американский сланец, их необходимо, во-первых, страшить войной с Россией; во-вторых, повязать проблемами мигрантов, Украиной, втянуть в ближневосточные авантюры; в-третьих, разделить Европу на проамериканскую и на (условно) прогерманскую; в-четвертых, насадить в политический спектр Европы свою (проплаченную) агентуру. Всё это оформляется в войну нового типа – гибридную. Так что большой войны на европейском ТВД я не предвижу. А вот на ближневосточном театре военных действий твори что угодно. Чем

больше там разрушений, тем выше прибыли вовлеченных в процесс компаний. И если в Европе в случае большой войны (с Россией) придется вкладываться в современные вооружения, весьма дорогостоящие, да и жертвовать американскими военнослужащими, то на Ближнем Востоке можно обойтись местными аборигенами и наемниками из бедствующих стран, разрешив им жить грабежами, заставить платить саудитов, Катар, Турцию и др. И поставлять в качестве оружия старье. И даже утилизировать отжившие свой век «томагавки» и фосфорные бомбы путем нанесения ударов по войскам «диктаторов». Совершенно иной вариант войны и вооружений может быть в Арктике. Здесь в основу военных действий будет заложен принцип экологической безопасности. А значит и средства вооруженной борьбы, тактика их применения будут соответствующие.

Итак, экономические приоритеты транснациональных и глобальных корпораций в XXI столетии определяют сущность и содержание войн и вооруженных конфликтов, они же влияют на развитие военно-технических систем, инициируют создание новых видов оружия. И хотя разработку, производство и применение вооружений оплачивают государство и налогоплательщик, ТНК и ГК, являясь заказчиками войн, во многом определяют и направления развития средств ведения войн и вооруженных конфликтов. На пространствах их деятельности и контроля далеко не всегда требуется применение разрушительной военной силы. Зачастую на таких территориях применяются элементы «мягкой силы», а также средства неразрушительного воздействия. Это оружие поражения сознания, киберсистемы, беспилотные летательные аппараты, высокоточные средства поражения и др., и, конечно, средства тотального контроля за финансово-экономической и политической деятельностью оппонентов и друзей, в их числе цифровые технологии. Мощным оружием стали санкции. Всё это Россия испытывает в полной мере на себе.

Не избежала РФ и процедуры превращения в корпорацию-государство. Советский Союз являлся государством – цивилизацией. В ельцинские годы Россия, как и другие осколки СССР, начали дрейф в сторону государства-корпорации. В 1996 г. олигархатом (семибанкирщина) была предпринята попытка превратить

страну в корпорацию, ослабив ее государственность, отстранив от управленческих функций русский народ, установив безраздельную власть еврейского капитала над всеми народами России. Русские если и допускались к властным полномочиям, то по определенным критериям: нетрадиционная половая ориентация, отсутствие профессионального опыта и знаний, склонность к стяжательству, пьянству и продажности. По сути дела, повторялась ситуация революции 1917 г. С приходом на президентский пост В. Путина процесс трансформации РФ в корпорацию-государство был приторможен вплоть до мая 2018 г., тем не менее подготовка и создание условий к смене сущности российского государства не прекращалась. Продолжались процесс дикой приватизации, усиление доли частного и иностранного капитала в госкорпорациях. Банковская система всё более переходила под контроль западных банков и ФРС, рубль всё плотнее привязывался к доллару, государство уходило от социальных обязательств, планомерно разрушая медицину, науку, образование. Административная структура власти еще теснее сливалась с бизнес-структурами. Политическая система также планомерно отдаляла народ от рычагов управления государством, прикупая системные оппозиционные партии и подавляя попытки образовать любую политическую организацию, способную бросить вызов олигархическому капиталу. Запад подыгрывал российскому олигархату, критикуя президента, арестовывая счета некоторых чиновников и бизнесменов, раскручивая военный и русофобский психоз. После инаугурации Путина в мае 2018 г. сторонники разрушения государственности и возведения на месте России корпорации перешли в решительное наступление. Где в политической системе займет армия свое место и чьи интересы будет защищать – большой вопрос.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гальвановский М. И., Каурова Н. Н.* Роль фундаментальной науки в обеспечении финансово-экономической безопасности // *Экономические стратегии.* 2014. № 8. С. 22–31.
- Гильфердинг А.* Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М. : Либроком, 2011. 480 с.
- Егоров В. Г.* Глобальный финансовый кризис: тупик или шаг вперед? // *Обозреватель.* 2018. № 6 (34). С. 6.

Комлева Н. А. [и др.]. Армия в структуре экономических империй: основные функции: коллективная монография Северо-Западного отделения Академии геополитических проблем «Геополитика на страже Родины». СПб., 2018. 331 с.

Кубасов Ю. Судьба Украины никого не волнует [Электронный ресурс] // DAL.BY. 14.05.2014. URL : www.dal.by/news/1/14-05-14-14/

Лукин В. Н., Мусиенко Т. В. Русский мир и безопасность России: коллективная монография Северо-Западного отделения Академии геополитических проблем «Геополитика на страже Родины». СПб., 2018. 312 с.

УДК 325

Е. С. Белукова, Н. С. Харламова

Белукова Е. С., сотрудник Международного центра по развитию миграционной политики со штаб-квартирой в Вене;
e-mail: Ekaterina.Belukova@icmpd.org

Харламова Н. С., кандидат педагогических наук, доцент; заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук, Институт международных отношений и социально-политических наук МГЛУ; e-mail: natalya_london@yahoo.com

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: НОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

В статье анализируются последние решения, принятые ЕС, по противодействию кризису, связанному с миграционными потоками в Европу. Авторы рассматривают миграционную ситуацию в отдельных странах и в целом по Европе и приводят миграционную статистику, необходимую для проведения анализа сути миграционного кризиса. Рассматривается конфликт интересов между отдельными странами и официальным Брюсселем. В связи с этим в статье поднимается широкий круг вопросов, связанных с последним развитием миграционных событий; особое внимание уделяется ключевым вопросам миграционной политики: реформе общеевропейской системы предоставления убежища; созданию агентства по контролю за внешними границами Евросоюза; сотрудничеству с третьими странами или странами прохождения мигрантов; работе по выработке механизмов возвращения незаконных мигрантов и совершенствованию процесса интеграции беженцев. Авторы также рассматривают возможные сценарии и последствия принятия новых политических решений в миграционной политике европейских стран.

Ключевые слова: миграционный кризис; миграционный вызов; статус беженца; незаконная миграция; дорожная карта по проблемам миграции.

E. S. Belukova, N. S. Kharlamova

Belukova E. S., Project officer of the International Centre for Migration Policy Development; e-mail: Ekaterina.Belukova@icmpd.org

Kharlamova N. S., PhD (Pedagogy), Prof., Ass. Prof., Head of the department of Linguistics and Political Communication of the Institute of International Relations and Social and Political Sciences MSLU; e-mail: natalya_london@yahoo.com

MIGRATION POLICY OF THE EUROPEAN UNION: NEW STEPS TO COMBAT ILLEGAL MIGRATION

The article considers the latest resolutions adopted by the European Union to cope with the migration crisis. The authors describe the migration landscape in

different countries as well as in Europe as a whole and give the relevant migration statistics to define the essence of the migration crisis. The conflict of interests between certain countries and official Brussels is analysed. As a result a wide range of issues related to the latest migration events is considered. Special emphasis is made on the key issues of migration (refugee) policy: reforming Common European Asylum System; establishing Border and Coast Guard Agency; cooperating with third countries or countries of migrants origin; working out the return mechanism of refugees and improving the process of integrating asylum-seekers.

Key words: migration crisis; migration challenge; refugee status; illegal migration; road map on migration.

Миграционная ситуация в странах Европейского союза (ЕС) стала тестом на прочность для основных политических сил в Европе. В 2017 г. прошли президентские выборы во Франции, парламентские выборы в Германии и Австрии. Годом раньше Великобритания приняла на референдуме решение покинуть ЕС. Тема миграции стала ключевой, если не самой важной, для европейских политиков и электората. Дебаты накануне голосования часто сводились к вопросу: поддерживать ли миграцию – волну беженцев из стран Ближнего Востока и Африки – или же противостоять ей?

История XX в. показывает, что противостоять миграции сложно и что едва ли возведение стен – путь, по которому сегодня пошла, например Венгрия, может значительно снизить число беженцев. Будучи первыми странами, которые пересекают беженцы на пути в Европу, Италия и Греция столкнулись с беспрецедентным наплывом мигрантов. Однако некоторые партнеры по ЕС, в основном страны-члены Вышеградской группы (Польша, Чехия, Словакия и Венгрия) совсем не спешат разделить с соседями бремя ответственности и распахнуть свои двери для беженцев. Даже Германия в лице канцлера Меркель, будучи лидером европейской миграционной политики гостеприимства, вынуждена пересмотреть свой подход под давлением общественного мнения в своей стране.

Сразу стоит отметить, что ЕС и его институты – сложный бюрократический механизм. Решения, так или иначе связанные с миграцией, принимаются на уровне всего ЕС, а значит подлежат исполнению во всех его странах-членах¹, так и на местном уровне

¹ Законоположения и решения (regulations and decisions) являются обязательными к исполнению на уровне ЕС сразу после принятия. Директивы

государств. В данной статье анализируются прежде всего общие европейские меры.

Прежде чем представить актуальную миграционную статистику в странах ЕС, нужно сказать, что, когда речь идет о миграционном кризисе в Европе, общественное мнение чаще всего имеет в виду, не мигрантов в целом, а беженцев как отдельную категорию мигрантов. Очень важно не смешивать понятия и отличать мигранта (мотивы к переселению, у которого могут быть разными, в том числе и чисто экономическими) от беженца или претендента на его статус. Статья 1 Конвенции ООН о статусе беженцев (принята 28 июля 1951 г.) дает основания для предоставления статуса беженца в случае наличия «...опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений...» [Конвенция о статусе беженцев 1951]. Конвенция также указывает, что беженец «...находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений» [там же]. Основные политические решения в сфере миграции, принятые в ЕС в последние два года, прежде всего направлены на беженцев как на отдельную категорию мигрантов.

Если говорить об общем числе заявок на предоставление статуса беженца, полученных ответственными ведомствами в странах ЕС, то, согласно статистике Евростата, можно наблюдать последовательный рост в течение нескольких лет: 431 тыс. в 2013 г., 627 тыс. в 2014 г. и уже около 1,3 млн в 2015–2016 гг.

В 2016 г. из 1,3 млн человек положительное решение о статусе беженца получили 336 тыс. человек, 258 тыс. получили право на дополнительную защиту, а еще 48 тыс. – право остаться в ЕС по другим гуманитарным причинам. Что же касается общего числа

(directives) должны быть прежде включены в национальное законодательство каждой страны и только потом подлежат исполнению. Европейская комиссия следит за тем, чтобы законы ЕС применялись надлежащим образом и своевременно, и в противном случае принимает меры.

людей, которые имеют признанный статус беженцев на территории ЕС на настоящий момент, точное их число статистическими агентствами и международными организациями не приводится. Это связано с тем, что не все страны ЕС предоставляют такую статистику, а также с тем, что в течение года юридически признанный статус человека может меняться. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) приводит примерную оценку в 2,3 млн человек на 2015–2016 гг. [UNHCR Population Statistics Database].

Наибольшее количество соискателей статуса беженца приезжают в ЕС по-прежнему из Сирии, Афганистана, Ирака и стран Восточной Африки. 53 % составляют мужчины. Германия неизменно остается страной, которая получает больше всего заявок на предоставление статуса беженца (60 % от всех прошений в 28 странах ЕС приходится на ФРГ).

В целом статистическая ситуация на 2017 г. выглядит несколько иначе по сравнению с предыдущими годами. После общего роста в период с 2013–2016 гг. число людей, попадающих на территорию ЕС незаконным путем (а это относится и к претендентам на статус беженца), в 2017 г. уменьшилось в два раза по сравнению с 2016 г. Интересно отметить, что в то время как в общем по ЕС число заявок на предоставление статуса беженца сократилось, для каких-то стран эти цифры наоборот выросли. Пока Болгария, Дания, Финляндия, Германия, Венгрия, Нидерланды, Польша и Швеция фиксируют спад, то во Франции, Греции, Италии и Испании, наоборот, наблюдается рост. Это еще раз подтверждает, что противодействие миграционным вызовам по-прежнему сохраняет большую актуальность.

Взять под контроль потоки беженцев является непростой задачей. Несмотря на то, что увеличение потока беженцев при военных действиях является логичным и ожидаемым явлением, именно – нестабильность в странах происхождения беженцев спровоцировала увеличение их потока, едва ли его можно полностью спрогнозировать. ЕС оказался не готов принять такое количество людей одновременно, и это при том, что масштабы могли бы быть еще больше: ведь огромное число беженцев приняла Турция (2,9 млн по данным УВКБ ООН [Figures at a Glance ... 2018]) и другие страны в регионе, приняв на себя основной удар.

Дублинская конвенция 1990 г. предусматривает, что убежище должно быть запрошено в той стране на территории ЕС, которую потенциальный беженец пересекает первой [Jean-Claude Juncker... 2017]. Документ оказался нежизнеспособным уже в первые месяцы нового миграционного кризиса. Беженцы попадали в ЕС, въезжая в основном через Грецию, Италию и Венгрию. Эти страны не смогли за короткий срок не только провести все нужные процедуры для рассмотрения ходатайств, но и даже просто зарегистрировать всех вновь поступающих. Таким образом, на практике, из-за нехватки человеческих ресурсов, большое количество людей неконтролируемо пересекало эти страны, направляясь в Центральную Европу. Идентификация личности, проверка документов, размещение на ночлег и предоставление еды и одежды стали первоочередными задачами.

Проведение интервью, проверка всех обстоятельств дела потенциальных беженцев также стала вызовом для некоторых стран. Стандартные процедуры рассмотрения прошения на предоставление статуса беженца могли доходить в отдельных странах до нескольких месяцев или даже лет. Сейчас же в отдельных случаях ускоренные процессы занимают от нескольких недель до нескольких дней в зависимости от страны. Это, безусловно, требует дополнительного финансирования. Миграционные ведомства стран ЕС мобилизованы: например, в какой-то период миграционная служба Швеции перешла на круглосуточный режим работы.

Следующей проблемой, с которой столкнулись страны ЕС, стал вопрос, как поступить с теми, чьи прошения о статусе беженца были по объективным причинам отклонены. Высылка незаконных мигрантов обходится бюджету стран ЕС в крупные суммы, так как правило процедуры выдворения не производятся за один день, а требуют планирования. Это осложняется тем, что соглашения по ремиссии подписаны далеко не со всеми странами происхождения незаконных мигрантов, а значит процесс выдворения в таких случаях становится крайне затруднительным.

В разряд постоянных трудностей, которые сегодня стали европейской реальностью, относится процесс интеграции беженцев: на первое время предоставление жилья и средств для оплаты мелких повседневных расходов, а дальше поддержка государством мер

для их будущей независимой жизни в ЕС уже без государственных субсидий. Последнее особенно непросто, ведь порой беженцы не владеют даже английским языком, не говоря уже о языке новой страны своего пребывания, и не имеют профессиональных навыков.

Основные принципы европейской миграционной политики изложены в Европейской повестке дня по миграции (European Agenda on Migration), всеобъемлющем документе, который вышел в 2015 г. Однако миграционная политика ЕС требует пересмотра. Это отмечает и экспертное сообщество, и сами политики. Требуется перейти от реакционных мер в ответ на кризис в виде большого потока незаконных мигрантов и беженцев к мерам на опережение, которые будут представлять скоординированный слаженный механизм, работающий во всех странах ЕС. Анализируя основные решения и дискуссии в официальном Брюсселе, а также Дорожную карту по миграции (Roadmap to deal by June 2018 on the Comprehensive Migration Package), можно отметить следующее:

1. Реформа Общеευропейской системы предоставления убежища (Common European Asylum System, CEAS) на данный момент заблокирована в Европейском совете. Краеугольным камнем стал вопрос об обязательном перераспределении беженцев из тех стран, где их слишком много, в те страны, где их меньше. Это бы позволило разделить ответственность между всеми странами ЕС. Отдельные квоты были рассчитаны для каждой страны с учетом ее размера, количества населения, а также принимая во внимания и иные факторы. Однако согласие по этому вопросу не было достигнуто. Чтобы как-то выйти из этой тупиковой ситуации, предлагается отказаться от обязательного переселения беженцев из одной страны в другую и положиться на добрую волю стран – членов ЕС в этом вопросе. Обязательное переселение будет предусмотрено законодательно лишь в кризисных ситуациях. Однако достаточно ли этого, чтобы облегчить жизнь таким странам, как Германия и Швеция, которые приняли больше беженцев, чем другие, и справедливо ли это в отношении, скажем, Польши, власти которой и слышать не хотят о приеме большего числа беженцев, – вопрос открытый.

2. Агентство по контролю за внешними границами Евросоюза Frontex трансформировано в Европейское агентство пограничной

и береговой охраны (European Border and Coast Guard Agency) в 2016 г. Меры, связанные с наращиванием потенциала трансформированного ведомства, должны улучшить управление и контроль за внешними границами ЕС. Помимо прочего, агентство получило в свое распоряжение дополнительно около 1,5 тыс. сотрудников резерва и возможность покупки новейшего оборудования по управлению границами, доступное для мобилизации в кризисной ситуации. Тем не менее страны ЕС должны быть готовы увеличить финансирование агентства в случае необходимости, а также предоставить дополнительные человеческие ресурсы.

3. Сотрудничество с третьими странами и / или странами происхождения мигрантов – важная задача. Например, ЕС финансирует масштабные проекты с Турцией, которая стала местом размещения огромного количества беженцев. Тем не менее точечного финансирования недостаточно. В своем недавнем интервью «Deutsche Welle» Ж. К. Юнкер заявил: «Мы должны предоставить тем, кто хочет приехать и в состоянии это сделать, а также тем, чье положение позволяет им приехать, законные пути въезда в Европу. Я полагаю, что не предложив законные пути эмиграции в Европу, мы будем потеряны»¹ [Jean-Claude Juncker... 2017]. Таким образом, ЕС необходимо разрабатывать схемы законной миграции с основными странами происхождения мигрантов, включая в первую очередь африканские и ближневосточные страны. Пилотные схемы по законной экономической миграции были предложены третьим странам в мае 2018 г.

Сотрудничество с третьими странами, финансирование проектов и выработка схем по законной миграции способствуют снижению уровня миграционных потоков только в тех случаях, если лидеры третьих стран готовы к сотрудничеству. Хорошим примером этому служит Турция, которая сама не является страной происхождения большого количества беженцев в ЕС, но которую пересекают беженцы на пути в ЕС. Согласно соглашению между Турцией и ЕС, беженцы, которые попадают в Грецию из Турции, могут быть возвращены обратно, и Турция будет обязана их принять. Для поселений беженцев в Турции, ЕС выделил дополнительное финансирование. Но это очень удобное для Европы

¹ Перевод наш. – *Е. Б., Н. Х.*

соглашение, в свою очередь, ставит ЕС в зависимость от Турции и ее президента Реджепа Тайипа Эрдогана, который неоднократно выражал угрозы открыть поток беженцев в Европу. Если же Турция вовсе закроет свои границы для беженцев, они всё равно достигнут границ ЕС так или иначе.

4. Выработка механизмов по возвращению незаконных мигрантов должна продолжаться. Это заключается не только в подписании договоров о ремиссии и протоколов их взаимодействия с третьими странами, а также в фактической высылке незаконных мигрантов, но и в предоставлении финансирования и поддержке мер по реинтеграции возвращенцев в странах их происхождения.

Таким образом, консолидированный подход ЕС основывается на выработке компромиссных решений по тем вопросам, где единства у стран – членов ЕС нет; на реформе своих внутренних институтов; на наращивании сотрудничества со странами происхождения мигрантов (например, путем заключения договоров о ремиссии и схемах законной миграции, а также с помощью финансирования проектов по поддержке правительств и населения в этих странах).

Если большая часть вышеупомянутых предложений Дорожной карты будут достигнуты к середине 2018 г., ЕС будет бесспорно лучше подготовлен к миграционным кризисам, которые возникнут в будущем. Вне сомнений ЕС находится в плену ряда факторов, которые ему не подвластны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Конвенция о статусе беженцев 1951. URL: un.org/ru/index.html ; un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml/
- Figures at a Glance. 2018. URL: unhcr.org/figures-at-a-glance.html/
- Jean-Claude Juncker*: Migrants 'need legal ways to come to Europe'. 2017. URL: dw.com/en/jean-claude-juncker-migrants-need-legal-ways-to-come-to-europe/a-41556151?maca=en-Twitter-sharing/
- UNHCR Population Statistics Database. 2015. URL: popstats.unhcr.org/en/overview#_ga=2.218975961.1544149295.1512996804-1542855938.1512996804/

УДК 327.8

Ю. В. Синчук, И. К. Харичкин

Синчук Ю. В., доктор политических наук, профессор;
заведующий кафедрой теории и истории международных отношений
Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ;
e-mail: sinchukjv@mail.ru

Харичкин И. К., доктор философских наук, профессор;
заместитель директора Института международных отношений
и социально-политических наук МГЛУ; e-mail: harichkin@starlink.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается проблема политических институтов современной России. Особое внимание уделено становлению политических институтов гражданского общества, через деятельность которых реализуются политические интересы граждан страны. Наиболее полно политические интересы граждан отражают политические партии, при этом всё большее значение в политической жизни России приобретают общественно-политические движения. Автор обращает внимание на специфическую сторону деятельности политических институтов гражданского общества: их влияние на международные отношения. Часто деятельность политических институтов гражданского общества можно представить как «народную дипломатию». Именно эти институты могут эффективно влиять на государство, выражая и защищая интересы граждан в дружественных отношениях с народами других государств, беспрепятственном международном туризме, получении образования за рубежом, реализации международных бизнес-проектов.

Ключевые слова: гражданское общество; политические партии; общественно-политические движения; государство; международные отношения; «народная дипломатия».

Yu. V. Sinchuk, I. K. Kharichkin

Sinchuk Yu. V., Doctor of Political Sciences (Dr.habil.), Professor;
Head of the Department of theory and history of international relations
Moscow State Linguistic University; e-mail: sinchukjv@mail.ru

Kharichkin I. K., Doctor of Philosophy (Dr. habil.),
Professor Deputy director of the Institute of international relations
and social-political sciences MSLU; e-mail: harichkin@starlink.ru

POLITICAL INSTITUTES OF CIVIL SOCIETY IN TERMS OF INTERNATIONAL RELATIONS

The article considers political institutes of contemporary Russia. Special emphasis is made on political institutes of civil society which deal with political

interests of the country's citizens. To a great extent political interests are reflected by political parties, while social political movements are acquiring significant importance. The author discloses distinctive activity of political institutes of civil society: their impact on international relations. Quite often activity of political institutes can be regarded as «public diplomacy». It is these institutes that can influence the state by expressing and defending the interests of citizens in friendly relations with other countries including unimpeded international tourism, education abroad and international business projects.

Key words: civil society; political parties; social-political movements; state; international relations; «public diplomacy».

Более двадцати лет в нашей стране среди политиков, политологов и в средствах массовой информации в связи с изменением общественно-политического строя идут дискуссии о наличии развитости в России институтов гражданского общества. Это связано во многом и с тем, что до сих пор ученые выясняют степень демократизма нашего политического строя. Ведь «принято считать, что гражданское общество является фундаментом демократической общественной организации. Чем более развито гражданское общество, тем больше оснований для демократических форм государства. И наоборот – чем менее развито гражданское общество, тем более вероятно существование авторитарных и тоталитарных режимов государственной власти» [Лагуткин, Грудцына, Пономарев 2013, с. 90]. При этом всеми признается, что сильное гражданское общество является неотъемлемым признаком устоявшейся демократии в стране. Однако создание сильного и развитого гражданского общества с разветвленной сетью институтов, включая и политические институты, в России часто воспринимается как процесс длительный, неспешный и не очень-то воспринимаемый населением, которое, мол, еще не готово само к жизни в развитом гражданском обществе.

Сегодня гражданское общество рассматривается как совокупность взаимоотношений граждан по удовлетворению их различных потребностей, возникающих и развивающихся без участия государства, но в рамках существующего в нем законодательства. Именно в таком ключе рассматривается данное понятие в современной политической науке. И можно согласиться с В. В. Лазаревым и С. В. Липенем в том, что гражданское общество «это система независимых от государства отношений и институтов, способных

обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей» [Лазарев, Липень 1997, с. 148].

В структуру гражданского общества входят многообразные общественные институты, в том числе и политические, организации граждан независимые от государства, посредством которых и происходит реализация их потребностей.

Первичные потребности в предметах, обеспечивающих жизнь и деятельность (еда, одежда, жилье), и в межличностных отношениях удовлетворяются через такие институты, как производственные товарищества, артели, общины, потребительские объединения, профессиональные союзы, которые также защищают их интересы в отношениях с государством, работодателями.

Потребности людей как социальных личностей в жизни общества, в совместном социальном развитии (вера, образование, здоровье, дети, творчество, соревновательность) реализуются в таких институтах как семья, церковь, образовательные и научные учреждения, творческие союзы и кружки, спортивные секции и общества и т. д. Посредством участия в деятельности данных институтов происходит социализация человека, определение его места в обществе.

Потребности граждан страны в определении своего совместного будущего и настоящего в рамках данного конкретного государства реализуются в политическом участии личности в деятельности таких институтов, как политические партии, общественно-политические движения, группы интересов, независимые средства массовой информации политической направленности. Именно посредством данных институтов общество получает возможность предъявлять государству политические требования и в определенной мере его контролировать.

Общественные институты по удовлетворению первых двух групп потребностей граждан существуют во всех странах, демократических и недемократических и практически не связаны с существующим социально-экономическим укладом. Их наличие может отражать степень развитости гражданского общества – это количественный показатель. Именно в развитом гражданском обществе таких институтов может существовать бесконечное множество, различного охвата людей членством в них

от малочисленных дворовых объединений до общенациональных профсоюзных организаций, потребительских обществ. Действуют они строго в законодательном поле страны. В их существовании заинтересовано и само государство, так как с него снимается огромная ответственность за обеспечение жизни своих граждан. При этом государство, поощряя создание таких институтов, всегда старается не упускать их деятельность из поля зрения, вводя определенные процедуры регистрации, отчетности, контроля над их работой.

Такие общественные институты широко представлены в структуре гражданского общества России: добровольные ассоциации граждан, благотворительные фонды, клубы по интересам, творческие и кооперативные объединения, потребительские и спортивных общества, религиозные организации и т. д.

В настоящее время в Российской Федерации по данным Министерства юстиции России на 23.09.2018 г. зарегистрировано 219 799 некоммерческих организаций (unro.minjust.ru/NKOs.aspx), 1 935 национально-культурных автономий (unro.minjust.ru/NKAs.aspx), 158 некоммерческих организаций – исполнителей общественно полезных услуг (unro.minjust.ru/NKOPerfServ.aspx). Таким образом, в Российской Федерации действуют всевозможные добровольные объединения граждан, отражающие широкий спектр их интересов и потребностей в организации социальных и духовных основ их жизни, которые довольно успешно взаимодействуют с государственными органами власти. Можно согласиться с В. А. Ильиным, что «современное гражданское общество – это общество, достигшее партнерских отношений с государством и бизнесом, а также способное контролировать государство и богатство страны» [Ильин 2012, с. 9].

Возможности граждан участвовать в политической жизни государства, влиять на его политическую деятельность, навязывать ему свою волю посредством негосударственных политических институтов отражают силу гражданского общества. Иначе говоря, сильное гражданское общество это качественный показатель, служащий для определения степени участия граждан в делах государства, каналом обратной связи государства и его граждан. Чем больше государство прислушивается к мнению политических объединений граждан, чем больше реальные способности

этих объединений влияют на государство в своих интересах, тем сильнее гражданское общество страны. В развитых демократиях государство также заинтересовано в деятельности политических институтов гражданского общества, оставляя за собой определение процедур регистрации, отчетности данных организаций и контроля над ними.

Сильное, влиятельное гражданское общество отражает возможность граждан за свои средства создавать институты политического влияния и борьбы за власть в государстве. Экономической основой его является частная собственность. Появление сильного гражданского общества на прямую связано со способом производства и распределения материальных благ, наличием свободных капиталов, свободных, неподконтрольных государству финансовых средств. Чтобы гражданское общество могло оказывать влияние на государственные институты оно должно иметь хорошо отлаженные политические структуры, многочисленные, высокоорганизованные, способные к массовым действиям на долгосрочной основе, штат профессионалов, ими руководящих, свои средства массовой информации, через которые можно вести и информационные кампании независимо от государства.

В Министерстве юстиции РФ на 26.07.2018 г. зарегистрировано 64 политические партии, имеющих право в соответствии с Федеральным законом от 11.07.2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» принимать участие в выборах (minjust.ru/nko/vybory/partii), и 270 общероссийских общественных объединений, в учредительных документах которых предусмотрено участие в выборах (to54.minjust.ru/node/262954).

Особая роль в политической жизни страны отводится такому институту гражданского общества, как политическая партия. Политическая партия ставит своей основной задачей сохранение власти (правящая партия) или ее завоевание (оппозиционная партия). «Содержательное наполнение деятельности политических партий, – справедливо отмечает О. А. Гончарова, – должно, включать в себя инициирование политических событий и информационных поводов, разработку акций и мероприятий, ориентированных как на потенциальный электорат, так и на партийную организацию» [Гончарова 2011, с. 93].

Деятельность многих политических партий нашей страны несколько оторвана от насущных потребностей граждан. Это отражается в том факте, что только четыре из них представлены в Государственной Думе и проявляют наибольшую активность в политической жизни. При этом нельзя не согласиться с В. Ф. Кузнецовым, что «...партии России медленно и болезненно осваивают новые политические формы и методы работы. Это проявляется в постоянном запаздывании в оценках происходящих событий, что влечет за собой потерю контакта с людьми, просчеты в тактике и стратегии действий. В выдвигаемых целях и задачах партий России явно просматривается желание добиться всего сразу» [Кузнецов 2014, с. 19].

Видимо слабость политических партий, в первую очередь оппозиционных, их желание получить всё и сразу связано со слабостью их экономической базы, не рассчитанной на долгую и напряженную политическую деятельность. Изменение экономики в стране в начале 1990-х гг. не привело к ее эффективности по ряду причин: сомнительная приватизация, огромные государственные корпорации, владеющие большими средствами, массовое уклонение от уплаты налогов крупным бизнесом, его финансовая непрозрачность, коррупция. Всё это дает возможность государству сегодня ставить под сомнение честность и законность происхождения крупных капиталов, ставить под усиленный контроль финансовые потоки. Кто из предпринимателей в этих условиях отважится вкладывать большие средства в политическую партию, тем самым вступая в политическую борьбу с государством, не опасаясь быть обвиненным в каком-либо экономическом преступлении? А без свободы бизнеса не может быть и свободы политической деятельности, которая напрямую связана с наличием собственности, свободой частного предпринимательства. Именно крупная частная собственность является экономической основой сильного гражданского общества в современном его понимании.

В этих условиях политические партии и общественно-политические движения ищут новые форматы участия в политической жизни страны. Проявляется иное измерение влияния и деятельности политических институтов гражданского общества. Эти институты активно включаются в международные отношения

в различных формах «общественной дипломатии», стараются усилить свои возможности в диалоге с собственным государством, посредством влияния на общественное мнение других стран от дружественных до нейтральных и враждебных. И абсолютно правы Е. В. Мартыненко и В. В. Матвиенко, отмечая, что «Интересы гражданского общества лучше всего выражает общественная дипломатия, которая ... оперирует не только категориями дружбы, мира, добра и сотрудничества, но более – продвижения национальных интересов и их отстаивания. Общественная дипломатия обязательно должна соответствовать внешнеполитическому курсу страны и с использованием всех доступных ей средств массовой коммуникации максимально эффективно влиять на международное общественное мнение» [Мартыненко, Матвиенко 2012, с. 58]. Сегодня трудно представить серьезный политический институт гражданского общества без участия в различных формах «общественной дипломатии».

Так, представители Общероссийского народного фронта поддерживают активные контакты с Отечественного фронта Вьетнама (ОФВ), обсуждая, различные варианты партнерства и обмена опытом. В частности, речь идет о проектах Народного фронта, которые уже давно интересуют вьетнамских коллег: «Генеральная уборка», «Интерактивная карта свалок», «Дорожная инспекция ОНФ / Карта убитых дорог», «Народная оценка качества» (НОК) и др. Оба «фронта» действуют на основании меморандума о сотрудничестве между «фронтовыми» организациями обеих стран (onf.ru/2018/09/21/predstaviteli-onf-i-otechestvennogo-fronta-vetnamadogovorilis-razvivat-sovmestnye/).

Молодежная организация «Молодежка ОНФ» в лице Павла Фомина в Кузбассе приняла участие в международном молодежном образовательном форуме «Евразия», в работе которого были участники из 70 стран мира. На площадке форума собрались лидеры молодежных организаций и политических партий, молодые журналисты, преподаватели, ученые, лидеры студенческого самоуправления и студенческих спортклубов, профессиональные спортсмены и другие представители активной молодежи (onf.ru/2018/09/14/uchastnik-kuzbasskoy-komandy-molodezhki-onf-rasskazal-o-forume-evraziya/). Данные контакты способствуют укреплению связей

и доверия среди молодежи, что делает международные отношения более насыщенными, многоформатными.

В свою очередь, партия «Справедливая Россия» и Коммунистическая партия Китая договорились о развитии всестороннего сотрудничества между партиями (в том числе на межрегиональном уровне) для изучения взаимного опыта и обмена эффективными наработками в области организационно-партийной деятельности (spravedlivo.ru/6382910). «Справедливая Россия» взаимодействует и с другими партиями, подписав ряд документов о сотрудничестве с Партией социалистов Республики Молдова, Коммунистической партией Вьетнама (spravedlivo.ru/6132410; spravedlivo.ru/8867810).

Многоплановую международную и межпартийную деятельность ведет ЛДПР. Так, партия приняла участие в первом форуме политических партий стран – участниц ШОС, который состоялся 26 мая 2018 г. в городе Шеньжень (КНР). На него были приглашены около 200 представителей более чем 30 политических партий от 18 государств, среди которых: государства – члены ШОС, наблюдатели (ldpr.ru/ldpr_talks/international_activities/LDPR_took_part_in_the_first_forum_of_political_parties_of_the_SCO_countries/). С ними партия вступает в диалог, укрепляя взаимопонимание между народами. ЛДПР выступила инициатором проведения Круглого стола на тему: «Мировая политика и ее влияние на формирование гражданской позиции российской молодежи» (ldpr.ru/ldpr_talks/international_activities/Central_Office_of_the_Liberal_Democratic_Party_discussed_the_impact_of_the_global_youth_policy/).

В международном коммунистическом движении традиционно принимает участие КПРФ. Практически она поддерживает контакты со всеми 115 коммунистическими и рабочими партиями в 90 странах, участвуя в ежегодных международных встречах. В этих встречах принимают участие свыше 70 братских партий. КПРФ активно работает в данном формате, являясь и членом Постоянной рабочей группы по подготовке таких встреч (kprf.ru/international/).

Таким образом, политические партии и общественно-политические движения, принимая участие в «общественной дипломатии» стараются укрепить свой диалог с государством и в области

международных политики, создавая тем самым возможность усиления международного влияния страны, представляя ее политической жизнью более привлекательной и демократичной.

В настоящее время в нашей стране назрела необходимость пересмотра самих отношений между государством и гражданским обществом, в сторону их цивилизованности, основанной на твердой законности. Только совместная деятельность государства и гражданского общества создает условия для удовлетворения всех человеческих потребностей. Государство обязано стать инициатором и гарантом процесса формирования сильного гражданского общества, которое и позволит гражданам более активно участвовать в политической жизни страны, развивать «общественную дипломатию», вывести на новый уровень демократические основы общественной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гончарова О. А.* Взаимодействие политических партий с институтами гражданского общества // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. История и политология. 2011. № 1. С. 89–97.
- Ильин В. А.* На трудном пути к сильному гражданскому обществу // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 6 (24). С. 9–29.
- Кузнецов В. Ф.* Партийные коммуникации как связующее звено между гражданским обществом и государством // Коммуникология. 2014. Т. 5. № 3. С. 15–24.
- Лагуткин А. В., Грудцына Л. Ю., Пономарев А. М.* Диалог между гражданским обществом и государством в России: перспективы и возможности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2013. № 3. С. 85–94.
- Лазарев В. В., Липень С. В.* Теория государства и права. М.: Юрист, 1997. 490 с.
- Мартыненко Е. В., Матвиенко В. В.* Народная (общественная) дипломатия в контексте современного межгосударственного общения // Вестник РУДН. Сер. Международные отношения. 2012. № 1. С. 57–60.

УДК 327

М. Хаддад

аспирант кафедры политологии
Института международных отношений
и социально-политических наук МГЛУ;
e-mail: kafedra.politologia@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Современный Ближний Восток стремительно меняется, меняются и научные представления о нем. В рамках этого процесса следует отметить и происходящее в науке исследование региона, который занимает всё более важное место в современном геополитическом раскладе. Автор рассматривает Ближний Восток в контексте процессов глобализации, в рамках которой происходит изменение сил в регионе и его геополитический статус в мировом политическом процессе. Автор ставит своей задачей показать сложившуюся амбивалентность представления о геополитическом статусе региона. В статье делается вывод о том, что ближневосточный регион представляет собой совокупность стран, народов, религий, цивилизаций, которые, несмотря на тесное расположение, в силу ряда причин не представляют собой единый центр силы или несколько центров силы, которые могли бы выражать интересы региона и быть гарантами стабильности и безопасности.

Ключевые слова: Ближний Восток; Сирия; конфликт; геополитика; геополитический статус; трансформация.

M. Haddad

Post-graduate student of Department of Political Science,
Institute of International Relations and Social
and Political Sciences (Faculty), MSLU;
e-mail: kafedra.politologia@yandex.ru

TRANSFORMATION OF THE MIDDLE EAST GEOPOLITICAL STATUS

The modern Middle East is changing more and more rapidly, and scientific ideas about it are also changing. Within the framework of this process, the ongoing research of this region in modern science, which occupies an increasingly important place in the current geopolitical situation, should be noted. The author takes into consideration the entire region of the Middle East in the context of the processes of globalization, within which there is a change of forces in the region and a change of its geopolitical status in the global political process. The author aims to show the prevailing ambivalence of ideas about the geopolitical status of the region. The author comes to the conclusion that the Middle East region

is a set of countries, peoples, religions, civilizations, which, despite their close location, for several reasons, do not represent a single center of power or several centers of power that could express the interests of the region and be guarantors of stability and security.

Key words: Middle East; Syria; conflict; geopolitics; geopolitical status; transformation.

В настоящее время принято считать, что в узком смысле Ближний Восток включает в себя Египет, Кипр, Израиль, Иорданию, Ирак, Иран, Ливан, Сирию, а также государства, расположенные на Аравийском полуострове и вокруг Персидского залива. В любом случае не вызывает сомнений то обстоятельство, что Ближний Восток – в узком или же расширенном его понимании, остается одной из болевых точек современной мировой политики.

По всей видимости, напряженность и состояние конфликта на Ближнем Востоке сохранится и в дальнейшей перспективе, и регион останется в центре внимания мировой политики. В пользу такого утверждения свидетельствует то, что здесь традиционно сталкиваются интересы и концентрируются усилия глобальных и внерегиональных игроков, что влечет за собой неоднозначные последствия для самого Ближнего Востока.

Приведенные обстоятельства и оценки делают обоснованной постановку вопроса о восприятии региона, о понимании его места в мировой политике, о его геополитическом статусе. Как представляется, при постановке развернутого «диагноза» и оценке перспектив Ближнего Востока продуктивным окажется обращение к такой категории, как *геополитический статус*.

Понятие геополитического статуса

Предварительно следует констатировать, что понятие «статус» (от *лат. status* – положение, состояние) в гуманитарных науках как таковое не представляется чем-то новым. Оно является распространенным в таких отраслях научного знания и практической деятельности, как право, социология, социальная работа и др. при характеристике той роли, которую играет человек в определенных межличностных и межгрупповых отношениях. Например, социальный статус – положение, занимаемое индивидом (группой) в обществе или отдельной его подсистеме и определяемое по ряду специфических для данного общества (подсистемы) признаков

(экономических, национальных, возрастных и др.) [Социологическая энциклопедия, с. 591].

В проводимых политологических исследованиях постепенно утверждается и понятие геополитического статуса. При этом, как показывает анализ профильной литературы, в большинстве случаев речь идет об использовании указанного понятия применительно к государству, в том числе в привязке к конкретному государству [Кефели 2014; Комлева 2010; Фартушняк 2008]. В контексте настоящего исследования заслуживает внимания и стремление осуществить моделирование геополитического статуса государства [Шустрова 2010, с. 37]. Сравнение же понятий «геополитический статус государства» и «геополитический статус региона» и их содержания представляет собой интересную творческую задачу.

Ознакомление с существующими в современной науке подходами позволяет охарактеризовать *геополитический статус государства* как его место в системе сложившихся международных отношений, определяемое его геополитическим положением и возможностями реализации национальных интересов. Геополитический статус применительно к государству можно рассматривать как определенную совокупность его параметров, которые оказывают влияние на его геополитический потенциал, развитие территории, сформированность геополитических интересов, на основе чего в дальнейшем определяется состояние и положение страны при взаимодействии с акторами международных отношений. То есть посредством понятия «геополитический статус» выражается реальная совокупность геополитической значимости того или иного государства [Волынчук, Волынчук 2018, с. 59].

Необходимо отметить, что государство (политическая организация общества) расположено на определенной территории, которая является его атрибутом и которая обозначена границами. Здесь будет уместно привести известную дефиницию немецкого политического мыслителя Карла Шмитта о государстве, которое «есть политический статус организованного в территориальной замкнутости народа» [Шмитт 2016, с. 293]. Отсюда ясно, что государство – в идеальном случае – представляет собой не просто территориальное, но и политическое единство людей, проживающих в нем. По крайней мере, государственная власть всегда стремится к достижению такого единства. Данная проблема является

чрезвычайно актуальной, примером чего является современная Сирийская Арабская Республика, которая стала «заложницей» трансформации региона на современном этапе.

Важно отметить и то, что в геополитических исследованиях в интересах более точной характеристики и осуществления анализа того или иного сегмента пространственных образований используются и другие понятия. Данное обстоятельство обусловлено тем, что геополитика как наука подразумевает обращение не только к политико-экономическим причинам существующих в мире противоречий и к географической детерминации претензий одного государства на территорию и ресурсы другого, сколько определение роли и значимости государства с учетом его геополитического потенциала и геополитического статуса. Характерно в этой связи, что авторы монографии «Глобальные вызовы XXI в. – геополитический ответ России», подготовленной учеными Московского государственного лингвистического университета, дают следующие важные в контексте проводимого исследования определения [Глобальные вызовы ... 2012, с. 275, 285]:

- *геополитический регион* – пространство, отличающееся высокой интенсивностью и устойчивостью экономических, политических и культурных связей, сравнительно однородные и имеющие свою специфику части геополитических сфер;
- *пространство геополитическое*: 1) регион, т. е. крупное географическое пространство (территория, акватория, воздух, космос), как правило, не совпадающее с государственными границами, на которое распространяется реальная власть конкретного исторического субъекта геополитики; 2) зона влияния субъекта геополитики, преследующего свои, жизненно важные (в его понимании) интересы; 3) многомерное и мультиструктурное временное пространство земного шара, в котором противоборствуют геополитические субъекты с целью установления своего влияния.

Вышеизложенное позволяет констатировать следующее:

а) регион, в отличие от пространства, способного содержать в себе нематериальные компоненты, всегда представляет собой территориальное образование, состав которого и границы могут меняться в различных конкретно-исторических условиях;

б) имеется существенное несовпадение (отсутствие тождества) между геополитическим статусом государства и геополитическим статусом региона;

в) геополитический статус региона представляет собой относительно самостоятельное или качественное самостоятельное образование. В этой связи неправомерно определять геополитический статус региона как механистическую совокупность геополитических статусов входящих в него государств.

Основное отличие между двумя названным феноменами состоит в том, что в рамках одного региона, в отличие от государства, как показывает анализ современной и прошлой политической практики, крайне редко представляется возможным достижение полного политического единства. Здесь следует отметить, что К. Шмиттом была разработана концепция так называемых больших пространств. Она предусматривала локализацию держав в рамках различных регионов мира в единые образования в качестве противовеса (альтернативы) англосаксонскому миру [Шмитт 2008, с. 63]. Отображение данного видения мира можно справедливо отнести, например, к латиноамериканскому региону, в отношении которого уже не одно десятилетие действует доктрина Монро [Емельянов 2018, с. 119].

С учетом изложенного в дискуссионном плане *геополитический статус региона может быть определен как его динамичное состояние, характеризующее его положение в геополитической конфигурации (картине) мира в качестве субъекта или объекта мировой политики*. Оценка (измерение) геополитического статуса региона как интегративного образования предполагает, помимо прочего, учет целого комплекса обстоятельств и характеристик:

- существующие природно-географические и климатические условия;
- местоположение региона;
- размеры занимаемой территории;
- наличие или отсутствие природных ресурсов;
- численности населения и качества человеческого потенциала;
- уровень экономического и социального развития;
- военный потенциал, в том числе наличие оружия массового уничтожения и средств его доставки;

- членство государств региона во влиятельных международных организациях;
- участие в военно-политических блоках;
- наличие у руководства и политической элиты государств региона претензий на повышение статуса страны, на региональное лидерство и изменение сложившегося статус-кво;
- состояние отношений (в том числе наличие конфликтов) между государствами региона.

Специфика геополитического статуса Ближнего Востока

Определение геополитического статуса Ближнего Востока значительно осложняется из-за существующих различий в понимании того, какие территории включаются в этот регион. Фактически же имеются основания утверждать об изменении самого восприятия региона и его пределов и о признании расширения его границ с течением времени. Уже само по себе указанное обстоятельство требует поиска нового, более точного, обобщающего понятия для обозначения определенного геополитического пространства.

Рассматривая трансформацию геополитического статуса Ближнего Востока, целесообразно ознакомиться с определением самого понятия «трансформация». В общем виде под трансформацией принято понимать *качественное изменение характеристик системы под воздействием внутренних и внешних факторов*. Трансформация представляет собой переход от предшествующего состояния к новому под воздействием элементов и структуры целого. Сохранение в новом свойств «старого» (преемственность), преобразование этих свойств в новом представляют собой проявление диалектического отрицания, которое показывает диалектику возникновения любого нового состояния из непосредственно предшествующего ему [Елфимов 1983, с. 121].

С учетом изложенного *трансформация геополитического статуса Ближнего Востока может быть определена как качественное изменение характеристик региона под воздействием внутренних и внешних факторов, обуславливающее изменение его положения в геополитической конфигурации мира и в мировой политике*.

О современном состоянии геополитического статуса Ближнего Востока можно судить по ряду компонентов:

1. Ближний Восток – «колыбель» трех крупных религий, две из которых (ислам и христианство), являются мировыми религиями. На территории региона находятся сакральные святыни названных конфессий, за которые в прошлом шла война и которые сегодня являются достоянием духовной культуры всего человечества. Во многом в силу указанного обстоятельства Ближний Восток иногда характеризуется как центр мировой цивилизации.

2. Регион имеет и важное экономическое значение. В первую очередь следует назвать запасы углеводородного сырья, прежде всего, нефти. Ведущими производителями нефти являются Саудовская Аравия, занимающая первое место в мире по ее запасам, Иран, Ирак и Кувейт. Для государств, являющихся экспортерами нефти (аравийские монархии), характерен низкий уровень диверсификации экономики, высокий ВВП и доход на душу населения.

3. Высокий уровень конфликтности Ближнего Востока. Как известно, уже нескольких десятилетий Ближний Восток является одним из самых нестабильных и конфликтогенных регионов мира [Ганиев, Карякин 2018, с. 16]. Конфликтогенность региона складывается под влиянием комплекса факторов, которые, при всей их связанности, можно классифицировать в зависимости от нахождения источника и движущих сил конфликта.

К *внутренним (эндогенным) факторам* конфликтности можно отнести целый ряд обстоятельств исторического, политического, этнического, конфессионального, социального-экономического, географического и иного характера, осложняющие как межгосударственные отношения, так и внутривосточную ситуацию в отдельных странах и в регионе в целом.

В течение ряда десятилетий высокий потенциал конфликтности в регионе складывается в рамках арабо-израильского противостояния, наличия территориальных споров между Ираном и Саудовской Аравией, Ираном и Турцией, нерешенности курдского вопроса. Страны Ближнего Востока до сих пор не способны выработать единой политики в рамках такой крупной региональной организации, как Лига арабских государств. Специалисты отмечают и широкое распространение среди политической элиты региона коррупции, предопределившей политизацию ислама и ставшей одной из причин «арабской весны» [Фитуни 2017, с. 111].

Негативным для региона наследием колониального прошлого является значительное количество территориальных споров, которые остались неурегулированными после распада Османской империи и обретения независимости подмандатными территориями и протекторатами. Здесь следует указать и претензии курдов на собственную государственность, а также проблему создания арабского государства на территории Палестины.

На ситуации сказывается относительная политическая «молодость» государств на фоне периодически обостряющейся борьбы за региональное лидерство среди «амбициозных» режимов. В разные периоды на подобный статус претендовали и претендуют как теократические (Саудовская Аравия, Иран), так и светские (Сирия, Египет, Турция) государства.

Кроме того, регион страдает от недостаточной обеспеченности водными ресурсами и распределения вод трансграничных рек, что создает дополнительные сложности и приводит к обострению напряженности в отношениях по поводу распределения водных ресурсов между Сирией и Израилем (река Иордан), Сирией и Турцией (Тигр и Евфрат) [Белозёров 2009, с. 152–154]. Характерно, что Турция активно использует сложившуюся ситуацию для оказания давления на политических оппонентов.

Следует отметить, что в экономике региона сложились непреодолимые диспропорции и перекосы, чем пользуются силы, настроенные деструктивно. При этом значительная часть территории – безжизненная пустыня, население которой распределено весьма неравномерно.

Негативное влияние на безопасность и стабильность ряда стран и региона в целом оказывает деятельность террористических и экстремистских группировок. На Ближнем Востоке в настоящее время действуют организации и структуры, которые бросают вызовы целым государственным режимам в Ираке, Сирии, Йемене, Ливии: «Аль-Каида» и ее разновидности, «Исламское Государство», «Джабхат-ан-Нусра», «Братья-мусульмане», «Народный фронт освобождения Палестины», «Исламский джихад», «Хамас», «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами. Указанные организации в некоторых случаях провозглашают своей целью разрушение государственности, уничтожение суверенных государств и провозглашение нового халифата.

Как представляется, при любом варианте развития событий в регионе сохраняются «узлы» социально-экономических, политических, религиозных и иных противоречий и дисбаланс развития, что делает Ближний Восток особо уязвимым перед внутренними и внешними обстоятельствами.

Традиционно стабильность и благополучие региона зависели от *внешних (экзогенных) факторов*, а внешним силам всегда принадлежала особая роль. В настоящее время есть все причины полагать, что сложившаяся в регионе напряженность создается и поддерживается искусственно вследствие вмешательства третьих сил, что требует особого рассмотрения.

Внешняя детерминация геополитического статуса Ближнего Востока

Начать следует с оценки геостратегического положения Ближнего Востока. Будучи расположенным на стыке трех континентов, на границе между мусульманской и западноевропейской цивилизациями, суннитской и шиитской ветвями ислама, арабским, персидским и тюркскими этносами, европеоидной и негроидной расами, регион обречен находиться в центре внимания не только региональных, но и глобальных акторов.

Постоянно разворачивалась и разворачивается борьба и за доступ к богатствам региона. Эти процессы обострились в XIX в., когда ключевые глобальные игроки стали использовать регион и его ресурсы в своих геополитических целях. Тот период совпал с превращением Ближнего Востока в «пороховой погреб». Обнаружение газовых и нефтяных месторождений обозначило ценность региона для геополитических акторов. Фактически геополитический статус региона стал характеризоваться состоянием *объекта* в мировом политическом процессе.

В период «холодной войны» и противостояния двух мировых систем Ближний Восток фактически оказался разделен на два лагеря. Один из них находился под влиянием СССР, другой – США. После окончания «холодной войны» США стали доминировать в этом регионе. На практике устранение баланса имело для региона негативные последствия, поскольку привело к дестабилизации, активизации международного терроризма, насильственному свержению ряда правительств, гуманитарным интервенциям. Как

известно, создание управляемого хаоса в том или ином регионе мира является одной из отработанных технологий США [Белозёров 2014, с. 9–13].

Тем не менее в условиях отсутствия в самом регионе великих держав, ряд государств Ближнего Востока стремятся поддержать свой суверенитет под давлением со стороны англосаксонского мира или же стремятся к достижению статуса регионального лидера. Гражданская войны в Ливии, американская интервенция в Ираке, по сути, уничтожили их как целостные государства, создав условия для сепаратизма и радикализации во всем регионе. В этих условиях свой суверенитет вот уже в течение ряда лет отстаивает и Сирийская Арабская Республика, что дается ей весьма непросто.

Геополитическая ситуация в регионе оставалась относительно стабильной до начала кампании США по борьбе против международного терроризма в Афганистане. Вмешательство во внутренние дела не повлекли за собой каких-либо последствий для США. Серьезным последствием для геополитической ситуации стало и начало в марте 2003 г. вторжение международной коалиции во главе с США в Ирак с целью свержения режима С. Хуссейна. Формально военное вторжение завершилось лишь в 2011 г., запустив центробежные процессы в регионе.

Следует отметить, что превращение Ближнего Востока в очаг нестабильности оказало весьма негативное воздействие прежде всего на европейские государства, которые не так активно вмешивались в проблемы региона. Именно они столкнулись с последствиями конфликтов: в Европу хлынул поток беженцев, участились террористические акты, появились предпосылки для роста ксенофобии. В конечном итоге в ситуации геополитического выигрыша оказались государства англосаксонского мира.

Геополитическая ситуация в регионе осложняется и целым рядом опасностей техногенного, гуманитарного и природного характера, среди которых нелегальная иммиграция, незаконная торговля оружием и наркотиками, региональные конфликты, сбой в ресурсном обеспечении, экологические вызовы, эпидемии и пандемии, природные катастрофы, деятельность организованной преступности и др.

Кроме того, хорошо известно, что на сегодняшний день Ближний Восток представляет собой один из самых милитаризованных

регионов мира. По ключевым показателям милитаризации и военным расходам в абсолютном исчислении, страны региона являются лидерами среди развивающихся стран, а по отдельным показателям опережают и развитые страны.

В результате изложенного можно сделать вывод о том, что Ближний Восток традиционно является своего рода «заложником» своего геополитического статуса, регионом, где концентрируются усилия глобальных игроков. Сирийская Арабская Республика оказалась в эпицентре столкновения интересов. В этой связи важным представляется изучение положения Сирии в рамках сложившейся региональной конфигурации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белозёров В. К.* Страсти по воде. Какие ресурсы будут наиболее востребованы? // Россия в глобальной политике. 2009. № 3. С. 152–154.
- Белозёров В. К.* Управляемый хаос и глобальные политические стратегии // Геополитика и безопасность. 2014. № 4. С. 9–13.
- Волыничук А. Б., Волыничук А. Я.* Геополитический статус государства: теоретическое основание научной категории // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. № 1. С. 57–63.
- Ганиев Т. А., Карякин В. В.* Большой Ближний Восток: геополитическая регионалистика конфликтогенного центра мировой цивилизации // Архонт. 2018. № 4 (7). С. 15–28.
- Глобальные вызовы XXI века – геополитический ответ России: монография / под ред. академика И. И. Халеевой. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. 318 с.
- Елфимов Г. М.* Возникновение нового: Филос. очерк. М. : Мысль, 1983. 188 с.
- Емельянов А. И.* Геополитика Латинской Америки : монография. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018. 220 с.
- Кефели И. Ф.* Геополитический статус России начала XX века и современность // Первая мировая война и проблемы российского общества. 2014. С. 15–24.
- Комлева Н. А.* Геополитический статус государства: сущность и типология // Геополитика и безопасность. 2010. № 1 (9). С. 23–28.
- Социологическая энциклопедия. Т. 2. М. : Мысль, 2003. 863 с.
- Фартушняк Л. Л.* Геополитический статус государства: сущностные характеристики // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2008. № 10 (28). С. 57–60.

- Фитунни Л. Л.* Культурно-идеологические процессы в регионе Ближнего Востока и проблема терроризма сквозь призму предиктивной аналитики // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2017. Т. 10. № 2. С. 110–127.
- Шмитт К.* Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб. : Владимир Даль, 2008. 639 с.
- Шмитт К.* Понятие политического: сборник / пер. с нем. ; под ред. А. Ф. Филиппова. СПб. : Наука, 2016. 568 с.
- Шустрова Т. В.* Структура модели геополитического статуса государства // *Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов.* 2010. № 3 (45). С. 37–41.

УДК 320.(430.2)

К. Б. Божик

преподаватель кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук, МГЛУ; e-mail: kristina_bozhik@mail.ru

КОРОТКИЙ «ЗОЛОТОЙ ВЕК» В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ГЕРМАНИИ (1998–2005)

В статье исследуется сравнительно небольшой период в истории российско-германских отношений (1998–2005 гг.). Автор уделит внимание времени наибольшего сближения двух государств после объединения Германии, их попыткам выработать сходную позицию по важным проблемам, возникавшим на рубеже XX–XXI вв. (борьба с международным терроризмом, война в Ираке, югославский кризис, энергетическая безопасность). Опыт этого короткого, но насыщенного событиями периода российско-германских отношений не теряет своей актуальности и сегодня.

Ключевые слова: Путин; Шредер; Косово; международный терроризм; Ирак; Северный поток; энергетическая безопасность.

К. В. Bozhik

Lecturer, Department of Political Science, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty); MSLU; e-mail: kristina_bozhik@mail.ru

THE SHORT GOLDEN AGE IN THE RELATIONSHIP BETWEEN RUSSIA AND GERMANY (1998–2005)

This article deals with a relatively short period in the history of the Russian-German relationships (1998–2005). The author makes emphasis on the strong rapprochement of both states after Germany's reunification, their attempts to establish a similar position on important issues, arose at the end of XX century-beginning of XXI century (fight against international terrorism, a war in Iraq, the Yugoslav crisis, energy security). This experience is short, but full of events, shouldn't be ignored two decades after.

Key words: Putin; Schröder; Kosovo; international terrorism; Iraq; Nord stream; energy security.

Почти полтора десятилетия после объединения, отношения двух стран были стабильными и как бы сохраняли отсвет исторического события 1990 г. – объединения Германии после 45 лет раскола. Во главе страны до 1998 г. стоял «канцлер объединения» – Гельмут Коль, который вместе со своим московским партнером – президентом Российской Федерации Б. Н. Ельциным демонстрировал значение личной дружбы двух политиков. Оба они стремились к взаимоприемлемому решению возникавших проблем, оба действовали в условиях внутренних трудностей [Kohl 2007].

В ходе выборов 1998 г. Коль не сумел в полной мере использовать эмоциональный подъем, связанный с объединением и победил блок социал-демократов и «зеленых», СДПГ вернулась к власти после 16-летнего пребывания в оппозиции. Новый канцлер, 54-летний Г. Шрёдер, был к моменту выборов известен в стране благодаря успешной деятельности во главе правительства Нижней Саксонии и остроумным интервью в СМИ¹.

Здесь уместно напомнить, что с точки зрения победителей уступки Москвы в ходе переговоров об объединении Германии были сделаны соперникам СДПГ – христианским демократам, что помогло Г. Колю одержать верх над социал-демократами на выборах 1990 г. К тому же, накануне выборов в Бундестаг осенью 1998 г. президент Б. Н. Ельцин дал понять, что отдает предпочтение Г. Колю [Павлов 2012]. Недаром в серии первых поездок нового канцлера Россия стояла на шестом месте – после Франции, США, Великобритании, Нидерландов и Польши.

Однако уже в своих первых выступлениях новый канцлер обещал продолжить сотрудничество и взаимодействие с Россией. Говоря о России, опытный политик нередко останавливался и на моральной и эмоциональной сторонах в отношениях двух стран. Напомнив об огромных человеческих жертвах принесенных Советским Союзом, новый канцлер сказал: «Мы, немцы, особенно ответственны перед Россией – это обусловлено нашей историей»² [Шрёдер 2007, с. 467].

¹ В. Брандт вспоминает, что во время встречи в Москве с М. С. Горбачевым 1989 г., он представил члена немецкой делегации Г. Шрёдера в качестве «бывшего комсомольца» [Brandt 2005, с. 370].

² Зд. и далее перевод наш. – К. Б.

Что касается нового вице-канцлера и министра иностранных дел И. Фишера, то он прошел путь от левого радикала (почти анархиста) в дни студенческих волнений 1968 г. и пламенного эколога в конце 1970-х гг., когда создавалась партия «зеленых», до уважаемого и прагматичного министра федерального правительства.

Крупные изменения произошли и в Москве. В августе 1999 г. бывший вице-губернатор Петербурга В.В. Путин стал главой правительства, а в марте 2000 г. был избран президентом Российской Федерации. Новый руководитель российского государства несколько лет в качестве резидента советской разведки работал на германском направлении, хорошо знал оба немецких государства, свободно говорил по-немецки.

Подход двух ведущих немецких политиков к России не был идентичным. Г. Шрёдер был открыт для диалога с новым российским президентом. Й. Фишер мерил свое отношение к Москве соблюдением прав человека, и таким образом, как пишет профессор Ф. Штерн, «установил определенную дистанцию между собой и российским руководством» [Stern 2007, с. 634].

Во время визита в ФРГ в сентябре 2001 г. Путин использовал приглашение выступить в германском парламенте, чтобы изложить свои взгляды по вопросам российско-германских отношений и мировой политики [Das Parlament ... 2000].

Шрёдер вспоминал об этом дне: «Исторический момент для членов парламента – гость из-за рубежа предлагает Германии всестороннее сотрудничество. Он говорит, что, по его мнению, «единая Европа является гарантом окончательного искоренения язвы национализма». Шрёдер напоминает, что только что, за две недели до выступления Путина в германском парламенте, 3 тыс. ньюйоркцев погибли под развалинами Всемирного торгового центра. Российский президент призвал Европу объединить свои людские и природные ресурсы с экономическим, культурным и оборонным потенциалом России. Из речи Путина в Бундестаге канцлер сделал вывод, что оратор «мыслит по-европейски, пусть и с азиатским компонентой» [Шрёдер 2007, с. 451–455].

Шрёдер понимал трудности новой России, при этом он опасался «дезорганизации и разграбления страны» [там же]. Его

позитивное отношение к России не менялось. В связи с ухудшением отношений между Москвой и Вашингтоном из-за обострения ситуации в Югославии руководство Международного валютного фонда, в котором наибольшее влияние имели США, задерживало выплаты очередных траншей России в размере 8 млрд долл. США. Шли активные переговоры по этому поводу и именно Германия способствовала нормализации отношений Москвы и МВФ.

На рубеже столетий и, быть может, не без учета позиции Германии, российско-американские отношения стали нормализовываться¹. Из разговоров канцлера с президентом Клинтонем ясно проступает озабоченность и американского лидера не «чрезмерной военной силой России», а угрозой миру на планете в результате «разрушающейся и неуверенной в себе России». Клинтон, отмечает Шрёдер, с предубеждением относился к попыткам американских специалистов помочь своими советами России. Президент считал, что советникам из США не хватает чуткости и деликатности, и их попытки помочь «проваливаются самым жалким образом».

Клинтон убеждал Шрёдера, что главная проблема состоит в экономическом оздоровлении России, и в этом он надеется на деятельное участие Германии. Приведя эти соображения своего американского собеседника, канцлер замечает, что Клинтон «ломится в открытую дверь».

Когда США в поисках «Аль-Каиды» и Бен Ладена начали операцию в Афганистане, правительство Шрёдера – Фишера твердо решило примкнуть к международной антитеррористической коалиции. Это решение опиралось на широкую поддержку населения, шокированного гибелью людей и зрелищем разрушенных небоскребов. А также на принятую уже 12 сентября 2001 г. Резолюцию Совета Безопасности ООН о терроризме [Резолюции Совета

¹ Можно также предположить, что улучшению отношений способствовала и позиция Кремля в связи с террористическим актом в Нью-Йорке. Дело было не только в сочувственных заявлениях советского руководства, но и в прямой поддержке антитеррористических действий США. Россия, в частности, помогла США договориться с Узбекистаном и Таджикистаном о предоставлении американскому командованию права использовать во время операции в Афганистане их аэродромы для бомбардировочной авиации.

Безопасности ООН 2001]. Поскольку лидеры Талибана, контролировавшие в это время территорию Афганистана, отказывались выдать главу «Аль-Каиды» Бен Ладена, США начали масштабную военную операцию, в том числе и наземную. В начале ноября правительство США обратилось к правительству ФРГ с предложением принять непосредственное участие в операции.

Положительный ответ на это предложение Вашингтона был для красно-зеленого правительства делом непростым. В стране в целом и в партиях правящей коалиции были широко распространены пацифистские настроения. Выступая в Бундестаге 16 ноября 2001 г., Г. Шрёдер говорил, что считает позитивный ответ делом нелегким, но вместе с тем – необходимым. К этому, по мнению канцлера, Германию толкали обретение ею полного суверенитета и новые обязанности объединенной страны по отношению к своим партнерам. Канцлеру удалось собрать в парламенте большинство – 336 голосов.

Впервые в истории правительство и парламент Германии приняли решение об отправке значительного контингента немецких солдат («не менее 3 900 чел.») за пределы Европы. По мнению немецкого автора М. Руппса, роль Шрёдера и Фишера в решении послать немецких солдат за рубеж, обошлась им потерей политического кредита, который был им необходим [Rupps 2017, с. 129]. Но одновременно правительство выдвинуло и важную политическую инициативу – в начале декабря в предместье Бонна по предложению немцев была проведена конференция ООН по афганской проблеме.

В своих воспоминаниях Г. Шрёдер сообщает о «шокирующем факте» – оказалось, что важнейшие фигуры террористического подполья жили в Гамбурге, что Германия была своего рода перевалочным пунктом для террористов, обученных в Афганистане.

В мае 2002 г. Шрёдер во главе делегации чиновников и бизнесменов вылетел в Кабул. В Афганистане канцлер вел переговоры с членами переходного правительства, посетил немецкий военный контингент, проверил реализацию немецких проектов в Афганистане – об обучении гражданского населения обезвреживанию мин, а также об организации школы для девочек.

С начала 2002 г. можно отметить определенные изменения как в массовом сознании немцев, так и в настроении руководящих

кругов. Одной из причин этого стало явное нарастание экспансионизма со стороны США. В своей речи 29 января 2002 г. американский президент сообщил, что намерен нанести удар не только по Афганистану, но и по всей «оси зла», к которой он отнес Ирак, Иран и Северную Корею. Прибывший в эти дни в Вашингтон германский канцлер счел необходимым несколько остудить президента. Он сообщил, что его страна выступит на стороне США только при одном условии – если будет принято соответствующее решение Совета Безопасности ООН.

Новая линия американского правительства стала понятна на ежегодной мюнхенской конференции по вопросам безопасности в 2002 г., где влиятельные американские политики (заместитель министра обороны П. В. Вулфовиц и сенатор Джон Маккейн), разъяснили, что США намерены перенести «борьбу с терроризмом» в обширные регионы Ближнего и Среднего Востока. При этом американские деятели дали понять, что США готовы действовать и в одиночку.

В мае Дж. Буш-младший прилетел в Берлин, где его встретил холодный прием обеспокоенной общественности. В демонстрациях против гостя приняли участие более ста тысяч человек. Из мемуаров Шрёдера можно понять, что его насторожило стремление Дж. Буша-младшего постоянно ссылаться на какую-то особую миссию, возложенную на него высшими силами. Как пишет канцлер, президент создавал и навязывал впечатление, что его политические решения являются следствием его бесед с Богом [Шрёдер 2007]. Шрёдер сравнивает такие настроения «христианских фундаменталистов» с ситуацией в исламских государствах, с приходом к власти администрации Дж. Буша-младшего «это мировоззрение и повело мировую державу роковым курсом».

В качестве главного актера в задуманном представлении на арену был выпущен государственный секретарь США – генерал Колин Пауэлл. 5 февраля 2003 г. высокий американский чиновник выступил в Совете Безопасности ООН, держа в руках какие-то небольшие предметы, он сообщил, что всё это – добытые американской разведкой доказательства наличия биологического оружия в Ираке, что в этой стране власти прячут ракетные пусковые установки. Учитывая позицию ряда европейских стран, Шрёдер

проявил политическое мужество. Он заявил, что военную акцию против Ирака нельзя считать легитимной. Из всех руководителей государств ЕС только Ж. Ширак занял такую же позицию. Между тем Вашингтон продолжал нагнетать военную истерию. Еще вице-президент США Д. Чейни убеждал своих слушателей, что после войны толпы людей на улицах Басры и Багдада будут радоваться и славить американцев.

Во время визита В. В. Путина в Берлин в начале февраля 2003 г. лидеры обоих государств высказались за мирное решение назревающего конфликта. Три дня спустя, 15 февраля, такая позиция была поддержана полумиллионной манифестацией населения немецкой столицы. Но механизм агрессии был запущен. 20 марта американские войска вступили в Ирак. На следующий день Г. Шрёдер заявил по телевидению и радио: «Логика войны проложила себе дорогу, отменяя возможности мира» [Шрёдер 2007, с. 218–219].

Герхард Шрёдер понимал, что суть дела была не в борьбе с терроризмом и не была связана с желанием Вашингтона ответить на события 11 сентября 2001 г. ФРГ вместе с Россией, а также Францией были солидарны в осуждении американского вторжения в Ирак. Шрёдер открыто клеймил иракскую войну как «авантюру», писал позднее журнал «Шпигель»¹. Но в это же время люди из западногерманской разведки (BND) собирали в Багдаде информацию и для коллег из США. Журнал сообщает также, что один из двух немецких агентов, К. Райнер, за свою деятельность в Багдаде был награжден американским орденом (*Spiegel*. 2006. № 3).

В связи с негативной позицией Франции в отношении политики США в Ираке, положение Берлина укрепилось. «Нас оказалось уже двое, – пишет Шредер, – м стало легче держать удар, чем каждому поодиночке. И тем более когда российский президент тоже вошел в наш активный альянс» [Шрёдер 2007, с. 226].

Но в своей собственной стране красно-зеленое правительство подвергалось ожесточенным нападкам. Некоторые газеты пугали

¹Интересно отметить, что высокий чиновник администрации США Р. А. Кларк одной из главных причин войны называет стремление «стремление обеспечить еще один безопасный источник нефти для американского рынка и снизить зависимость от Саудовской Аравии, поскольку там может случиться переворот» [Klark 2004, с. 121].

Германию изоляцией, писали, что политика Шрёдера – Фишера «привела к образованию пустоты вокруг страны», с симпатией цитировали заявления американского министра обороны Д. Рамсфелда о том, что немцы и французы представляют «старую Европу», которая Америке в борьбе с Ираком не нужна.

История полностью подтвердила все опасения и предупреждения, которые высказывались Берлином, Парижем и Москвой в канун войны. В Ираке люди поставленные американцами у руля власти, не смогли консолидировать народ, внутренняя межконфессиональная и межклановая борьба с годами только разгоралась, а одним из отдаленных, но весьма реальных результатов американского вмешательства стало образование Исламского государства Ирака и Леванта, объединившего самые радикальные, расистские элементы нескольких арабских стран.

Одной из крупных проблем, нашедших отражение в российско-германских отношениях, была судьба югославской области Косово, где происходили кровавые столкновения сербов и албанцев. Прежде всего правительству Шрёдера – Фишера нужно было решить вопрос об участии Германии в разгоревшемся конфликте.

Югославская проблематика уже давно присутствовала в «дорожной карте» немецкой дипломатии. Германия выступала в роли пионера в оценке распада Югославии (имеется в виду срочное признание суверенитета Словении и Хорватии).

В Югославии уже давно (и особенно – после смерти Й. Б. Тито в 1980 г.) вызревали семена раздора, сепаратизма, взаимного недоверия и даже ненависти. Но после распада большого государства в первой половине 1990-х гг. на первый план выступила косовская проблема.

Край Косово, который сербы считают исторической колыбелью своей государственности, во времена Й. Б. Тито получил широкие права – практически автономию в составе Сербии. Но в 1990 г. эта область, населенная главным образом албанцами, по решению Сербского парламента, инициированного С. Милошевичем, потеряла свою ограниченную самостоятельность.

Как замечает Шрёдер в своих «Решениях», С. Милошевич пошел на обострение в своей игре и «принялся укреплять великую сербскую державу...». Когда он, вопреки предостережениям, ввел

войска в Косово, это было воспринято Соединенными Штатами Америки и их союзниками в Европе как *casus belli*.

Проблема Косово вызвала трения в германском правительстве. В марте 1999 г. вышел в отставку О. Лафонтен, министр финансов и председатель социал-демократической партии Германии, противник участия в операции в Косово.

Североатлантический союз начал готовить интервенцию в этот регион. НАТО потребовала от Германии активного участия в балканских проблемах. Шрёдер пишет в своих мемуарах, что его и Й. Фишера терзали сильные сомнения в связи с решением принять участие в событиях в Косово, но издатель «Die Zeit» Михаэль Науман справедливо подчеркивал в своей газете, что именно Шрёдер признал необходимость отправки немецких солдат в Косово и впоследствии – в Афганистан, «чем и добился кардинальных изменений в парадигмах немецкой политики» (*Die Zeit*. 21.11.2005).

Профессор Фриц Штерн считает, что «Шрёдер и Фишер убедили свои партии «немцы не в качестве brutальных завоевателей, но как хранители мира придут на Балканы» [Stern 2007, с. 135].

Примечательно в этой связи и личная позиция канцлера ФРГ, который был в то время председателем Европейского совета и обладал большими полномочиями. Российская представительная делегация во главе с премьер-министром Е. М. Примаковым пыталась урегулировать начавшийся косовский конфликт и склонила президента Югославии С. Милошевича к переговорам. Делегация сообщила об этом повороте Г. Шрёдеру, но он, сославшись на президента США Б. Клинтона, сказал, что решения Милошевича уже недостаточно (для отказа от бомбардировок Югославии. – К. Б.). Ведь это касалось непосредственно Европы, а представителем ее влиятельной инстанции тогда был он. Позднее Г. Коль назвал эти действия «величайшей ошибкой» [Frankfurter Allgemeine Zeitung 2005].

23 марта 1999 г. Е. М. Примаков во главе большой делегации (в нее входили несколько министров и губернаторов, видные бизнесмены) вылетел в Вашингтон для переговоров с вице-президентом США А. Гором. Уже в воздухе, над Атлантическим океаном, Примаков получил сообщение о том, что воздушные

операции США против Сербии уже подготовлены и вот-вот начнутся. Примаков приказал командиру самолета развернуться на 180 градусов и полетел на родину. Б. Н. Ельцин по телефону одобрил это решение. В наступившую ночь на 25 марта авиация НАТО подвергла бомбардировке Белград и другие объекты.

Под давлением американской дипломатии европейские политики требовали уступок от одной стороны – Югославии. 30 марта Е. М. Примаков в сопровождении ряда высокопоставленных чиновников, включая министра иностранных дел и министра обороны, вылетел в Белград для переговоров с С. Милошевичем [Примаков 1999]. На этот раз югославский лидер проявил готовность к определенным уступкам, и это могло стать началом урегулирования. Но в переговорах с Г. Шрёдером Е. М. Примаков убедился, что любой ответ Белграда, кроме капитуляции, Западом будет отвергнут. Показательно, что уже 31 марта, в день отлета российской делегации из Белграда в Бонн, бомбардировщики НАТО нанесли удар по столичному аэродрому. Вскоре после этих событий в Бонн прилетел уполномоченный Российской Федерации по Югославии В. С. Черномырдин. Еще до его приезда западные переговорщики согласовали условия для прекращения военных действий:

- область Косово будет предоставлена под контроль ООН;
- в Косово будет размещен международный воинский контингент, руководить которым будет НАТО.

К лету 1992 г. международная ситуация вокруг Косово осложнилась.

Советник Г. Коля, профессор Михаэль Мертес, отмечает в книге «Немецкие вопросы – европейские ответы», что войну С. Милошевич проиграл, но мира НАТО не добились [Мертес 1997].

Еще многие годы после вывода сербских войск из Косово там возникали местные конфликты, горели дома сербов и албанцев и православные храмы. Но для Германии война в Косово явилась определенным рубежом, ибо впервые после Второй мировой войны немецкие солдаты участвовали в боевых действиях.

Среди экономических проблем, в решении которых ФРГ и Россия тесно сотрудничали в годы канцлерства Г. Шрёдера, следует прежде всего назвать проблемы энергетики. Именно в это время

возникла идея создания нового мощного газопровода, проходящего из России в Германию по дну Балтийского моря.

Для России одним из важнейших аспектов в отношениях с Федеративной республикой является экономика. Во внешнеполитических связях России с 1998 г. ФРГ занимала первое место [Meier 2004]. Но если посмотреть на проблему с немецкой стороны, то мы увидим, что даже в этот благоприятный период отношений Россия занимала среди внешнеторговых партнеров Германии лишь 14-е место по импорту и 15-е – по экспорту. Даже в Восточной Европе Россия в немецком импорте стояла в этот период на 3-м месте, уступая Чехии и Польше. Прямые инвестиции Германии в российскую экономику в начале 2000-х гг. уступали таким странам, как Нидерланды, Кипр и США. Что касается абсолютного объема товарооборота между двумя странами, то в 2005 г. он едва достигал 30 млрд долл. США [Дипломатический вестник 2008].

Но вернемся к вопросу о «Северном потоке». В 2003 г. Москва и Берлин подписали соответствующее соглашение, начали подготовительные работы (исследование трассы, размещение заказов и т. п.), а 9 декабря 2005 г. в Вологде началось строительство Североевропейского газопровода («Северный поток»), который должен был завершить свой путь на немецкой территории напротив южной оконечности Швеции. Несмотря на то, что стабильность поставок газа в Западную Европу с введением «Северного потока» явно должна была возрасти, проект встретил в ряде стран негативное отношение.

Российско-германское соглашение было подвергнуто осуждению в Варшаве, где президент А. А. Квасьневский назвал его «плохим с точки зрения экологии и политической точки зрения». Глава правительства Литвы А. Бразаускас выразил опасения, что строительство газопровода в районе, где находятся места захоронения нацистского химического оружия, обернется экологической катастрофой. Эстонцы сообщили, что не дадут разрешение на исследование морского дна в эстонской экономической зоне. Швеция, в первый период осуществления проекта выступавшая против него, в ноябре 2009 г. сняла свои возражения, но отказала в разрешении строительства в шведской экономической зоне компрессорной станции. Президент Белоруссии А. Лукашенко в свойственной ему живой манере назвал проект «самым дурацким проектом

России» и предложил взамен провести вторую нитку газопровода «Ямал–Европа» через белорусскую территорию.

Но были и другие настроения. С самого начала поддержала проект Финляндия, министр иностранных дел которой даже сообщил, что идея прокладки газопровода по дну Балтийского моря вообще является финской. После ухода Г. Шрёдера с поста канцлера протесты как-то поутихли; большую роль сыграли организованные руководством проекта детальные исследования морского дна, возможного влияния трубопровода на рыболовство и т. п. 8 ноября 2011 г. нитка «Северного потока» была введена в действие. Позднее канцлер ФРГ А. Меркель выступила в поддержку строительства и второй очереди газопровода.

Авторы многих критических публикации настойчиво рекомендовали канцлеру вообще перейти от решения энергетических проблем в формате двусторонних отношений ФРГ – РФ к формату ЕС – РФ. Речь идет об опасениях, что при существующем порядке Россия получает в свои руки мощное средство давления на Федеративную Республику. Если же переговоры и соглашения по проблемам энергетики вести от имени ЕС, такие риски будут сведены к минимуму [Frankfurter Allgemeine Zeitung 2005].

Шрёдер шел дальше и даже предлагал сменить наметившееся «стратегическое партнерство» с Россией на привилегированное. Глава красно-зеленой коалиции намечал программу дальнейшего расширения связей ЕС с Россией в сфере энергетики, он, в частности, предлагал открыть для РФ доступ на внутренний энергетический рынок Европы.

Вместе с тем активное участие Шрёдера в реализации проекта создания еще одного транзитного пути поставок российского газа в Западную Европу отвечает жизненным интересам ряда государств и, прежде всего Германии. Это с большой наглядностью проявилось несколько лет спустя, когда конфликт между Киевом и Москвой поставил под вопрос использование российского газопровода через территорию Украины, а трагедия в Фукусиме побудила немецкие власти принять решение о постепенном закрытии всех атомных электростанций в стране.

Убедительный ответ на опасения Запада по поводу возможного давления Москвы дал Е. М. Примаков в своей книге «Мир без

России» Он подчеркивает, что, несмотря на возрастающий внутренний спрос на энергоресурсы, Россия жизненно заинтересована в расширении экспорта нефти и газа. Этот экспорт составляет более 50 % доходной части федерального бюджета, более 70 % стоимости всего экспорта и валютной выручки и т. д. Из этого следует, что если Европа будет испытывать потребность в увеличении импорта из России газа и нефти, то и сама Россия испытывает и будет испытывать не меньшую потребность в реализации возрастающего экспорта своих энергоресурсов [Примаков 2009].

Шрёдер с сочувствием писал о трудностях переходного периода в России, начавшегося в 1990-е гг. «Сколь бесконечно много труда и времени требуется, чтобы вывести страну на новый курс», – писал он. Политика сближения с Россией, проводившаяся канцлером в начале XXI в., подверглась интенсивной критике со стороны институтов партийно-политического спектра и в научном сообществе. Ясное представление о нападках на канцлера, о претензиях к нему в связи с «избыточным сближением» с российским руководством, дают статьи профессора Х. Адомайта, К. Бастиана, Р. Гетце [Adomeit, Bastian, Götze 2004, с. 21].

Шрёдер подвергался критике и нападкам с разных сторон и за то, что он не добивается от российских партнеров реализации в России «западных ценностей». Вместе с тем авторы названной электронной серии статей, довольно объективно анализируют факторы, влияющие на сотрудничество двух государств. В разделе «Структура и состояние германо-российских отношений» они отмечают, что элиты ФРГ и России «освободились от груза прошлого», что Германия – важнейший экономический партнер России и ее самый крупный зарубежный кредитор и инвестор, что Россия для Германии является важным поставщиком энергоносителей (ФРГ получает из РФ примерно 30 % импортируемой нефти и 40 % газа) [Adomeit, Bastian, Götze 2004, с. 22].

Необходимо упомянуть здесь о создании двумя странами новых площадок для конструктивного обмена мнениями, главным образом по экономическим вопросам. В апреле 2001 г. по инициативе В. Путина и Г. Шредера был создан новый форум «Петербургский диалог», целью которого является содействие взаимопониманию двух стран в сфере укрепления политических отношений, а также

содействия в экономике, развитию гражданского общества в РФ [Petersburger-dialog ... 2001].

Уместно также отметить создание российско-германского форума «Потсдамские встречи», инициированного в 1999 г. Федеральным президентом Германии Р. Герцогом. В ежегодных двухдневных встречах в Потсдаме приняли участие представители различных регионов двух стран, а также общественные деятели, которые обсуждали актуальные вопросы политики, экономики и культуры.

После ухода Г. Шрёдера с поста канцлера, а также в результате общего ухудшения международной обстановки в Европе и в мире, отношения между Германией и Россией вступили в период стагнации и охлаждения (это не всегда относится к связям в сфере культуры, высшего образования и науки).

Однако автор выражает уверенность, что насущные взаимные интересы двух государств в обозримом будущем вернут их к сотрудничеству, характерному для периода конца XX в. – начала XXI в. Здесь уместно привести слова из одной из последних работ Н. В. Павлова. В книге «Россия и Германия. Несостоявшийся альянс» он делает вывод, что ситуация в Европе и в мире меняется, но остаются такие важные факторы, как «развитие взаимовыгодной экономической кооперации, борьба с последствиями мирового экономического кризиса, противодействия глобальным кризисам и угрозам ... Для плодотворного взаимодействия наших стран и народов у нас имеется богатый исторический опыт и достаточно прочный запас терпимости и уважения при всем различии национальных характеров» [Павлов 2017, с. 549].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Выступление Путина в бундестаге ФРГ. URL: kremlin.ru/events/president/transcripts/21340
- Дипломатический вестник : ежегодник / МИД РФ. М., 2008. URL : www.mid.ru/ezegodnik-diplomaticeskij-vestnik-za-2008-g.
- Мертес М. Немецкие вопросы – европейские ответы. М. : Московская школа политических исследований, 2001. 336 с.
- Петербургский диалог. URL : petersburger-dialog.ru/home/istoriya.html
- Павлов Н. В. Внешняя политика Германии от Бисмарка до Меркель. М. : Международные отношения, 2012. 799 с.

-
- Павлов Н. В.* Россия и Германия. Несостоявшийся альянс (история с продолжением). М. : Аспект Пресс, 2017. 559 с.
- Примаков Е. М.* Восемь месяцев плюс... М. : Мысль, 1999. 240 с.
- Примаков Е. М.* Годы в большой политике. М. : Совершенно секретно, 1999. 448 с.
- Примаков Е. М.* Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М. : Российская газета, 2009. 239 с.
- Резолюции Совета Безопасности ООН 2001. URL : un.org/ru/sc/documents/resolutions/2001
- Шрёдер Г.* Решения. Моя жизнь в политике. М. : Европа. 2007. 549 с.
- Adomeit H., Bastian K., Götz R.* Deutsche Rußlandpolitik unter Druck. Berlin : Stiftung Wissenschaft und Politik // SWP-Aktuell. 2004. № 54.
- Brandt W.* Berliner Ausgabe. Gemeinsame Sicherheit Internationale Beziehungen und die deutsche Frage. Berlin : Die Nacht Verlag. Bd. 10. 735 S. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 30. Juni 2005.
- Klark R. A.* Against all Enemies. N. Y. : Free Press, 2004. 111 p.
- Kohl H.* Erinnerungen. 1990–1994. München : Droemer Verlag, 2007. 718 S.
- Meier K.* Deutsch-Russische Wirtschaftsbeziehungen unter Putin. Praxis-Probleme-Perspektiven. Berlin : Wissenschaft und Politik, 2004. 42 S. Das Parlament, 2000. 15. Oktober.
- Rupps M.* Kanzler Dämmerung. Wer zu spät kommt, darf regieren. Zürich : Orell füssli, 2017. 224 S.
- Stern F.* Fünf Deutschland und ein Leben. München : C. H. Beck, 2007. 675 S.

УДК 327.56; 327.5; 327.7; 303.01

О. А. Воркунова

кандидат исторических наук; ст. научный сотрудник
Института мировой экономики и международных отношений
им. Е. М. Примакова, РАН; доцент каф. теории регионоведения МГЛУ;
e-mail: olga@pww.ru; infopari2016@gmail.com

**ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЦЕНТРОВ И ПЕРИФЕРИИ
В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ**

Статья посвящена проблеме международно-политического развития и взаимодействия различных регионально-культурных моделей организации пространства в истории человечества. Особое внимание уделяется исследованию соотношения центров, периферии и полупериферии. В центре внимания оказываются работы ведущих западных и отечественных теоретиков международных отношений. В статье рассматривается теория демографического перехода С. Капицы, длинных волн в мировой политике Д. Модельски. В современный период постепенно снижается концентрация глобальных сил в одной локации и монополярность уступает место многополярности. Наблюдавшееся ранее в прошлом веке доминирование сверхдержав уступает снижению влияния центров силы. Жесткость противостояния лидеров и челленджеров сменяется большей гибкостью поведения альянсов и переустройством систем союзов. Устойчивость политических союзов строится на приверженности общим ценностям. Система мировой политики постепенно вступает в период перехода от состояния лидерства одной сверхдержавы к «культурному балансу».

Ключевые слова: мировая политика; международные отношения; социальная эволюция; центры; периферия; лидеры; гегемоны; конфликты; глобальные войны; Португалия; Нидерланды; Британия; США; Германия; Испания; Советский Союз.

O. A. Vorkunova

PhD (History), Assoc. Prof., Department of Regional Studies, MSLU;
Senior Researcher, Primakov Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences;
e-mail: olga@pww.ru; infopari2016@gmail.com

**HISTORICAL DEVELOPMENT
OF CENTRE-PERIPHERY RELATIONS IN WORLD POLITICS**

This article is about the world system as one form of social organization humankind can assume. It provides a valuable, conceptual and historical introduction into the structural components of the world system, such as economic or political, as well as global and national, each of which might be expected to be subject to evolutionary process. The nature of global leadership

is among the most hotly contested issues in contemporary political science. The article is devoted to the problem of interaction of various regional and cultural models of space organization in the history of mankind. Particular attention is paid to the study of center-periphery hierarchies and center-periphery relations as a constant structural feature of world system. The focus is on the work of leading Western and domestic theorists of international relations. The article deals with the theory of the demographic transition of S. Kapitsa, long waves in the world politics of D. Modelsky. In the modern period, the concentration of global forces in one location is gradually decreasing, and the 'unipolar' model of center-periphery relations is giving way to 'multipolar center-periphery relations. Observed earlier in the last century, the domination of superpowers is inferior to the decrease in the influence of centers of power. The rigidity of confrontation between leaders and challengers is replaced by greater flexibility in the behavior of alliances and the reorganization of alliance systems. The stability of political alliances is built on the commitment to shared values. The system of world politics is gradually entering a period of transition from the state of leadership of one superpower to a "cultural balance".

Key words: world politics; globalization; global leadership; hegemonic leadership; world history; conflicts; global wars; center-periphery; Portugal; the Netherlands; England; the United States; Spain; Germany; the Soviet Union.

В силу противоречивости и неравномерности наметившегося сдвига в планетарном процессе социальной эволюции формирующиеся структуры мировой политики приобрели противоположные и, казалось бы, взаимоисключающие свойства, что и ставит перед теоретическим знанием немало новых и сложных проблем. В самом общем виде и до некоторой степени схематично их можно сгруппировать по трем направлениям. Первое – охватывает отношения между центрами и периферией. Предметом обсуждения здесь являются три основных вопроса: ведет ли зависимость от центров к развитию полупериферии или к деформации периферийных отношений; возможно ли становление новых регионов как составной части системы мировой политики в рамках их зависимости от центров; какова специфика современной системы международных отношений в связи с этими изменениями. Второе направление относится к дискуссии о лидерах мировой политики, их конкурентах (challengers) и субъектах международных отношений, выпадающих из магистрального потока социальной эволюции (так называемых «изолятах»), по образному выражению С. Капицы [Капица 2010, с. 84]. Третья линия касается особенностей культурной эволюции современных социальных систем.

Из всех теоретиков, работавших на рубеже XX–XXI вв. и считающихся специалистами в области эволюции мировой политики, выделяется группа западных ученых, разрабатывающая различные регионально-культурные модели организации пространства.

Попытка внести вклад в понимание текущего развития сложной системы мировой политики была предпринята коллективом авторов под руководством американского ученого Джорджа Модельски. По мнению авторов, мировая система представляет собой форму социальной организации и динамический процесс. Эволюция мировой системы включает четыре основные фазы развития, протяженностью многих тысячелетий. Нынешний этап развития отличается созданием новых активных зон инноваций и освоением навыков адаптации к стремительно меняющейся среде.

В конце прошлого века появились и отдельные работы, авторы которых предлагали новые теоретические подходы к анализу процессов глобализации вообще и регионализации, в частности. Примерами могут служить труды Й. Галтунга (Норвегия), М. Альберта (США), М. Родса, Б. Ван Апельдорна, Моерланда, Де Йонга, Д. Гренеvegана, Р. Бойе [Denemark 2000, Galtung 2002, Albert 1991, Rhodes 1997]. Особое место в ряду этих авторов занимают работы Д. Модельски, в которых анализируются процессы становления центров и периферии, закономерности возвышения и упадка лидеров мировой политики и их оппонентов [Modelski 2000, с. 24–54].

Исходным пунктом в работах Д. Модельски является его теория длинных волн в мировой политике. Период обращения мировой политики, по Модельски, составляет 500 лет. За это время проходят развитие четыре длинных цикла мировой политики. Каждый цикл, или фаза, эволюции выполняет определенные функции, в том числе субъекты мировой политики проходят стадию накопления опыта (фаза обучения), в ходе которой создается фундамент общих интересов. За ней следует этап формирования коалиции суверенных государств, преследующей цели решения глобальных проблем (фаза макрорешения). В каждом из этих циклов выделяется лидер, обладающий явным преимуществом по сравнению с другими субъектами мировой политики. Ему противопоставляется так называемый челленджер, другой доминирующий субъект, формирующий свою коалицию государств и предлагающий альтернативу

для решения глобальных проблем. Критическое столкновение моделей развития, представленных лидером и челленджером, выливается в глобальные войны. Тесная взаимозависимость участников мировой политики не исключает противоречий между ними, а, напротив, зачастую создает почву для конфликтов и войн. В процессе эволюции глобальные войны являются органически присущими компонентами восхождения лидеров мировой политики, формирования новых центров и развития периферии.

Адекватное понимание глобальных проблем, постановка долгосрочных задач, выдвижение глобальных проектов их решения и привлечение других государств к созданию коалиций для осуществления новых проектов мирового порядка обеспечивают роль лидера мировой политики. В этих условиях на смену идеи мирового господства приходит идея опоры на единомышленников, союзников и партнеров. Однако в русле логики социальной эволюции и законов термодинамики любое действие рождает противодействие, и таким образом формирование коалиции одного лидера оспаривается коалицией конкурента – челленджера.

Подобно длинным волнам кондратьевских циклов в мировой политике происходит циклическое возвышение одних доминирующих субъектов, которое завершается их упадком и возвышением новых ведущих субъектов мировой политики. За последние пятьсот лет эту роль последовательно выполняли Португалия, Британия (дважды) и США. Соответственно их оппонентами в разные исторические периоды становились Испания, Германия и Советский Союз.

Разработка проблемы исторического отбора интересовала известного российского ученого С. Капицу в контексте его теории глобальной демографической революции и связанных с этим социальных механизмах управления и распределения знаний, богатства и территории. Точка зрения С. Капицы состояла в утверждении, что в эволюции сложных социальных систем наблюдается естественный отбор наиболее удачных локальных структур по сравнению с менее жизнеспособными формами организации общества. Для человечества понятие естественного отбора можно трансформировать в концепцию исторического отбора. Появление таких структур, ограниченных в пространстве и во времени, по

существованию, соответствует тому, что историки традиционно связывают с понятием цивилизации [Капица 2010, с. 86]. Поэтому переходы между циклами при непрерывной скорости различаются по изменениям в культуре. Более того, культура и развитие, по мысли С. Капицы, оказываются связанными с демографическим ростом. И эта связь «выражена через глобальное информационное взаимодействие, определяющее синхронное развитие демографической системы мира» [Капица 2010, с. 77]. Развитие человечества после демографической революции меняет сам исторический процесс.

Особое место в анализе зарубежных ученых Дэвида Уилкинсона, Андре Франка и Барри Гиллса занимает теория гегемонии в развитии цивилизаций и международно-политического пространства. Попытка выявить закономерности развития на большом историческом материале, приводит авторов к мысли о существовании небольшого числа мировых гегемонов, протогегемонов и претендующих на эту роль мировых игроков. Центры силы в мировой политике, по замыслу авторов, в различные исторические эпохи принимают форму глобального доминирующего субъекта, олигархии сверхдержав, метрополии или империи [Chase-Dunn and Hall 2000, с. 95]. Так, Британия выполняла роль гегемона в мировой политике в XIX в., после Второй мировой войны таким ведущим субъектом международных отношений стали США.

В то же время не все авторы разделяют мнение о наличии неоспоримого превосходства одного доминирующего субъекта мировой политики в конкретный исторический период. В разное время предпринимались успешные и неудачные попытки со стороны участников международных отношений стать гегемоном в мировой политике. Отталкиваясь от известных работ Иммануила Валлерштейна, американские ученые Дэвид Уилкинсон, Барри Гиллс и голландский исследователь Андре Франк конструируют свою картину мира, предлагая новые термины «парагегемонии» и «супергегемонии» [Wilkinson 2000, с. 76]. Авторы устанавливают функциональную зависимость между парагегемонией, занимающей особое место в локальном и региональном пространстве, и традиционным гегемоном в международно-политическом пространстве. По их мнению, парагегемон получает экономические преимущества благодаря своему положению в регионе, подобно

тому как получает экономические преимущества гегемон посредством силы или угрозы ее применения.

Явление парагегемона в современном мире принимает новые формы и меняет свое содержание благодаря экономическим преимуществам привилегированного «бегуна на опережение» (т. е. за счет центров инноваций и новейших технологий, инвестиций, фондов и эффективного предпринимательства либо за счет природной ренты, монопольного геоэкономического контроля над ограниченными ресурсами, транспортной инфраструктурой или коммуникационной системой, либо благодаря гигантскому рынку сбыта) [Wilkinson 2000, с. 76].

Далеко не последнее место в обеспечении роли парагегемона играют военно-геополитические преимущества для защиты своих монополий и центров силы от угрозы со стороны других гегемонов [Wilkinson 2000, с. 76]. В разные исторические эпохи такими парагегемонами были Нидерланды, Великобритания, США.

По мнению упомянутых авторов, золотой век американского лидерства приходился на период с 1945 по 1967 гг. Вместе с тем признавая тот факт, что США представляли собой военно-политическую сверхдержаву в период 1945–1967 гг. в рамках биполярной системы, соперничая лишь с СССР, авторы приписывают США роль регионального гегемона в системе мировой политики, но отказывают ей в роли мирового гегемона [Wilkinson 2000, с. 76].

Объясняя особенности и закономерности эволюции системы мировой политики, авторы выделяют три взаимосвязанных процесса: развитие полупериферии, итерации демографии и создания региональных иерархий и трансформации моделей накопления. Указанные процессы отвечают за эволюцию человеческих сообществ от первобытных племен численностью до сотен тысяч особей до современной комплексной глобальной системы. Социальные сети трансформируются и расширяются благодаря институциональным инновациям, связанным со структурами центров силы и периферии. Стимулами для развития служат демографические факторы, интенсивность процессов, формирование международных и региональных иерархий. Они же определяют динамику мировых политических процессов.

Взаимодействие центров и периферии играет значительную роль в эволюции международно-политического пространства. Конкуренция между центрами силами в мировой политике проявляется, в частности, в способности ведущих субъектов доминировать на периферии и успешно эксплуатировать периферийные регионы. Современная система мировой политики отражает указанную тенденцию. Геополитически структурированное капиталистическое производство является наиболее успешным и стабильным механизмом эксплуатации периферийных регионов. Вместе с тем дальнейшее развитие полупериферии в контексте глобальной системы мировой политики свидетельствует о возможностях принципиально новых трансформаций [Chase-Dunn and Hall 2000, с. 109].

Флуктуации повышательных и понижательных циклов, взаимодействующих с демографическими и эпистемологическими процессами, отражают долгосрочные тенденции социокультурной эволюции.

По мнению западных ученых, существует несколько сценариев будущих трансформаций политического мироустройства. Системные тенденции и циклы развития, подобные явлениям в прошлом, продолжатся, и вся международная политическая система разрушится в 2020-х гг. под влиянием глобальной войны между центрами силы. Другой сценарий возможен на новом витке развития, который приведет к созданию мирового государства, способного найти решения глобальных проблем. Предупреждение конфликтного взаимодействия в форме войны возможно с помощью метода выбора глобального лидерства. Альтернатива различным формам экспансии – глобальная политическая интеграция и сотрудничество.

Очевидно, что демократические политические институты на глобальном уровне способны выполнить ряд задач, в их числе легитимацию глобального провайдера коллективной безопасности, формирование механизма решения глобальных экологических проблем и запуска процессов сбалансированной демократизации экономического развития. В современной полупериферии вполне возможны эксперименты с разновидностью социализма как модели накопления.

Системный анализ 70-х гг. прошлого столетия оперировал величинами в сто тысяч лет, в 90-х гг. временной масштаб анализа,

принятый на вооружение в современных теориях и анализах системных изменений, составлял тысячелетия. Будущие системные исследования сфокусированы на нациях как первичных единицах анализа или на мировой системе городов как отправной единицы изучения.

Джордж Модельски отмечал некоторые эмпирические закономерности в развитии долгосрочных циклов в мировой политике. Он сформулировал теорию системы лидерства как промежуточного этапа эволюции глобальной политики. Опираясь на обширный исторический материал, Дж. Модельски описывает эволюционный процесс в глобальной политике от состояния низкой степени сплоченности и простейшей структуры до высокого уровня единства коллективного лидерства и прочной интеграционной общности.

Политическая эволюция происходит под воздействием необходимых условий – механизмов дарвиновского естественного отбора и вариаций, механизмов взаимодействия и усиления. Механизмом макрорешения Дж. Модельски считает глобальные войны. Таким образом, он отчасти разделяет точку зрения отдельных западных авторов о необходимости глобальных войн как регуляторов системы мировой политики [Modelski 2000, с. 24–54]. Вопреки данной точке зрения, по мнению С. Капицы, глобальные войны свидетельствуют о потере системной устойчивости. При этом максимальную неустойчивость мировой системы, по критерию российского ученого А. Ляпунова, следует ожидать вблизи начала демографического перехода [Капица 2010, с. 142]. «Вблизи границы устойчивости малые возмущения усиливаются, прежде чем система теряет устойчивость... Большие флуктуации в финансовых системах указывают, что система находится вблизи границы ее устойчивости» [Капица 2010, с. 146–147].

Согласно Дж. Модельски, перед началом нового цикла наблюдаются значительные изменения в расстановке основных субъектов мировой политики, которые сопровождаются возвышением новых ведущих субъектов и ослаблением роли прежнего лидера мировой политики. При этом глобальные политические процессы обнаруживают определяющую их пространственную структуру, идентифицированную во времени [Modelski 2008, с. 164].

В ходе развития длинных циклов мировой политики формируются не только лидеры, но и их оппоненты – челленджеры, провоцирующие рост напряженности и конфликты. Траектория развития мировых лидеров и челленджеров включает фазы подъема и упадка, причем кульминация пиковых позитивных и негативных волн эволюции происходит в период глобальных войн. Восхождение и упадок мировых лидеров и челленджеров совпадают по фазам и формируются под влиянием сходных условий. Вместе с тем последствия эволюции лидера и челленджера противоположны по сочетанию позитивных и негативных черт. Это касается таких характерных признаков, как степень открытости общества, инновационная составляющая экономики, военно-промышленный потенциал. Последовательность прохождения фаз эволюции мирового лидера и челленджера нарушается на этапе макрорешения, за которым следует поражение претендента на мировое господство. При этом фазовое движение эволюции челленджера начинается с периода выполнения программы решения глобальных проблем потенциальным мировым лидером.

Последняя четверть XX в. и начало XXI в. ознаменовались глобальностью действия нелокального квадратичного закона роста, следствием которого стало неизбежное отставание «изолятов». Особенностью изолятов в мировой политике стала их оторванность от остального человечества, сосредоточенного в основном в Евразии. От себя добавим, что потеря мировых связей в эпоху глобального кризиса приводит к нарушению адаптационной способности изолятов к среде международных отношений и формированию в силу этого менее жизнеспособных форм организации общества. В социальной эволюции выживают более удачные локальные структуры.

Доминирующие субъекты международных отношений играли фундаментальную роль в создании центров и периферии мировой политики. Наше внимание привлекают прежде всего качества, необходимые для выполнения роли лидера в мировой политике, и условия, при которых формируются центры, а также предпосылки перемен, в результате которых происходит как смещение лидерства, так и изменения в соотношении центров и периферии.

Таблица 1

Лидеры	Фазы развития Фаза исполнения (И) Фаза коалиции (КО)	Индексы мощи
Португалия	И 1516–1540	0.597–0.511
	КО 1550–1580	0.425–0.202
Нидерланды	И 1609–1640	0.557–0.476
	КО 1660–1680	0.335–0.260
Великобритания I	И 1716–1740	0.522–0.461
	КО 1763–1792	0.448–0.332
Великобритания II	И 1815–1850	0.660–0.462
	КО 1873–1914	0.477–0.436
США	И 1945–1973	1.0–0.713

Источник: George Modelski. World System Evolution // World-System History: The Social Science of Long-Term Change / Ed. Robert A. Denemark. London: Routledge. 2000. P. 24–54. Джордж Модельски. Эволюция глобальной политики. Available at: worldpolit.ru/index.php?option=content&task=view&id=46

Таблица 2

Челленджеры	Фазы развития	Концентрация военной мощи
Испания	1580	0.649 1560–64
Франция I	1688	0.484 1690–94
Франция II	1792	0.537 1800–04
Германия	1914	0.366 1910–14
		0.486 1940–44

Источник: George Modelski. World System Evolution // World-System History: The Social Science of Long-Term Change / Ed. Robert A. Denemark. London: Routledge. 2000. P. 24–54. Джордж Модельски. Эволюция глобальной политики. Available at: worldpolit.ru/index.php?option=content&task=view&id=46

Логика эпохи лидерства строится на укреплении позиций и доминирующей роли отдельных государств в системе международных отношений, разделении мира на сферы влияния. Для Португалии временным пиком фазы подъема лидерства стал 1516 г., завершивший процесс повышательной фазы мировой политики, начавшейся в 1430 г. С вступлением Португалии в фазу упадка после 1516 г. (понижательная траектория эволюции Португалии) набирает силу фаза подъема ее челленджера – Испании. Здесь необходимо отметить важный момент, согласно Модельски, роль лидера мировой политики отражает не особые качества суверенного национального государства и его преимущества перед другими по параметрам экономического, военного или политического потенциала, но свидетельствует о его способности мобилизовать коллективные возможности союзников и партнеров. Иными словами, залог успеха глобального лидерства – это вовлечение в коллективный процесс эволюции мировой политики своих партнеров. И, наоборот, основным признаком начавшегося упадка лидера служит утрата легитимности своей роли в глобальной политике.

Возвращаясь к условиям становления лидера в ходе исторического процесса отбора как существенного этапа социальной эволюции, важно отметить, что государство, претендующее на роль доминирующего субъекта, должно успешно пройти четыре этапа. Они включают фазу постановки глобальных проблем, формирования коалиций государств для ответа на вызовы глобального развития, поиски и нахождение решений, и выполнение функции коллективной мобилизации для выполнения стратегической программы развития (фаза исполнения). При этом потенциальному лидеру присущи определенные структуры, иерархии и характер отношений с другими участниками международных отношений. В их числе способность разработать стратегию и сформировать организационные структуры, добиться глобального влияния и располагать преимуществами в экономике с упором на инновационные составляющие, отвечать критериям открытого общества и нести ответственность за действия на мировой арене.

В противоположность лидерам челленджеры, претендуя на роль глобального лидера, проигрывают по отдельным позициям в конкурентном соревновании. Чаще всего это происходит, по

Модельски, на фазе мобилизации партнеров и союзников для коллективного решения глобальных проблем или в силу сущностных характеристик тех или иных претендентов. Примечателен также и тот факт, что, согласно Модельски, процесс отбора представляет не конкретный набор программных установок, а лишь первоначальную инструкцию, по аналогии с геномом человека. Потенциальный лидер призван найти решения для установления мирового порядка, наилучшим образом отвечающим конкретно-историческим задачам социальной эволюции.

Отмечая перемены в эволюции глобальной системы политики, Модельски обращает внимание на то, что в современный период постепенно снижается концентрация глобальных сил в одной локации и монополярность уступает место многополярности. Наблюдавшееся ранее в прошлом веке доминирование сверхдержав уступает в современный период снижению влияния центров силы. Жесткость противостояния лидеров и челленджеров сменяется большей гибкостью поведения альянсов и переустройством систем союзов. Устойчивость политических союзов строится на приверженности общим ценностям. Система мировой политики постепенно вступает в период перехода от состояния лидерства одной сверхдержавы к культурному балансу.

Внешняя, видимая сторона длинных волн мировой политики представляет собой поток политических событий глобального уровня продолжительностью 100 лет. Иными словами, каждая повышательная и понижительная фазы длинной волны мировой политики совпадают с продолжительностью жизни одного поколения. Участники процесса и кандидаты на роль лидеров варьируются от национальных государств, региональных держав до федеративных комплексов и международных организаций. Для претендента на роль лидера в мировой политике необходимо стратегическое мышление и способность создавать глобальную коалицию. В течение 500 последних лет за лидерство боролись девять крупных игроков, при этом одновременно участвовали в борьбе четыре государства. Наличие мобильных сил глобального охвата, будь то военно-морские силы (океанический флот) или морской флот, объединенный с аэрокосмическими силами и информационными коммуникационными системами, является решающим условием для превосходства над другими претендентами.

Уильям Томпсон, американский ученый и тогдашний президент Ассоциации международных отношений различает два магистральных подхода государств в мировой политике: ориентация на территориальную экспансию, обеспечение безопасности по периметру границ и специализация на промышленной и торговой экспансии, связанной с проблемой доступа к отдаленным мировым рынкам и контролю над ними. Обе стратегические установки могут совмещаться, например государство, удовлетворившее локальные территориальные амбиции, может устремиться к выдвинутым рубежам в поисках торговых и промышленных преимуществ [Thompson 2006].

Идея, получившая довольно широкое распространение за последнее время в литературе о процессах глобализации и регионализации, заключается в том, что весь мир делится на центры, субцентры, полупериферию и периферию. Согласно классификации американского ученого Майкла Альберта, выделяются две основные регионально-культурные формы: англо-саксонская и рейнская [Albert 1991, с. 12–21]. Другие авторы, такие как Мартин Родс и Бастиан Ван Апельдорн, Моерланд и Де Йонг выделяют три типа моделей, подразделяя рейнскую на две подсистемы: германскую, или сетевую, ориентированную на социальный рынок, и латинскую, или средиземноморскую, характеризующуюся большим прагматизмом [Rhodes 1997, с. 171–189; Levai 2006, с. 17]. В свою очередь, Джон Греневеген называет три главных центра мирового капитализма: англо-американский, континентальный европейский и японский капитализм. Роберт Бойе считает, что существует четыре модели: рыночная (США, Канада, Великобритания); рейнская, или корпоративистская, модель (Германия, Япония); государственная модель (Франция, Италия), и социал-демократическая (Швеция, Австрия) [Levai 2001, с. 216].

По мнению Й. Галтунга, существуют семь регионально-культурных объединений с соответствующими центрами силы – США, ЕС, Япония, Китай, Россия, Индия и «исламский стержень» [Galtung 2002, с. 5].

По мнению венгерского ученого Имре Левай, региональная общность формируется по признакам исторических и культурных традиций и в соответствии с социально-экономическими полупериферийными особенностями [Levai 2001, с. 200–216]. С этой

точки зрения, восточноевропейская модель имеет структуру европейского субрегиона. Имре Левай приводит периодизацию развития человечества в соответствии с длинными циклами глобальных войн, которые он определяет как периоды хаоса в современной мировой системе. При этом он выделяет так называемый центральный регион: иберийский – в 1494–1526 гг.; голландский – в 1618–1648 гг. и период коммерческого (торгового) капитализма; французский – 1688–1713 гг.; британский – 1792–1815 гг. и период промышленного капитализма; англо-саксонский – 1914–1945 гг. и период финансового капитализма. Шестой и пока последний этап хаоса, по его мнению, пока не имеет ни географического названия региона, ни качественной характеристики этапа развития капитализма, равно как и временные рамки [Levai 2001, с. 200–216].

В эпоху глобальных перемен, когда вся система мировой политики проверяется на прочность, концепции социальной эволюции представляют значительный интерес и дают повод для исследований и обсуждения этапов реформирования системы межгосударственных отношений. Крушение советской империи, рост удельного веса мировых гигантов Китая и Индии в глобальной политике коренным образом изменили баланс сил между состоявшимися и потенциальными лидерами, челленджерами и изолятами. Всё более настойчивые требования региональных лидеров создания нового мирового порядка толкают США и Европу к поискам различных форм трансатлантического и транстихоокеанского сотрудничества и партнерства.

Попытки создания новых коалиций – глобальных: «Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство» и «Зона свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе», инициированных Китаем с участием России, и Транс-Тихоокеанского партнерства, продвигаемого США, региональных – Восточного Средиземноморья, предложенных Турцией, Катаром, Грецией, Египтом и Кипром, болезненная смена мирового лидерства и опасность возникновения новых челленджеров и изолятов создают новые угрозы международной безопасности. От того, насколько успешно коллективный разум человечества сможет преодолеть эти угрозы и выработать новую стратегию развития, зависит будущее планеты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Каница С.* Парадоксы роста. Законы развития человечества. М. : Альпина нон-фикшн, 2010. 192 с.
- Модельски Дж.* Эволюция глобальной политики. URL : Available at: worldpolit.ru/index.php?option=content&task=view&id=46
- Albert M.* Looking Forward: Participatory Economics in the 21st Century (mit Robin Hahnel). Boston : South End Press, 1991.
- Albert M.* Political Economy of Participatory Economics (mit Robin Hahnel). Princeton University Press, 1991. P. 12–21.
- Chase-Dunn C., Hall T.* Comparing World Systems to Explain Social Evolution // World-System History: The Social Science of Long-Term Change / Ed. by A. Robert. Denmark–London : Routledge, 2000. P. 95.
- Galtung J.* Rethinking Conflict: the Cultural Approach. Strasbourg: Council of Europe, 2002. P. 5.
- Modelski G.* World System Evolution // World-System History: The Social Science of Long-Term Change / Ed. by A. Robert. Denmark. London : Routledge. 2000. P. 24–54.
- Levai I.* Coexistence of Civilizations and Patterns of Accumulation: the European Sub-Centre and Semi-Periphery // Central European Political Science Review. 2001. Vol. 2. No 4. P. 200–216.
- Rhodes M., and Bastian van Apeldoorn.* Capitalism versus Capitalism in Western Europe // Developments in West European Politics / Eds. Martin Rhodes, Paul Heywood, and Vincent Wright. New York : St. Martin's Press, 1997. P. 171–189.
- Thompson W.* Systemic Leadership, Evolutionary Processes, and International Relations Theory: The Unipolarity Question // International Studies Review, 2006. Vol. 8. No 1. P.8–9.
- Wilkinson D.* Civilizations, World Systems and Hegemonies // World-System History: The Social Science of Long-Term Change / Ed. by A. Robert. Denmark–London : Routledge, 2000. P. 76.

УДК 94

А. А. Истомин

кандидат исторических наук; ведущий научный сотрудник
Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН;
e-mail: alaist-2009@mail.ru

«КОРРУПЦИОННАЯ» ВЕРСИЯ ПРИЧИН ЛИКВИДАЦИИ КОЛОНИИ РОСС: ЗА И ПРОТИВ

Статья посвящена обнаруженной в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки записи М. С. Корсаковым сообщения видного военноморского деятеля и путешественника В. С. Завойко. Указывая на большое значение этого архивного открытия, автор статьи рассматривает вопрос о достоверности сообщения Завойко в контексте сообщаемых им фактов. Отмечается неточность в сообщении Завойко; делается вывод, что исключать в целом версию Завойко нельзя, но требуется тщательная проверка ее достоверности.

Ключевые слова: Русская Америка; Форт-Росс; продажа колонии Росс; коррупция; Российско-американская компания; российская колонизация Америки.

A. A. Istomin

Leading Scientific Associate, Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences; e-mail: alaist-2009@mail.ru

THE «CORRUPTION» VERSION OF THE REASONS FOR THE ROSS COLONY'S SALE: PRO ET CONTRA

The paper deals with the information by V. S. Zavoiko about the real reasons of the Ross colony's sale in 1841. This information was mentioned by young M. S. Korsakov in his diary and found in the Manuscript Division of the Russian State Library. The author of the article analyzes this information as well as its interpretation in the context of the Fort Ross history. A special examination is given to the problem of credibility and accuracy of the Zavoiko's information. It is noted that many of his statements are incorrect. The author made a conclusion that one should not exclude the version by Zavoiko in general but this information requires a careful check which is now not available.

Key words: Russian America; Fort Ross' sale; corruption; the sale of Ross; Russian American Company; Russian colonization of America.

Интересные архивные находки – вещь нечастая в практике историков, особенно после того как основной блок источников по данной теме уже опубликован [Россия в Калифорнии... 2005, т. I; Russian California ... 2014]. Тем большую значимость имеет

открытие поистине сенсационных откровений о причинах одного из роковых и знаковых событий в истории Русской Америки – продажи российской колонии Росс в Калифорнии в 1841 г.

Речь идет о сообщении начальника Аянского порта капитана I ранга В. С. Завойко чиновнику особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири (Н. Н. Муравьеве) М. С. Корсакову. Беседа Завойко с Корсаковым 11 августа 1849 г. о колонии Росс зафиксирована в дневнике Корсакова, хранящегося в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ. Ф. 137. Корсаковы. Картон 41. Д. 10). Ее содержание впервые изложено и частично опубликовано в статье российских исследователей А. Ю. Петрова, Г. М. Капалина (митрополита Климента) и А. Н. Ермолаева в журнале «Вопросы истории» в 2013 г. [Петров, Капалин, Ермолаев 2013].

К сожалению, авторы статьи скромно умолчали о том, кто именно из них совершил эту замечательную находку. Видимо, это же отношение к авторству привело и к обезличенному использованию и даже цитированию в указанной статье моих авторских текстов из «Введения» в двухтомном сборнике документов «Россия в Калифорнии» [Россия в Калифорнии 2005, т. I]. Авторство Введения обозначено в оглавлении и оговорено в предисловии (там же разграничение авторской ответственности с Дж. Р. Гибсоном, который на тот момент смог представить во «Введение» к русской версии лишь небольшую главу, зато компенсировал это расширенным введением к английской версии двухтомника).

Василий Степанович Завойко (1812–1898), известная фигура в истории освоения Русской Америки и Дальнего Востока, впоследствии герой Петропавловской обороны, адмирал, во время встречи с Корсаковым состоял на службе Российско-американской компании (РАК); ранее ему лично доводилось посещать колонию Росс во второй половине 1830-х гг. [Завойко 1840]

Главная причина продажи Росса, по мнению Завойко, состояла не в реальной убыточности колонии, как считалось из заявлений РАК, а в ее квазиубыточности, за которой скрывался нелегальный сбыт правителями колонии получаемой сельхозпродукции и соответствующая дезинформация начальства. По утверждению Завойко, «начальники крепости Росс, посылаемые туда от компании,

объявляя компании, что у них нет хлеба, продавали много хлеба на сторону и обоготались» (НИОР РГБ. Ф. 137. Картон 41. Д. 10. Л. 10) из-за чего в РАК возникло представление об убыточности Росса.

По мнению авторов статьи, словам Завойко можно серьезно доверять, поскольку, во-первых, он был близким родственником бывшего Главного правителя колоний Ф. П. Врангеля, во-вторых, по должности хорошо знал дела РАК. Отмечая, что конкретно виновников хищения хлеба Завойко не назвал, авторы связывают определение их круга с визитом в Росс Главного правителя колоний И. А. Купреянова, когда на посту правителя Росса П. С. Костромитинова заменил А. Г. Ротчев. «Таким образом, – пишут они, – обвинения могут касаться именно этих двух последних начальников колонии» [Петров, Капалин, Ермолаев 2013, с. 13]. Эта связь представляется странной. А почему только их, а скажем, не предшественника Костромитинова П. И. Шелехова? «Но увольнением с должности Костромитинова проблема не решилась», – пишут дальше авторы. Однако П. С. Костромитинов покидал свой пост не в силу каких-то обвинений в криминальной деятельности или просто ввиду убыточности колонии, а по давно выраженному им желанию, которое отражено в документах. А. Г. Ротчев был назначен на эту должность не в связи с убыточностью Росса, а скорее потому, что, как писал за два года до этого уже на посту правителя Ново-Архангельской конторы П. И. Шелехов, Главный правитель колоний И. А. Купреянов «не знает куда девать» Ротчева [Россия в Калифорнии 2012, т. II]. Далее авторы отмечают, что расходы при Ротчеве «явно преувеличены по сравнению с расходами на другие конторы на Аляске, причем, возможно, существовали только на бумаге» [Петров, Капалин, Ермолаев 2013, с. 13]. Последнее предположение требует аргументов, а вопрос о соотношении расходов на Росс с расходами на другие отделы должно рассматриваться по-статейно с учетом количества в каждой конторе русских служащих РАК, на жалованье которым, как утверждается в документах, уходила львиная часть расходов.

«Для прояснения ... вопроса» авторы предлагают обратиться к свидетельствам «других источников, лучше всего нейтральных, иностранных» [там же]. Почему иностранные источники

приравниваются авторами к нейтральным остается неясным. Далее следуют пространные выдержки из книги французского путешественника К.-П.-Т. Лапласа, посетившего Росс при Ротчеве, где Лаплас восторженно описывает значительные запасы продовольствия и превосходное состояние одной из русских ферм. Затем авторы делают предположение, что не все из этого богатства и разнообразия припасов попадало в колонии, а часть уходила «на сторону», приводя в подкрепление сумму убытков. При этом не берется в расчет ни эмоциональное состояние Лапласа, не ожидавшего увидеть на краю света (так тогда воспринимали Калифорнию) благополучную сельскохозяйственную колонию, ни тот факт, что он дает лишь качественную и очень субъективную оценку, а объективную статистику.

Далее в своем исследовании, перешедшим в расследование, авторы переходят к личности последнего правителя колоний А. Г. Ротчева, находя что «обстоятельства появления Ротчева в Калифорнии» (очевидно, имея в виду его стремление решить финансовые проблемы своей семьи на службе РАК) позволяют заключить, «что у него был мотив для злоупотреблений с продажей хлеба на сторону» [Петров, Капалин, Ермолаев 2013, с. 14]. Однако напрашивается вопрос: а у других администраторов – семейных или даже вначале холостых, как Костромитинов, такого мотива быть не могло? Могло, даже если жена не из княжеского рода, как Елена Гагарина (Ротчева). Сообщается также о резком изменении отношения Ротчева к руководству РАК после продажи. Лапласу он (со слов Лапласа) говорит о «мудрости» своих начальников, а в 1857 г. критикует компанию в связи с продажей колонии. А что еще мог говорить иностранцу российский администратор о своем начальстве? Только выйдя из административной зависимости от РАК, он в духе начавшейся критики Компании позволяет и себе внести в эту критику свою лепту по волновавшему его вопросу.

От признания убыточности Росса по крайней мере «на бумаге» (что потребовало поднять тему о хищениях реально произведенной продукции) авторы переходят к весьма интересным соображениям о том, что Росс не являлся для РАК крупной финансовой проблемой, что Компания располагала достаточными средствами, чтобы без потерь для акционеров поддерживать Росс, который был

«продан тогда, когда русские достигли наибольших успехов в хозяйственном освоении земель в Калифорнии» (с этим нельзя не согласиться), что «официальная версия об убыточности Росса выглядит несостоятельной» и что «кто персонально стоял за решением о его ликвидации, еще предстоит выяснить» [Петров, Капалин, Ермолаев 2013, с. 15]. Правда тут же назван и первый обвиняемый. «На сегодняшний день, – пишут авторы, – из косвенных источников видно, что этому способствовал Ротчев» [там же, с. 15]. Но где это видно и откуда? Из контраста между восторгами Лапласа и официальной статистикой? Из заключения, что у Ротчева был мотив для хищений? На этот счет я уже писал выше. Завойко конкретно ни одного из правителей Росса не упоминает.

Возникает и вопрос о роли агронома Е. Л. Черных – этот энтузиаст является сообщником отчева? Или он настолько увлечен своими экспериментами и агрономическими наблюдениями, что не замечает, как у него под носом творится преступление? Действительно, И. А. Купреянов предъявлял ему упрек в недостаточном участии в делах конторы [Россия в Калифорнии 2012, т. II, с. 325–326]. Но неужели это невнимание было настолько велико?

К правителю Росса А. Г. Ротчеву у начальства были серьезные претензии. Преемник Купреянова на посту Главного правителя А. К. Этолин резко критиковал Ротчева за ошибки при ликвидации Росса, которая требовала получения имеющихся долгов с испанокалифорнийцев и неделания новых, чем Ротчев, случалось, пренебрегал. В Главное правление (ГП) РАК Этолин писал, что «г. Ротчевым в короткое время управления в Россе сделаны разные беспорядки..., за кои непременно следовало бы его сменить, если б не предстояло скорое упразднение Росса...» [там же, с. 386]. Но речь, насколько можно понять из документов, идет не о криминале, а о различных ошибках и неисполнении предписаний, и к нашей теме это не имеет отношения [там же, с. 392–393].

Насколько велики должны были быть потребности семейства Ротчевых, чтобы он пошел на рискованные хищения и контрабанду сельхозпродукции?

Да, он жил в новом отдельном обставленном по-европейски домике, но достаточно скромно. Однако пока антиквары не подсчитают тогдашнюю стоимость этой обстановки, а историки не найдут

данные о соотношении официальных доходов и реальных расходов семьи Ротчева или об ее излишне благополучном финансовом положении после отъезда из Америки – говорить о криминальной деятельности Ротчева или об ее мотивах преждевременно. Равным образом необходим тщательный анализ его деятельности на посту правителя конторы в Росс, который пока отсутствует.

И, наконец, главное и решающее. А. Г. Ротчев вступает в должность в августе 1838 г., а ГП РАК принимает решение о продаже Росса в ноябре 1838 г. Таким образом, любая деятельность Ротчева на посту правителя Росса просто не могла повлиять на решение ГП РАК, ибо не успевала повлиять на баланс, даже если бы Ротчев дерзко начал воровать и продавать «на сторону» хлеб сразу по вступлении в должность, что представляется в высшей степени сомнительным, ибо чтобы наладить такого рода деятельность требуется время.

Итак, обвинение, прозвучавшее в статье, лишено оснований. В данном случае возможна только очень осторожная гипотеза, в связи с которой может быть стоит обратить внимание на закупку Ротчевым у испано-калифорнийцев в долг скота и пшеницы, которые, наверное, могли перепродаваться [Россия в Калифорнии 2012, т. II, 392–393]. Иными словами, следует задаться вопросом, не мог ли Ротчев, избегая прямых хищений внутри колонии, заниматься перепродажей сельхозпродукции за ее пределами? Не это ли вызвало дополнительное раздражение Этолина, а затем через Врангеля дошло до Завойко, воспринявшего эту информацию искаженно и утрированно? На эти вопросы пока нет ответа. По возвращении в Ново-Архангельск из Росса Ротчеву был сделан «окончательный учет», а долги калифорнийцев списаны с его счета [там же, с. 427–428].

Гораздо интереснее мысли авторов статьи о попытках РАК списать на Росс расходы на кругосветные экспедиции, о том, что договор с КГЗ был скорее следствием, а не причиной продажи Росса, о неясности позиции Ф. Врангеля [Петров, Капалин, Ермолаев 2013, с. 15–16]. Эти темы, безусловно, заслуживают дальнейшего исследования.

По поводу позиции Ф. П. Врангеля уже сейчас можно сказать, что она была сложной. С одной стороны, он активно участвовал

в принятии решения о продаже Росса, с другой – сохранил в своем архиве документ, который говорит о его более глубоком, чем у многих современников, понимании альтернативности в развитии Росса, равно как и нежелании брать на себя всю полноту исторической ответственности за его судьбу. Это выписка из протокола совещания ГП РАК о судьбе колонии Росс с дополнениями предположительно самого Ф. П. Врангеля от 1838 г.

Здесь следует признаться, что осторожно написать в заголовке и примечаниях к документу «предположительно» меня заставила, главным образом, невозможность провести сверку непосредственно в архиве (Тарту, Эстония) из-за отсутствия финансирования такой поездки.

В текст выписки Врангель добавил несколько фраз, не вошедших в официальный вариант. В них он раскрывает свое понимание сути проблемы. Во фразу «Главное правление признает занятие селения Росс... противным для выгод и польз Компании» вписано *в том стесненном и ограниченном положении, в каком оно поныне находится*¹, т. е. отрицается фатальная неудача российской колонизации Калифорнии. Далее вписана фраза: *Следует или расширить владение Росс, или оставить его*. Врангель до самого конца пытается (или хочет создать у потомков такое впечатление) отстоять вариант развития колонии, альтернативный ликвидации (что он и попытался сделать в годы своего пребывания в Новом Свете). И наконец, в третьей вставке *если правительство в виду не имеет расширения владений наших, то* указана ответственность за судьбу Росса прежде всего самодержавного государства [Россия в Калифорнии 2012, т. II, с. 310–311].

Разумеется, Врангель мог внести эту правку постфактум, оправдываясь перед историей, но характерно отличие в отношении к проблеме остальных директоров, правительства и царя, с облегчением санкционировавших продажу, от позиции одного из умнейших исследователей и руководителей Русской Америки, который проживал в Россе некоторое время в 1833 г. и оставил проникнутые лирическими воспоминаниями заметки об этом крае [Врангель 1835, с. 441–444; Российско-Американская компания... 2005, с. 330–334].

¹Зд. и далее курсив наш. – А. И.

Не случайно, что рассказ Завойко о продаже Росса начинается с изложения позиции императора: представляется, что именно в такой последовательности он рассказывал о продаже Росса Корсакову, что отражало и логику изложения самого Врангеля, для которого вопрос о позиции царя после неудачной миссии в Мексике был ключевым.

Но нас сейчас интересует непосредственно вопрос о коррупции правителей Росса. Рассмотрим все «за» и «против». Коррупционность российского общества в XIX в. общеизвестна со времен Н. В. Гоголя и имеет глубокие исторические корни и серьезные социально-политические предпосылки. Но из ее общего признания не вытекает факт коррупционности каждого должностного лица.

Факты предосудительных действий ее служащих с точки зрения внутреннего распорядка РАК известны. В Россе зафиксирован по разным источникам широкий спектр правонарушений, начиная с хулиганства [Россия в Калифорнии 2005, т. I, с. 531]. Однако действительно очень серьезным было только дело Карла Шмидта, смещенного со своей должности в 1824 г. В перечне обвинений, предъявленных Шмидту, только одно было связано с продажей ресурсов из Росса «на сторону»: заготовка леса для продажи иностранцам [The Khlebnikov Archive 1990, с. 164–167]. Но делал это Шмидт в силу своей наивности открыто, не подозревая, что главный правитель колоний Муравьев именно эту «охоту его торговаться с иностранцами» назовет самой серьезной причиной отстранения от должности [Россия в Калифорнии 2005, т. I, с. 552]. Шмидт забыл о монополии внешней торговли, которой в своих колониях обладала РАК, хотя в случае со Шмидтом международно-политический фактор в неофициальном русско-испанском пограничье был, видимо, более значим, чем экономический.

Были и другие нарушения. При передаче дел от Шелехова к Костромитинову обнаружилась недостача на сумму свыше 10 тыс. рублей, которую благополучно списали [Россия в Калифорнии 2012, т. II, с. 32].

Шмидт обвинял основателя Росса и своего предшественника И. А. Кускова и его приказчика М. Суханова в мошенничестве при передаче дел, о чем они по слухам якобы сами хвастались [Россия

в Калифорнии 2005, т. I, с. 491, 514], а приказчика Свиньина в хищениях с компанейского склада («магазина») в Россе [там же, с. 505].

В переписке Хлебникова и Костромитинова 1830-х гг. описывается случай, когда Костромитинову пришлось оправдываться по какому-то обвинению, содержание которого он не называет, но которое, как следует из контекста, поступило непосредственно из Росса. «Не совсем оправдывая себя в известных шалостях, желал бы знать, кто и когда видал меня подвергающегося опасности и в каком доме?» [Россия в Калифорнии 2012, т. II, с. 50]. Что вменялось Костромитинову в вину непонятно, но скорее всего, судя по его уверенности в себе и упоминанию «шалостей», некие мелкие конфликты на сексуальной почве. Характерно как быстро информация о делах в Россе дошла до Хлебникова (как и в деле Шмидта). Это еще одно подтверждение той значительной роли, которую в обществе Русской Америки играли доносы, о чем прекрасно написал А. В. Гринев в своей статье [Гринев 2006].

С прямыми доносами соперничали слухи, которые при отсутствии СМИ естественным образом становились основной формой распространения информации.

Характерно и то, как быстро секретная информация о предстоящем смещении Шмидта дошла до простых жителей Росса, о чем Шмидт жаловался Хлебникову [Россия в Калифорнии 2005, т. I, с. 531].

Эта система доносов и слухов исключала успешную криминальную активность местных властей. Нельзя продать на сторону большое количество продовольствия незаметно, тем более делать это систематически. В это неизбежно будут вовлечены другие жители Росса, пусть немногочисленные, и гарантировать при этом полное нераспространение информации было бы трудно. Даже полученные ими деньги или товары были бы немедленно замечены соседями, в том числе через возросшее употребление алкоголя. Собственно само обладание Завойко подобной конфиденциальной информацией подтверждает вышесказанное.

Следующий вопрос: кому продавать сельхозпродукцию? Испано-калифорнийцам? Но они сами являются ее производителями. Остаются американские и английские торговцы. Но для

жителей мексиканской Калифорнии, также заинтересованных в экспорте сельхозпродукции – это конкуренция, о которой малейшая просочившаяся информация распространилась бы с большой скоростью с неприятными последствиями.

Успех такая деятельность по сбыту сельхозпродукции иностранцам могла иметь только в том случае, если бы в нее были вовлечены через дележ доходов все звенья властной вертикали РАК, включая главного правителя и директоров. Но Завойко об этом не говорит и даже, похоже, не думает. Было бы странно, чтобы он обвинял своего родственника Ф. П. Врангеля, да и обвинение против ГП РАК в Петербурге могло бы стоить ему карьеры.

Ф. П. Врангель и И. А. Купрянов лично проводили инспекцию Росса, внимательно следили за развитием колонии и показали себя в этом деле несомненными энтузиастами. Их интерес к развитию сельского хозяйства Росса представляется по содержанию и стилю документов вполне искренним, а озабоченность недостаточным поступлением сельхозпродукции из Росса на север была далеко не притворной, ибо подкреплялась действиями [Россия в Калифорнии 2012, т. II].

Можно, конечно, предположить, что они поощряли рост сельского хозяйства, чтобы перепродавать его продукцию, но тогда нужна конспирологическая и паранаучная версия, согласно которой вся РАК – это огромная организованная преступная группировка. Но и в этом случае, чтобы такая ОПГ просуществовала в социальной среде Российской империи более-менее благополучно более 60 лет, она должна была «делиться» с императорским окружением.

Действительно С. Б. Окунь в свое время обнаружил косвенные признаки возможной передачи взятки от РАК всесильному Аракчееву [Окунь 1939]. Но это единичный случай, ибо проследить подобные факты документально исключительно трудно. И мы их не знаем, поэтому всю эту конспирологию придется отбросить.

Возникает и вопрос о мотивах откровенности Завойко, служащего РАК, пусть и временного, перед чиновником из окружения восточносибирского генерал-губернатора, приезда которого в Аян ждали они оба (в дневнике записана интересующая нас беседа, которая кончается именно приездом «Генерала», как обозначает

Муравьева Корсаков). Представляется, что эта откровенность могла быть и демонстрацией Завойко лояльности государственным интересам, и обозначением дистанции между лично Завойко и Компанией накануне возвращения Завойко на государственную службу, причем на достаточно высокий пост губернатора Камчатки. РАК, при всей своей полугосударственной природе, никогда полностью не ассоциировалась в сознании русского общества с государством [Истомин 1985, с. 149], и Завойко, возможно, учитывал этот момент. Молодой, немного наивный, в целом очень позитивно настроенный и при этом особо расположенный лично к Завойко (как следует из дневника) М. С. Корсаков мог не заметить этой мотивации.

Однако можно допустить и то, что Завойко был откровенен без всякой задней мысли. 10 августа, т. е. накануне разговора о Россе, тема коррупции уже всплывала в его беседах с Корсаковым. «Разговорились мы с Завойкой о том, сколько злоупотреблений в Сибири делается, сколько взяточников, и что большая часть из чиновников ужасная дрянь...» – записал в этот день в дневнике М. С. Корсаков (*НИОР РГБ. Ф. 137. Картон 41. Ед. хр. 10. Л. 8 об.*).

Характерна не очень высокая точность в изложении Корсаковым версии Завойко. Ее можно отнести на счет Корсакова, но при этом надо учитывать его несомненное стремление к наиболее точной фиксации сведений, о чем свидетельствует исправление в тексте: вместо зачеркнутого «Директор» он вписывает «Начальник колоний в Америке Купреянов» (*НИОР РГБ. Ф. 137. Картон 41. Ед. хр. 10. Л. 10*). В то же время он сам не слишком эрудирован в географии русских колоний, рассуждая (уже после передачи слов Завойко о причинах продажи) о мерах, которые надо было предпринять для поиска золота в районе Росса (*НИОР РГБ. Ф. 137. Картон 41. Ед. хр. 10. Л. 10 об.*), не ведая, что в районе Росса золота нет.

Не соответствует фактам и передаваемое Корсаковым сообщение Завойко о том, что «сначала хлеб родился там [в колонии Росса] с успехом и доставлялся в колонию, в последнее же время начались неудачи, то неурожай, то засуха, то еще что-нибудь» (*НИОР РГБ. Ф. 137. Картон 41. Ед. хр. 10. Л. 10*). В реальности всё обстояло несколько иначе и вывоз на Ситку зерновых из Росса в конце 1830-х не мог и сравниться с началом 1820-х гг., просто его было

недостаточно. Не знает Завойко и истории Росса, основанного при Александре I с императорским обещанием защиты от внешних врагов. Он чрезмерно синхронизирует (в передаче Корсакова) существование Росса и царствование Николая I.

Очень интересно сообщение, что «немецкий капитан» Суттер имел «поручение от составившегося в Германии общества найти место выгодное для заселения выходцами из Германии» и якобы сам предложил купить селение Росс (НИОР РГБ. Ф. 137. Картон 41. Ед. хр. 10. Л. 10) .

В этом сообщении Завойко «срослись» несколько разнородных фактов: немецко-швейцарское происхождение покупателя Росса И. Суттера (Зуттера, Саттера) и нереализованный проект заселения Росса немцами-протестантами (моравскими братьями), представленный в ГП РАК Л. Баром [Россия в Калифорнии 2012, т. II], который указал, что проект может быть поддержан Берлинским обществом морской торговли.

Таким образом, сведения Завойко о Россе носят в целом поверхностный и не всегда точный характер. Что-то он мог лично наблюдать во время визита в Росс (например, одну из трех ферм – «ранчей»), так называемое селение Костромитиновское, у Завойко – «село») [Завойко 1840, с. 97–99], но в целом его познания основаны на чужих сообщениях и рассказах, в которых реалии истории Росса и Калифорнии отражаются с некоторыми искажениями, связанными то ли с недостаточной эрудицией рассказчиков, то ли с интерпретацией Завойко, то ли с восприятием Корсакова, а скорее всего и с тем, и с другим, и с третьим сразу.

Насколько вообще весомо суждение Завойко? Ведь информация о хищениях могла прийти к нему не только от рассудительного дяди жены, Ф. П. Врангеля (кстати, откуда последний ее получил, не предпринимая при этом никаких контрмер?), но и из других менее надежных источников. Не просто ли это слух, упавший на хорошо подготовленную почву, ибо раздражение или озабоченность в связи с продажей Росса в российском обществе в той или иной мере присутствовали (свидетельством чего и являлась беседа Завойко с Корсаковым), хотя достаточно открыто проявились только с расширением гласности при Александре II [Завалишин 1866, с. 37–65].

Разумеется, исключать в целом версию Завойко – эту ценнейшую находку – ни в коем случае нельзя. Но требуется большая и тщательная проверка ее достоверности. На данный момент такая проверка отсутствует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Врангель Ф. П.* Американцы Верхней Калифорнии // Телескоп. Ч. 26. 1835. С. 441–444.
- Гринева А. В.* К вопросу о механизмах поддержания власти: доносчики и шпионы среди туземцев Русской Америки // Власть в аборигенной Америке. М.: Наука, 2006. С. 575–591.
- Завалишин Д. И.* Дело о колонии Росс // Русский вестник. Т. 62. 1866. С. 37–65.
- Завойко В.* Впечатления моряка во время двух путешествий кругом света. Ч. 2. СПб., 1840.
- Истомин А. А.* Русско-глиннитские контакты (XVIII–XIX вв.) // Исторические судьбы американских индейцев. Проблемы индеанистики / отв. ред. В. А. Тишков. М.: Наука, 1985. С. 146–154.
- Окунь С. Б.* Российско-американская компания. М.–Л., 1939.
- Петров А. Ю., Капалин Г. М., Ермолаев А. Н.* О продаже русской колонии Форт Росс в Калифорнии // Вопросы истории. 2013. № 1. С. 3–17.
- Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1815–1841: сб. документов ; отв. ред. Н. Н. Болховитинов ; отв. сост. Т. С. Федорова. М.: Наука, 2005.
- Россия в Калифорнии. Русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803–1850 / сост. А. А. Истомин, Дж. Р. Гибсон, В. А. Тишков. Т. I. М.: Наука, 2005 ; Т. II. М.: Наука, 2012.
- Russian California, 1806–1860. A History in Documents. Comp. and ed. by R. James Gibson and Alexei A. Istomin with the assistance of V. A. Tishkov. Vol. I–II. London : The Hakluyt Society, 2014.
- Laplace C. P. T.* Campagnede Circumnavigation de la FregateL’Artemise, pendant les annees 1837, 1838, 1839 et 1840, sous le commandement de M. Laplace, capitaine de vasseau. Paris, 1854. Т. 6.
- The Khlebnikov Archive. Unpublished Journal (1800–1837) and Travel Notes (1820, 1822 and 1824) / Ed. L. Shur. [Fairbanks]: University of Alaska Press, 1990.

УДК 930

А. Ю. Петров

доктор исторических наук; профессор МГЛУ, РГУ им. С. А. Есенина, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель группы по изучению истории и наследия Русской Америки ИВИ РАН; член межведомственной группы МИД РФ по вопросам сохранения российского исторического и культурного наследия; e-mail: alaska13@yandex.ru

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОЙ АМЕРИКИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ¹

В статье анализируются итоги международной конференции, прошедшей в Москве в Институте всеобщей истории РАН 28 марта 2018 г, посвященной изучению истории и наследия Русской Америки. Обсуждался широкий спектр проблем на основе междисциплинарного подхода. Конференция стала важным шагом вперед в изучении феномена Русской Америки. В работе форума приняли участие ведущие ученые из России, США и Норвегии. Было принято решение продолжить изучение проблем, связанных с историей и наследием Русской Америки.

Ключевые слова: Русская Америка; Аляска; конференции; Новый Свет; США; Россия; экспедиции; Русская православная церковь; Православная церковь в Америке.

A. Yu. Petrov

PhD. of History, professor at MSLU, Ryazan State University named for S. Yesenin, senior research fellow at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Research Group on the History and Heritage of Russian America at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, member of the Coordinating Group of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation on the Preservation of Russian Historical and Cultural Heritage in the United States of America; e-mail: alaska13@yandex.ru

CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE OF RUSSIAN AMERICA IN RUSSIAN AND FOREIGN STUDIES

The article explores and highlights recent international conference on the history and heritage of Russian America held in Moscow. The vast spectrum of subjects had been discussed at the conference, from the interdisciplinary and multidisciplinary points of view. Leading researchers from various regions of Russia

¹ Исследование выполнено в РГУ им. С. А. Есенина по гранту Российского научного фонда (проект № 17-18-01567).

and the United States took part. The conference had been a major step forward in understanding the phenomenon of the New World. It is agreed to continue all efforts to study the history and heritage of Russia in the Pacific North West.

Key words: Russian America; Alaska; Conferences; New World; the USA; Russia; explorations; the Russian Orthodox Church; Orthodox Church of America.

В последнее время историко-культурное наследие Русской Америки всё больше привлекает внимание исследователей. Были проведены международные конференции, на которых рассматривалось всё многообразие сюжетов, посвященных изучению истории освоения севера-запада Америки. Продолжая сложившуюся традицию, 28 марта 2018 г. Институт всеобщей истории РАН совместно с Московским государственным лингвистическим университетом и Рязанским государственным университетом им. С. А. Есенина провели в Москве международную конференцию «Россия и Новый Свет: историко-культурное наследие». В работе форума приняли участие более 150 человек. С фундаментальными докладами выступили 18 ученых из России и США. Российскую сторону на конференции представили исследователи из Москвы, Рязани, Архангельска, Вологды, Калуги, Ярославля и Кемерово. Работала студенческая секция, где с докладами выступили 16 студентов из МГЛУ, РГУ им С. А. Есенина и РГСУ.

Впервые в названии международной конференции, посвященной Русской Америке, фигурировали такие определения, как «Россия», «Новый Свет», «наследие». Вплоть до 2009–2010 гг. наукой изучалась лишь история Русской Америки, а к вопросам ее наследия ученые обратились лишь в последние годы. Несмотря на столь короткий временной отрезок, понятие «историко-культурное наследие Русской Америки» утвердилось в международной науке; деятельность в данном направлении развивает и имеющая такое же название группа под руководством А. Ю. Петрова.

Использование междисциплинарного подхода и вовлечение в научный оборот новых источников позволило существенно расширить рамки проводимых исследований и скорректировать устоявшиеся концепции.

В данной статье нам хотелось бы дать общую характеристику указанной конференции, отметить основные и дискуссионные положения прозвучавших выступлений. Первоначально, в результате

диалога с заведующим кафедрой исторических дисциплин МГЛУ В. В. Корнеевым, мы задумывали провести «круглый стол» при активном участии РГУ им. С. А. Есенина и ИВИ РАН. Однако после анонсирования данного мероприятия обнаружился большой интерес среди отечественных и зарубежных исследователей, а также студентов, что и позволило провести его в формате полноценной международной конференции. При принятии решения мы исходили из того, что в МГЛУ и ряде других вузов продолжится исследование ряда проблем, поднятых на конференции, как на уровне профессорско-преподавательского состава, так и среди студентов и магистрантов.

Открыл конференцию директор ИВИ РАН доктор исторических наук М. А. Липкин. Он поблагодарил организационный комитет конференции за проделанную работу, а также отметил поддержку со стороны МИД РФ, Издательского совета Русской православной церкви, МГЛУ (особенно акцентируя деятельное участие студентов), Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина, и выразил надежду, что результаты работы форума получают дальнейшее развитие.

Далее с приветствиями к участникам конференции обратились видные ученые, общественные и государственные деятели. Так, ректор Олимпийского университета, заведующий кафедрой новой и новейшей истории МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук Л. С. Белоусов отметил, что конференция важна для понимания общих исторических процессов, происходивших в регионе. Вместе с тем она актуальна, принимая во внимание вызовы, с которыми сталкивается Россия на международной арене. Л. С. Белоусов призвал участников конференции к выявлению консолидирующей проблематики и объединению ученых разных специальностей для подготовки фундаментальной монографии по историко-культурному наследию Русской Америки.

Актуальность и важность конференции подчеркнул, приветствуя участников форума, директор Института языкознания РАН доктор филологических наук, профессор А. А. Кибрик, специализирующийся на изучении языков Аляски и реликтовых диалектов русского языка. Он отметил, что филологические исследования вносят весомый вклад в рассмотрение наследия России на севере

Тихого океана. Эти исследования могут служить примером для проведения аналогичных изысканий в других дисциплинах.

Ректор Московского государственного лингвистического университета, профессор И. А. Краева в своем приветствии отметила, что тема, которая выносится на конференцию, представляется весьма актуальной в свете специфической атмосферы, сложившейся в отношениях России с США и Канадой. В нынешних обстоятельствах обращение к историко-культурному наследию связей России с Новым Светом может способствовать поиску возможностей для преодоления искусственно воздвигаемых препятствий на пути к выстраиванию взаимовыгодной коммуникации между странами.

Ректор Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина, профессор А. И. Минаев отметил значение Рязани в изучении истории и наследия Русской Америки. Он напомнил присутствовавшим, что Рязань – родина выдающего исследователя Русской Америки Л. А. Загоскина. Им было также озвучено, что руководство университета уделяет самое пристальное внимание и оказывает всевозможное содействие реализации проекта РФФИ по изучению историко-культурного наследия Русской Америки (проект 17-18-01567). А. Ю. Минаев также призвал развивать сотрудничество между вузами и академическими институтами в развитии тематики конференции.

Первый заместитель руководителя ФАНО А. М. Медведев, приветствуя участников форума, отметил, что изучение историко-культурного наследия отвечает задачам, которые ставит ФАНО перед научными организациями в деле развития и укрепления международных связей. В этом, по мнению спикера, состоит актуальность проводимого мероприятия. Он также призвал участников развивать межвузовские контакты и укреплять взаимодействие со студентами. Им был отмечен и факт проведения конференции в РАН, что придает мероприятию высокий статус.

Председатель Издательского совета Русской православной церкви, доктор исторических наук, митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин) одновременно выступил с приветствием и докладом на тему «Социально-культурные инновации Русской Америки и современная реальность в США». В своем докладе митрополит Климент обратил внимание на современное состояние

Русской православной церкви в северной части Тихого океана и развил ряд положений, к которым он обращался ранее [Петров, Савельев, Климент (Капалин) 2015, с. 101–111]. Митрополит выделил основные направления, по которым, с одной стороны, проходило знакомство местных жителей с элементами русской культуры, с другой – определение их уникальности, присущих Русской православной церкви. По мнению митрополита Климента, такими элементами были образование, здравоохранение, правовые и языковые нормы, которые оказались органически вплетены в жизнь современной Аляски.

В своем выступлении о значении историко-культурного наследия Европы на севере Тихого океана доктор исторических наук А. Ю. Петров обратил внимание присутствующих на то, что история Русской Америки оказывала и продолжает оказывать существенное влияние на различные аспекты международных связей. А. Ю. Петров отметил необходимость продолжения усилий по изучению первых контактов России с Испанией, Францией, Англией и гражданами США на севере Тихого океана; призвал более тщательно и всеобъемлюще проанализировать причины и обстоятельства заключения соглашений и конвенций XVIII–XIX вв. о разграничении территорий между Россией, Англией, Испанией и США, а также договора 1867 г. об уступке Аляски США.

На актуальность выявления новых материалов, связанных с уступкой Аляски, обратил внимание декан факультета международных отношений МГИМО (У) МИД России Ю. А. Булатов. Его доклад «Продажа Аляски: взгляд из прошлого и настоящего» был заслушан с неослабевающим интересом. Отдельные положения этого доклада можно считать дискуссионными, но принципиально важно осмысление и изложение спикером обстоятельств уступки Аляски с позиции международного права. Булатов отметил, что авторы договора с российской стороны заведомо стремились оградить семейство Романовых от возможного провала задуманного проекта в случае его преждевременной или преднамеренной огласки. Ведь, опираясь на текст договора, всегда можно было при желании признать этот документ фиктивным, так как, с одной стороны, в нем шла речь лишь об уступке, а не о продаже Аляски, с другой – в соглашении не был указан срок предполагаемой

уступки, а также не было и стандартной для того времени формулировки о передаче партнеру территории «на вечные времена». Таким образом, в случае необходимости в любой момент можно было представить этот договор всего лишь как протокол о намерениях.

Русская православная церковь стала важнейшей нишей, в которой сохранилось отечественное культурное наследие на Аляске с 1867 г. Этот факт был отмечен в ряде выступлений ученых и студентов. Так, настоятель Храма великомученицы Екатерины на Всполье, Подворья Православной церкви в Америке, архимандрит Д. Андреюк (США) прочитал доклад «Вклад Русской православной церкви в церковную жизнь на Аляске». Он отметил, что в его приходе и на Аляске прихожане активно интересуются общими с Россией страницами истории. Наблюдается увеличение паломнических поездок на Аляску. Между тем архимандрит предостерег от чрезмерной активности отдельных деятелей, призывающих к пересмотру соглашения 1867 г. и требований вернуть те или иные территории России. Он назвал такие высказывания опасными. Вместе с тем он признал, что конференция способствует снятию напряженности и мифов в изучении истории и наследия Русской Америки.

Развивая данное положение, доктор исторических наук И. Ю. Смирнова (ИРИ РАН) выступила с докладом «Перенесение кафедры Камчатской, Курильской и Алеутской епархии Русской православной церкви (1850): pro и contra». В сообщении было отмечено, что в конце 1840-х гг. епископу Камчатскому, Курильскому и Алеутскому Иннокентию пришлось поставить вопрос о перенесении архиерейской кафедры из Новоархангельска в Аян, что совершилось в 1850 г. Духовная миссия была оставлена на попечение иеромонахов и миссионеров, что означало ослабление православного присутствия в регионе. С другой стороны, миссионерские труды архиепископа Иннокентия среди коренного населения Дальнего Востока и Якутии изменили границы епархии – указом Святейшего правительствующего синода от 26 июля 1852 г. к ней была присоединена Якутская область с перемещением архиерейской кафедры в Якутск. Управление Иннокентием приходами в русских американских колониях осуществлялось с того времени с азиатской территории империи.

Для лучшего понимания особенностей и процесса развития международных отношений на севере Тихого океана, следует выявлять и привлекать новые архивные документы. Тысячи документов всё еще остаются в архивах и не введены в научный оборот. Одним из таких направлений можно считать изучение документов в Национальном историческом архиве (Мадрид), Архиве Индий (Севилья), Областном историческом архиве Кадиса, выявленных автором статьи в ходе научной командировки. Указанные материалы ныне находятся в процессе археографической обработки и вскоре будут введены в научный оборот. Но уже сейчас можно сказать, что выявленные материалы охватывают следующие основные сферы: 1) дипломатическая переписка министерства иностранных дел Испании и послов в Санкт-Петербурге, первая половина XVIII в.; 2) нутко-зундский кризис и отношение Испании к попыткам европейских держав закрепиться на западном побережье Америки; 3) отношение испанских властей к стремлению России утвердить свои поселения в Калифорнии. Кроме того, это весьма важные картографические материалы, в частности, карты, где указаны зоны интересов Испанской империи на севере Тихого океана. Обнаружены также и документы на русском языке. Среди них выявлены документы компании Голиковых-Шелихова (автографы) об образовании первых постоянных русских поселений в Америке. Судя по пометкам испанских капитанов на данных письмах, они предназначались для управляющего делами Г. И. Шелихова в Америке – Е. И. Деларова. Предварительные результаты исследования в архивах Испании апробировались на специальном совещании в ИВИ РАН.

Специфике перевода данных материалов посвятили свое выступление А. А. Альварес (МГЛУ) и Е. А. Похолкова (МГЛУ) – с докладом «Особенности перевода документов по историко-культурному наследию России в испанских архивах». В первой части доклада было рассказано о специфике и сложностях перевода документов и задачах переводчика. Вторая часть была посвящена конкретным примерам перевода документов XVIII в.

А. Босворт из Корнельского университета (США) сделала доклад о российско-американском диалоге по общему наследию и ресурсам на севере Тихого океана. В ее выступлении был отмечен

факт того, что с момента становления дипломатических отношений Россия и США предпринимали усилия для лучшей организации пользования морскими ресурсами, в том числе в аспекте промышленной деятельности.

Как минимум, три доклада были посвящены вопросам филологии и касались развития языков на севере Тихого океана. М. Б. Бергельсон (ВШЭ) и А. А. Кибрик (ИЯз РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова) выступили с докладом «Реликтовый русский диалект Аляски (деревня Нинильчик): новые находки». Следует отметить, что М. Б. Бергельсон и А. А. Кибрик впервые посетили Нинильчик в 1997 г. Затем они совершили ряд экспедиций – исследовали местный диалект совместно с американским лингвистом Уэйном Лиманом. В результате лингвистам удалось описать фонетику нинильчикского диалекта, разработать практическую орфографию (на основе латиницы, кириллицу носители диалекта не знают), составить словарь, описать ряд грамматических особенностей и собрать корпус аудио- и видеозаписей.

В развитие данной темы с докладом: «Особенности этноконфессионального сознания народов Аляски и его значение в историко-культурном наследии Русской Америки» выступили И. М. Шеина (РГУ им. С. А. Есенина, Рязань) и С. Г. Комаров (Калужская духовная семинария, Калуга). Они представили анализ русских заимствований в языке эскимосов – юпик, свидетельствующий об изменениях, произошедших под воздействием межкультурных контактов с русскими колонистами не только в организации быта этого коренного народа Аляски, но и в религиозной картине мира. Особое внимание ученые уделили словообразовательным и семантическим калькам, использовавшимся для вербализации религиозных концептов. Было установлено, что семантические признаки, положенные в основу новых языковых единиц, свидетельствуют о глубоком осмыслении основ православного вероучения народом юпик.

Интересную точку зрения высказал В. Н. Косторниченко. Докладчик начинал свою исследовательскую деятельность как мигрантист; затем им были разработаны проблемы экологии в Арктическом регионе – на конференции 2016 г. он пришел к выводу, что общие с Россией проблемы могут быть решены только в результате взаимодействия с местными коренными народами, экологическими

и исследовательскими организациями [Косторниченко 2016, с. 12]. В докладе на конференции 2018 г. он вновь вернулся к Миранде и прочитал доклад «Новый Свет в политике Екатерины II: к вопросу о пребывании Франсиско де Миранды в России». По его мнению, визит Миранды в Россию пришелся на время выработки приоритетов российской внешней политики. Императрица была подвержена влиянию различных сил, но в результате склонилась к юго-западному направлению, а восточное направление и исследование Тихого океана отдала на откуп частным купеческим компаниям.

Анализу «коррупционной версии» причин ликвидации колонии Росс посвятил свое выступление ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН кандидат исторических наук А. А. Истомина – в развитие научной дискуссии после публикации статьи А. Ю. Петрова и А. Н. Ермолаева [Ермолаев, Петров 2013]. Докладчик, уже давно и плодотворно изучающий историю колонии Росс в Калифорнии, является соавтором (с академиком РАН В. А. Тишковым, профессором из канадского Йоркского университета Дж. Гибсоном) фундаментального труда «Россия в Калифорнии» [Россия в Калифорнии ... 2004]. Эта работа получила замечательные отзывы на страницах ведущих научных журналов [Петров 2015].

Профессор МГЛУ А. Ю. Плотников рассказал о своем видении вопроса о значении Курильских островов в истории Азиатско-Тихоокеанского региона. Он отметил, что острова занимают выгодное географическое и геополитическое положение, что всегда привлекало и будет привлекать державы АТР.

Кандидат исторических наук В. В. Ружейников, представляющий научно-исследовательский центр проблем Национальной безопасности, рассказал о социальном опыте российской элиты, вынесенном из Русской Америки. Исследователь обратил особое внимание на завершающий период российской колонизации Аляски, отметив вклад морских офицеров и служащих в формирование особой атмосферы, свойственной Русской Америке. Ружейников присоединился к ранее выступавшим докладчикам в видении необходимости продолжения поисков архива Российско-американской компании.

Кандидата исторических наук Р. И. Попова из Ярославского государственного технического университета (ЯГТУ, Ярославль) заинтересовал образ «правителя Аляски» А. А. Баранова в

отечественной историографии. Им были проанализированы отечественные публикации на эту тему. На их основании Попов пришел к выводу, что, несмотря на выдающийся вклад российских ученых в изучение раннего периода в истории Аляски, всё еще остаются белые пятна, которые могут быть сняты изучением нового архивного материала.

Научный сотрудник Государственного архива Вологодской области В. А. Коноплев доложил о результатах своей работы, связанной с изучением южного направления промыслового освоения Тихого океана РАК XVIII – первой половины XIX вв. Он рассказал, что в прибрежных водах русские промышленники нашли калана (морской бобр), а стремлению закрепиться на открытых землях способствовала активная торговля с испанцами. Полученные от испанцев продукты направлялись на Аляску.

И. В. Савельев (САФУ, Архангельск) и Ю. С. Егорова (ВоГУ, Вологда) выступили с докладом «Колониальное право и коммеморация в историко-культурном наследии России на Аляске». Следует отметить, что проблемами колониального права И. В. Савельев занимается давно и успешно, он является автором статей в ведущих научных журналах. Ю. С. Егорова сравнительно недавно стала изучать вопросы коммеморации. Соединение наследия колониального права и коммеморации в одном выступлении показалось дискуссионным, но выступавшие доказали, что такая постановка вопроса уместна и может существенно расширить наши представления по историко-культурному наследию Русской Америки.

Доклад А. Н. Ермолаева (КГУ, Кемерово) и А. Ю. Петрова был посвящен анализу документов по истории и наследию Русской Америки в архивах Сибири и Дальнего Востока. В результате исследователи пришли к выводу, что хотя поиски фондов Главного правления РАК продолжаются, решение научных задач, связанных с изучением историко-культурного наследия Русской Америки возможно при дальнейшем привлечении материалов региональных архивов. Эти документы позволяют восстановить основные аспекты деятельности компании в Сибири и на Дальнем Востоке, помогают раскрыть экономическую, хозяйственную, финансовую, культурно-просветительскую деятельность РАК на Аляске, а также миссионерскую деятельность Русской православной церкви. Для

восстановления полной картины историко-культурного наследия Русской Америки и деятельности РАК в Сибири и на Дальнем Востоке желательны продолжить введение в научный оборот сведений из региональных отечественных архивов, а также материалов зарубежных фондов.

Е. Сарни (*Causa Artium*, США) рассказала о русских художниках в США и о наследии России в Америке. Кроме того, она высказала озабоченность состоянием русистики в Соединенных Штатах, также предложила чаще организовывать подобные мероприятия, в том числе в США.

Доклад кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника ИВИ РАН Л.М. Троицкой под названием «История Русской Америки на страницах “Американского ежегодника”» был основан на изучении статей, опубликованных в этом авторитетном издании. В докладе рассматривались статьи, посвященные изучению истории русской колонизации в северной части Тихого океана и публикации источников.

В ходе конференции состоялось плановое совещание участников проекта РНФ «Историко-культурное наследие Русской Америки» (проект № 17-18-01567). В нем приняли участие А.Ю. Петров, И.М. Шеина, А.Н. Ермолаев, И.В. Савельев, Ю.С. Егорова, П.С. Сирватко, С.Г. Комаров. В ходе состоявшегося обсуждения задач работы по проекту участники совещания пришли к выводу, что в 2018 г. следует продолжить выявление документов в зарубежных и отечественных региональных архивах, разработку теоретических проблем, связанных с развитием языковых структур на Аляске, а также изучение колониального права и коммеморации.

Как уже нами было отмечено ранее, МГЛУ принял активное участие в подготовке и проведении конференции. Факт заинтересованности университета подчеркнул в своем докладе «Преподавание дисциплин по историко-культурному наследию в МГЛУ» заведующий кафедрой исторических дисциплин МГЛУ кандидат исторических наук В.В. Корнеев. Он отметил, что в курсах спецтрановедения, а также истории и культуры стран изучаемого первого и второго языков читаются специальные лекции по историко-культурному наследию Русской Америки, которые активно привлекают внимание студентов. Данное направление будет и дальше развиваться университетом.

В ходе работы студенческой секции, модератором которой выступила кандидат исторических наук Л. М. Троицкая, прозвучало шестнадцать выступлений. Часть докладов была связана с общими историческими процессами в Китае и близлежащих странах – их прочитали студенты МГЛУ: Наталия Бонадык, Дмитрий Садков, Виктория Парамонова, Мария Лундстрем, Анжелика Назимова. Другая группа студентов МГЛУ – Айгуль Шинавова, Анна Бигун, Карина Тулеева, Вадим Руденко – посвятила свои выступления истории и деятельности Русской православной церкви в Китае и Корее. Особый интерес вызвали доклады, связанные с историко-культурным наследием Русской Америки и США: «Роль французского языка в истории мировой дипломатии и культурном наследии» Анны Темкиной (МГЛУ); «Роль молодежи в сохранении русского культурного наследия Аляски» Никиты Родина (РГСУ); «Документы по истории и культуре Тихоокеанского Севера в Библиотеке Конгресса» Павла Сирватко (МГЛУ); «Эрих Рыжий и открытие викингами Америки» Игоря Пигиды (МГЛУ); «Землепроходцы Аляски» Евгения Лосицкого (МГЛУ); «Памятники русской колониальной архитектуры Северной Америки» Филиппа Фишера (МГЛУ); «Проблемы образования коренного населения в истории Русской Америки» Владимира Круглова (РГУ им. С. А. Есенина); «У истоков американской государственности: кем были отцы-основатели США» Вячеслава Рогова, Анастасии Зайцевой (МГЛУ).

Международная конференция «История и наследие Русской Америки» вызвала существенный резонанс в России и за рубежом в средствах массовой информации, благодаря опубликованным анонсам¹.

Мы полагаем, что в 2019 г. состоится очередная международная конференция по изучению историко-культурного наследия Русской Америки, которая пройдет также в открытом формате для всех желающих, а ее анонс, как и информация о других мероприятиях, будут размещены на сайтах организаторов конференций.

¹ Студентом В. Роговым были осуществлены фото- и видеосъемка, на основании которых подготовлен фильм о конференции. URL: [igh.ru/events/rossiya-i-novyi-svet-istoriko-kulturnoe-nasledie? locale=en](http://igh.ru/events/rossiya-i-novyi-svet-istoriko-kulturnoe-nasledie?locale=en) ; rsu.edu.ru/news/россия-и-новый-свет-историко-культурн ; linguanet.ru/science/novosti-nauki/?ELEMENT_ID=3513

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Петров А.Ю., Савельев И.В., Климент (Капалин), митр.* Становление колониального права в Русской Америке // Российская история. 2015. № 4. С. 101–111.
- Косторниченко В.Н.* Российско-американское сотрудничество в разработке нефтяных и газовых месторождений в Русской Америке и на Аляске // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. № 4 (48). С. 12.
- Ермолаев А.Н., Петров А.Ю.* О продаже русской колонии Форт Росс в Калифорнии // Вопросы истории. 2013. № 1. С. 3–18.
- Россия в Калифорнии: русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803–1850 / сост. и подг. А.А.Истомина, Дж.Р.Гибсона, В.А.Тишкова: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 2004. 754 с., 109 ил. Т. 2, 2012. 525 с., 53 ил.
- Russian California, 1806–1860. A History in Documents / Compiled and Ed. by J.R. Gibson and A.A. Istomin with the assistance of Valery A. Tishkov. Translated by James R. Gibson. V. 1–2. 547 p., 640 p. L.: The Hakluyt Society, 2014.
- Петров А.Ю.* В мире книг. Отзыв: Россия в Калифорнии: русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803–1850 / сост. и подгот. А.А.Истомина, Дж. Р. Гибсона, В.А. Тишкова: в 2 т. М.: Наука. Т. 1, 2004. 754 с., 109 ил. Т. 2, 2012. 525 с., 53 ил.
- Russian California, 1806–1860. A History in Documents. Compiled and Ed. by J.R. Gibson and A.A. Istomin with the assistance of V.A. Tishkov / Translated by J.R. Gibson. Vol. 1–2. 547 p., 640 p. L.: The Hakluyt Society, 2014.

УДК 94(100).05

А. Ю. Плотников

доктор исторических наук, профессор МГЛУ;
e-mail: al.yu.plotnikov@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ В ИСТОРИИ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Рассматривается история русского открытия и освоения Курильских остров, роль Курил в становлении Русской Америки, история «пограничного вопроса» в российско-японских отношениях в XVIII–XIX вв., современные территориальные претензии Японии на Южные Курилы.

Отдельное внимание уделено вопросу о безусловном приоритете России в освоении и владении всем Курильским архипелагом, включая южные острова, и отсутствию у Японии каких-либо исторических и правовых оснований претендовать на Южные Курилы.

Ключевые слова: Курильские острова; Аляска; Российско-американская компания; Русская Америка; русско-японская граница на Курилах.

A. Yu. Plotnikov

Doctor of History (Dr.habil.), Professor, MSLU;
e-mail: al.yu.plotnikov@yandex.ru

THE KURIL ISLANDS AND THE ASIAN-PACIFIC REGION IN XVIII–XX CENTURIES HISTORY

The story of Russian discovery and exploration of the Kuril Archipelago in XVIII–XIX centuries, the role of the Kuril Islands in building up “Russian America”, russo-japanese “border question” in the XIXth century, Japanese claims on the south Kurils nowadays. Detailed analysis of the facts of Russia’s priority in exploration and possession of the Archipelago, including the south – “Japan-claimed” – group of the Islands, and – on the contrary – groundlessness of Japanese claims on the south Kurils.

Key words: The Kuril Islands; Alaska; Russian-American Company (RAC); Russian America; Russo-Japanese frontier in the Pacific.

Значение Курильских островов в истории Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) определяется, прежде всего, их ключевым географическим положением в северной части Тихого океана и их близостью к побережью Аляски.

Более того, Курилы непосредственно связаны с историей открытия и освоения северо-американских владений России и имеют

в чем-то схожую с Русской Америкой судьбу: иногда «курильская история» пересекалась или шла параллельно с историей освоения Аляски, иногда – в середине XVIII столетия – ее опережала.

И в XVIII, и в XIX в. Курилы служили «островами подскока» на пути в Северную Америку русским правительственными экспедициям и судам Российско-американской компании (РАК), доставлявшим туда продовольствие и другие предметы снабжения из Охотска и с Камчатки; в первой половине XIX в. на островах архипелага располагался Курильский отдел Российско-американской компании (РАК), что лишний раз подчеркивает тесную связь Русской Америки и Курил.

История русского освоения Курильского архипелага интересна не только как важная составляющая истории создания и становления тихоокеанских владений России в Северной Америке, но и как пример российского «утверждения» на дальневосточных рубежах в XVIII – первой половине XIX столетия.

Россия впервые вышла к Курильским островам в 1697 г., когда казачий сотник В. Атласов, пройдя с севера на юг Камчатку и «объясачив» (т. е. наложив дань – ясак) там местных айну (аборигены жили на юге полуострова, вошедшего в состав России в том же 1697 г.) впервые увидел лежащие к югу от мыса Лопатка первые острова Курильской гряды (в частности, ближайший – наряду с Шумшу – остров-скала Атласова, названный впоследствии его именем).

Исследование и освоение Курил шло планомерно и – по меркам XVIII в. – весьма динамично, быстро и успешно. Здесь в первую очередь следует говорить о приведении айну в подданство и хозяйственном освоении островов.

В рассматриваемое время уплата дани являлась одним из ключевых «элементов-признаков» подданства местного населения, а значит, и государственной принадлежности территории, на которой это население проживало. В русских официальных документах того времени на этот счет использовалась специальная запись (формулировка): «Привести во владение, в подданство и в ясачный платеж», или просто «в подданство и в ясачный платеж», что лишний раз подтверждает формально-правовое значение этого условия для приобретения «государственного суверенитета»

над соответствующей территорией [Русские экспедиции по изучению ... 1989].

Организация сбора ясака была поставлена весьма четко и проводилась по следующей схеме: один раз «объясачив» остров, в дальнейшем следующая партия сборщиков (которыми были главным образом сибирские казаки), двигаясь «волной» от Камчатки с севера на юг, начинала движение с этого же острова, «захватывая» дополнительно еще несколько новых островов к югу.

Таким образом, остров, с которого один раз брали дань, в дальнейшем становился объектом регулярного посещения, освоения и описания (при возможности – картографирования или составления чертежей), что (описание и картографирование) являлось неизменным условием инструкций, выдававшихся местными властями начальникам «ясашных отрядов».

Хронология русского освоения Курил выглядит следующим образом.

В 1705–1713 гг. ясак собран с первых двух островов, в 1730–1732 – с четырех, в 1734 – с пятого по девятый, в 1751–1755 – с островов по шестнадцатый включительно; в 1766 г. сборщики, возглавляемые сотником И. Черным достигла Южных Курил, впервые «объясачив» «мохнатых тойонов» (старшин) айнов на южных островах архипелага. С этого времени взимание дани на Южных Курилах проводилось регулярно: в 1768–1769 гг. ясак взят с восемнадцатого (Уруп), девятнадцатого (Итуруп) и с «князьцов двадцатого» (Кунашир) острова; в 1770–1774 – вновь по (Итуруп) включительно; в 1778–1779 – с Итурупа, Кунашира, Шикотана (21-й остров), а также – что следует особо подчеркнуть – со «старшин» северно-восточной части 22-го острова – Хоккайдо, называвшегося тогда Эдзо (всего было «объясачено» 1,5 тыс. человек); в 1781 г. – с Кунашира, в 1790–1791 – с Итурупа [Полонский 1871, с. 399, 400, 404, 405, 441, 550].

Таким образом, сбор дани на Курилах проводился регулярно и систематично и начался на Южных Курилах в 1766 г., продолжаясь затем в течение длительного времени (1766–1791); при этом на Итуруп ясак собирался с 1766 и до начала 1790-х гг.; на Кунашире – в 1769, 1778, 1779, 1781 гг.; на Шикотане и северо-восточном побережье Хоккайдо – в 1778–1779 гг.

Осваивая новые земли и основывая на них поселения (главным промыслом на Курилах – так же, как и в Северной Америке, – была добыча пушнины и морского зверя), русские ставили на островах специальные знаки – кресты или столбы, с установленными на них чугунными гербовыми орлами с надписью «Земля Российского владения», – аналогичные тем, что ставились на побережье Аляски, несшие государственную символику России, утверждая, таким образом права России на эти земли по общепринятому в то время «праву открытия и освоения». Установка таких знаков осуществлялась как частными «промышленниками», так и официальными представителями – «ясашными сборщиками» или правительственными уполномоченными.

Пушной и звериный промысел приносил очень хороший доход, поэтому партии «промышленных людей», продвигаясь всё дальше на юг, создавали поселения или зимовья, которые служили им базой, откуда они в промысловый сезон отправлялись на дальние острова и островки для добычи морского и пушного зверя.

Появились такие поселения и на «дальних островах» – Уруп и Итурупе. Всего во второй половине XVIII столетия русские поселения существовали на островах Шумшу, Парамушир, Симушир, Уруп, Итуруп; кроме того, было создано зимовье на острове Кунашир [Полонский 1871, с. 405, 416, 420].

Особенно важное значение для закрепления прав России на Курильский архипелаг имела комплексная научно-промысловая экспедиция 1775–1782 гг. И. Антипина и Д. Шабалина, в ходе которой были «объясачены» айны на северо-восточном побережье Хоккайдо (район современного Немуро), основано постоянное поселение – база на о. Уруп (Средние Курилы), произведена геолого-разведка, описание и картографирование Южных Курил.

На протяжении XVIII – в начале XIX в. деятельность России на Курилах, включая южные острова архипелага, осуществлялась по нескольким направлениям:

- 1) описание, исследование и картографирование островов с установкой на них специальных знаков (столбов или крестов) с государственной русской символикой;
- 2) хозяйственное освоение островов, включая промысловую деятельность (пушной и морской промысел и опыты с земледелием) и геолого-разведку;

- 3) приведение в подданство местных жителей;
- 4) создание поселений и зимовий и административное управление (освоение) новых территорий.

Таким образом, результаты русской деятельности на Курильских островах накануне первого русского посольства в Японию (1792–1793), позволяют с уверенностью говорить о том, что к концу XVIII столетия Россия в соответствии с нормами международного права того времени имела все необходимые основания рассматривать весь Курильский архипелаг, включая его южные острова, как составную часть своей территории.

Это нашло свое отражение не только на географических картах, в частности, в главном официальном издании России того времени – «Атласе Российской империи» 1796 г., где вся Курильская гряда, включая южные острова, обозначена как составная часть Российской империи, административно входящая в Нижнекамчатский округ Охотской области Иркутского наместничества, но и в официальных именных (императорских) Указах 1779, 1786 и 1799 гг., подтверждающих включение Курильских островов в состав Российской империи (императорский или королевский указ, напомним, был равносильен закону) [Атлас Российской Империи... 1796].

Именно поэтому глава второго русского посольства в Японию Н. П. Резанов на переговорах с японцами в 1805 г. вручил им специальный меморандум, в котором говорилось, что «все воды и земли на север от Матмая (русское название о. Хоккайдо) принадлежат русскому императору, и чтобы Япония не распространяла туда своих владений», о котором в Японии – в отличие от Симодского трактата 1855 г. (первый официальный договор между Россией и Японией) – никогда не упоминают [АВПРИ, ф. ГА, 1-7, д. 1, п. 37, лл. 286, 287].

Этот факт – принадлежность Курильского архипелага России – хорошо подтверждается тем обстоятельством, что, несмотря на предпринимаемые в дальнейшем иностранными государствами попытки захвата Курильских островов (в частности, во время Крымской войны 1854–1855 гг.), ими никогда не ставился под сомнение сам факт принадлежности их именно России.

На международном уровне принадлежность России Курильского архипелага была официально подтверждена в заключенных в 1824–1825 гг. Конвенциях России с США и Великобританией.

Что касается Японии, которая, как известно, продолжает утверждать об исконной японской принадлежности так называемых северных территорий (Южных Курил), то ее официальная граница в рассматриваемое время (конец XVIII – первая четверть XIX в.), по свидетельству самих японских авторов, проходила далеко на юге Эдзо-Хоккайдо, ограничиваясь небольшой территорией на юго-западной оконечности острова, прилегающей к Сангарскому проливу. Все остальные территории к северу от этой узкой полосы – практически весь о. Эдзо-Матмай – было территорией айнов, в состав Японского государства не входившей. Тем более не могли принадлежать Японии Южные Курилы, лежащие, как известно, еще севернее Хоккайдо [Кино 1940, с. 227–229; Корияма Есимицу 1080, с. 231, 319, 320]. Причина – режим изоляции Японии от внешнего мира, установленный военными правителями страны (сегунами) в 1639 г. и официально отмененной только в середине XIX столетия. Этот режим искусственно консервировал Японию в рамках ее исторических средневековых границ, не только не поощряя, но прямо запрещая расширение территории в том числе, и «на север».

Будучи, как было показано, тесно связанными с Русской Америкой исторически и географически, Курильские острова имели и схожую с ней «политическую судьбу». Так же как и в случае с Аляской, русским правительством долгое время недооценивался огромный экономический и военно-стратегический потенциал Курил – владение которыми во многом обеспечивало статус Охотского моря как внутреннего моря России – приведший, в первом случае, к вызывающей до сих пор споры и недоумение продаже Русской Америки, а во втором – уступке Японии в обмен на отказ от ее прав на Сахалин в 1875 г. оставшейся части Курильской гряды от о. Уруп до мыса Лопатка на Камчатке (Южные Курилы – острова Итуруп, Кунашир и Малая Курильская гряда, включающая о. Шикотан, были признаны владением Японии в упоминавшемся Симодском трактате 1855 г.), в результате чего весь Курильский архипелаг вплоть до 1945 г. являлся японской территорией.

Здесь же следует отметить, что с географической точки зрения существует лишь одно понятие «Курильский архипелаг»,

включающий острова, протянувшиеся от Камчатки (мыс Лопатка) до японского острова Хоккайдо (район Немуро), и никакие «Южные», «Северные» или «Средние» Курилы в качестве отдельной административно-территориальной единицы не выделяются, что, впрочем, вполне естественно, если воспринимать архипелаг как единое целое, а не пытаться искусственно разделить его на две или более части вопреки географии и просто здравому смыслу.

В заключение необходимо также напомнить, что в России Курильские острова в XVIII – начале XIX в. включали также остров Хоккайдо (обозначавшийся в русских источниках того времени как Эдзо-Матмай, или Мастмай (от японского *Мацумаэ* по названию одноименных княжества и города, располагавшихся на крайнем юге острова), как двадцать второй остров Курильской гряды.

Аналогичным образом – как включающие остров Эдзо-Хоккайдо – понимались Курильские острова и в иностранных (не русских) изданиях того времени [Головнин 1961, с. 426–428; Пальмер 1906, с. 69, 73].

Так что, следуя японской логике, мы сейчас вполне могли бы претендовать на часть Хоккайдо на том основании, что остров не принадлежит Японскому архипелагу, а относится к Курильским островам.

Это нужно хорошо помнить тем японским авторам, которые, вопреки логике и здравому смыслу, продолжают утверждать, что южные острова Курильской гряды (напомним: Итуруп, Кунашир и Малая Курильская гряда, в которую входит о. Шикотан) к Курильским островам не относятся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. ГА, 1–7, д. 1, п. 37.
- Атлас Российской Империи, состоящий из 52 карт, изданный во граде Св. Петра в лето 1796-е, а царствования Екатерины II XXXV-е. СПб., 1796.
- Головнин В. М. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807–1811 / под ред. В. А. Дивина. М.: Географиздат, 1961. 480 с.
- Корияма Есимицу. Бакумацу Нитиро канкейси кэнкю (Изучение истории японско-русских отношений периода Бакумацу). Токио, 1980.

Пальмер А. Х. Записка о Сибири, Маньчжурии и об островах северной части Тихого океана. СПб, 1906. 81 с.

Полонский А. С. Курилы / Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1871. Т. 4.

Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII века. М. : Наука, 1989. 400 с.

Kito Y. S. Japanese expansion on the Asiatic continent. A study in the History of Japan. L. A. : Berkeley, 1940. Vol. 2. 416 p.

УДК 321.6

Е. А. Полиновская

кандидат исторических наук, доцент;
доцент кафедры Отечественной и всеобщей истории
Новосибирского государственного педагогического университета;
e-mail: iskra2017@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ ТОТАЛИТАРИЗМА И ФАШИЗМ

В статье рассматривается возникновение и развитие доктрины тоталитаризма, к которой часто обращаются при анализе политических систем в общественных науках. Особое внимание автор уделяет роли фашистского и нацистского движения в происхождении концепции. Автор на основе теоретических и программных документов лидеров фашистского и нацистского движений и их идеологов рассматривает связь концепции тоталитаризма с фашистской идеологией. В статье раскрывается содержание и основные черты концепции фашистского тоталитарного государства.

Ключевые слова: концепция тоталитаризма; фашизм; нацизм, тоталитарное государство; идеология; левые политические партии; нация.

E. A. Polinovskaya

PhD. (History), Ass. Prof., at the Department of World
and General History of VPO «Novosibirsk State Pedagogical University»;
e-mail: iskra2017@mail.ru

**THE CONCEPT OF TOTALITARIAN DICTATORSHIP
AND FASCISM**

The article is devoted to the emergence and development of the doctrine of totalitarianism, which is widespread in the analysis of political systems in the social sciences. The author pays special attention to the role of the fascist and Nazi movements in the origin of the concept. The author, on the basis of theoretical and policy documents of the leaders of the fascist and Nazi movements and their ideologues, examines the connection between the concept of totalitarianism and the fascist ideology. The article reveals the content and main features of the concept of the fascist totalitarian state.

Key words: concept of totalitarianism; fascism; Nazism, totalitarian state; ideology; left political parties; nation.

Термин «тоталитаризм» и концепция «тоталитарных режимов» с 1990-х гг. прочно вошли в научно-публицистическую среду России и были закреплены в учебных пособиях по общественным дисциплинам. Между тем понимание концепции тоталитаризма

и использование ее в исторической науке вызывает широкую дискуссию. «Сама концепция тоталитарных режимов как принципиально отличающихся от авторитарных, продолжает подвергаться критике, и немалое число авторитетов политической науки предпочитает избегать оперирования термином «тоталитаризм», рассматривая его в лучшем случае как разновидность авторитаризма», – отмечает А. П. Цыганков [Цыганков 1995, с. 182]. Ряд исследователей справедливо полагают, что изначально при возникновении самой доктрины «уже на этапе формирования концепции в ней содержалась и служебно-прикладная, не всегда достаточно объективированная компонента. В дальнейшем идеологическая составляющая в трактовках тоталитаризма, варьируясь, в целом возматривалась, а в годы холодной войны стала носить характер своеобразного пропагандистского оправдания действий одной из противостоявших сторон» [Истягин 2011]. Не случайно сама концепция как научная утверждается в США в 1953–1954 гг., т. е. в разгар «холодной войны», когда по этой проблеме были проведены научные конференции и вышли известные работы Х. Арендт, К. Фридриха и З. Бжезинского. Сама фигура американского политолога, помощника президента США по национальной безопасности, среди авторов и популяризаторов говорит о многом. В этот период стояла задача дискредитировать СССР, поэтому концепция тоталитаризма активно проводит параллель между фашистским и советским режимами. В результате в массовое сознание внедрялись «представления об ужасах «тоталитарного коммунизма», которые вытесняют на периферию памяти вопрос об исторических и международных корнях фашизма, об ответственности Запада за его распространение» [Русакова, Русаков 2016, с. 12]. Данная доктрина и в настоящее время активно используется против России. В силу большой дискуссионности и идеологизированности этой парадигмы ее анализ, обращение к происхождению самой идеи, ее связи с различными политическими силами представляется весьма актуальным. Практически общепринятой считается классификация фашистских режимов как тоталитарных. Однако при этом очень мало внимания уделяется роли фашистского и нацистского движения в происхождении самой концепции. В связи с этим целью данного исследования является не анализ доктрины

тоталитаризма в целом, а ее связь с фашизмом и место в фашистской и нацистской идеологии.

Под тоталитаризмом (от лат. *Totalis* – *весь, целый, полный*) принято понимать крайнюю форму возвышения тенденции к централизации, унификации и одностороннему регламентированию всей политической, общественной и духовной жизни, а к тоталитарным относить политические системы, где существует полная централизация контроля. «В тоталитарных государствах политические партии уничтожены или «координированы» в составе одной партии и конфликт между классами скрывается подчеркиванием органического единства в государстве» [Цыганков 1995, с. 183].

Считается, что первым данное понятие употребил итальянский либерал Джованни Амендола в 1925 г. в словосочетании *sistema totalitario* в значении абсолютного и неконтролируемого господства [Истягин 2011]. Между тем появившись у антифашистского либерального автора, термин очень быстро подхватывается близкими к фашистам философами. Один из главных теоретиков фашизма, философ-идеалист Джованни Джентиле активно использовал понятие тоталитаризма применительно к фашистскому движению и новому национальному фашистскому государству. «Фашизм возник, чтобы решать серьезные политические проблемы в послевоенной Италии. И он представляет политический метод. Однако в борьбе и разрешении политических проблем он следует своей природе, т. е. учитывает моральные, религиозные и философские вопросы, раскрывая и демонстрируя всеохватывающий, тоталитарный характер, ему присущий», – утверждал Джентиле в работе «Философские основы фашизма» [Джентиле]. Он отрицал трактовку государства со стороны либерализма и социализма и противопоставлял им фашистское тоталитарное государство: «Государство есть причина, индивид становится следствием, чем-то таким, что находит свое предыдущее в Государстве, которое устанавливает для него рамки, определяет его образ жизни, ограничивая его свободу, привязывая его к клочку земли, на котором он родился, где должен прожить и умереть. По Фашизму, Государство и индивид – одно и то же, или, вернее, они составляют неразрывные части необходимого синтеза» [там же]. Развитие идеи продолжил дуче, лидер итальянских фашистов, Бенито Муссолини. В своем программном сочинении

«Доктрина фашизма», вышедшем в 1935 г., он прямо утверждает, что «...фашизм тоталитарен, и фашистское государство как синтез и единство всех ценностей истолковывает и развивает всю народную жизнь» [Полиновская 2013, с. 61]. Сущность тоталитарности он определяет во всеобъемлющем государстве: «...для фашиста все в государстве, и ничто человеческое и духовное не существует и не имеет ценности вне государства» [Полиновская 2013, с. 60–61] (знаменитая формула – *итал.* «Tutto nello Stato, niente al di fuori dello Stato, nulla contro lo Stato»).

Фашистское государство рассматривается Муссолини не только как политическая сила, но и как сила этическая, духовная: «Она синтезирует все формы моральной и интеллектуальной жизни человека». «Государственная воля уравнивается по природе с человеческой волей, не знающей в своем развитии пределов и доказывающей своим осуществлением собственную бесконечность» [Полиновская 2013, с. 62]. В то же время из приведенных утверждений становится ясно, что фашистская концепция государства идеалистична, что прямо противостоит марксистской материалистической теории. Не случайно одним из теоретиков фашизма был уже упомянутый субъектный идеалист Джентиле, создатель «актуализма», который считал, что всё сущее – результат движения «мыслящей мысли». «Власть Государства абсолютна. Оно не допускает компромиссов, не идет на переговоры, не поступает никакой частью своего пространства в пользу иных моральных или религиозных принципов, влияющих на сознание индивида. Но, с другой стороны, Государство становится реальностью лишь в сознании индивидов, его составляющих», – подчеркивал Джентиле [Джентиле].

Именно признание огромной значимости государства в фашистской и нацистской идеологиях, отказ от либерального принципа индивидуализма и ограничения роли государства «задачами порядка и охраны» и позволили осуществить попытку объявить фашизм и коммунизм тоталитарными идеологиями, а фашистский, нацистский и советский режимы – сходными тоталитарными системами. Однако такой подход представляется резко односторонним и вульгарным, так как само государство в обеих идеологиях воспринимается совершенно по-разному, а сущность его, согласно фашистской

и коммунистической доктринам, диаметрально противоположна. Выше уже отмечалось, что фашистское понимание основывалось на идеалистической философской трактовке. Тогда как марксизм, коммунизм жестко позиционируется как материалистическое учение. Другое важнейшее отличие заключается в самом характере государства. Фашистское государство неотделимо от национализма и существует как государство единой нации. «Политика фашизма вращается полностью вокруг концепции национального государства», – отмечает Джентиле [Джентиле]. Муссолини подчеркивал, что в основе государства должно лежать «единое сознание и воля, опирающаяся на “этническую природу”» [Полиновская 2013, с. 62]. Роль государства – создать, сплотить нацию – «государство создает нацию, давая волю...» [там же]. Еще более жестко и приземленно националистическая идея сформулирована в германском нацизме: «Мы требуем объединения всех немцев на основе права самоопределения народов в Великую Германию» [Двадцать пять пунктов]. Избирательные права, право занимать государственные должности, получать социальную поддержку, владеть прессой могли по программе НСДАП только граждане Германии, а «гражданином Германии может быть только тот, кто принадлежит к германской нации, в чьих жилах течет немецкая кровь» [там же]. Из принципов национального государства вытекает и экспансионистская идея итальянского и германского фашизма. «Нация в форме государства есть этическая реальность, существующая и живущая, поскольку она развивается. Остановка в развитии есть смерть, – подчеркивает дуче. – Отсюда организация и экспансия хотя бы в возможности» [Полиновская 2013, с. 62]. Таким образом идеалистическая доктрина национального государства, стремящегося к экспансии, трактующая войну как «жизнь и долг», прямо противоположна интернациональной идее борьбы за социальную справедливость и равенство людей, к которой апеллирует коммунизм.

Идея фашистского национального государства предполагала единство нации, а из этого следовало крайне отрицательное отношение фашистов и нацистов к концепции разделения общества на классы, к классовой борьбе. В программе НСДАП провозглашалась задача борьбы с еврейско-материалистическим духом внутри нас», т. е. с марксизмом [Двадцать пять пунктов]. «Фашизм

отрицает постоянную и неизбежную классовую борьбу, естественное порождение подобного экономического понимания истории, и прежде всего он отрицает, что классовая борьба является преобладающим элементом социальных изменений», – заявляет дуче в разделе с соответствующим названием «Против исторического материализма и классовой борьбы» [Полиновской 2013, с. 68]. Не случайно германский «национальный социализм» предполагал построение социализма исключительно для немецкой нации. Соответственно отрицалась и классовая природа государства. Идеологи фашизма всячески подчеркивают «народный характер» своего государства, стоящего над классами и отражающего интересы всей нации [Джентиле]. Таким образом, тоталитарный характер фашистского государства напрямую вытекает из его надклассовости и националистического единства. В силу этого фашистские режимы Италии, Германии, Португалии и Испании ликвидировали левые партии и профсоюзы как органы классовой солидарности и борьбы трудящихся, а итальянский и иберийский модели фашизма противопоставили им систему корпоративизма, где наемные работники объединялись с капиталистами. Это понимание четко провозглашено в испанской «Хартии труда», принятой в 1938 г.: «Возрождая католическую традицию социальной справедливости и высокого понимания человечности, которой руководствовались наше законодательство времен Империи, Государство – национальное в том отношении, что оно является тоталитарным орудием, защищающим целостность Родины и синдикалистское в том отношении, что оно представляет реакцию против либерального капитализма и марксистского материализма, – ставит перед собой задачу осуществить по-военному, конструктивно и в глубоко религиозном духе Революцию, которая созрела в Испании... Исходя из концепции единства судеб испанцев, Государство настоящими декларациями объявляет о своем намерении добиться, чтобы производство в Испании – в братском сочетании всех его элементов – также представляло собой единство, служащее укреплению могущества Родины и орудий ее власти» [там же, с. 82].

Очевидно, что такое понимание надклассового национально-тоталитарного государства коренным образом противоречит марксистской концепции государства как аппарата, отражающего

интересы и власть правящего класса, и постулату о «диктатуре пролетариата», который был положено в основу советского государства того времени. «Вне государства нет индивида, нет и групп (политических партий, обществ, профсоюзов, классов). Поэтому фашизм против социализма, который историческое развитие сводит к борьбе классов и не признает государственного единства, сливающего классы в единую экономическую и моральную реальность; равным образом фашизм против классового синдикализма» [Полиновская 2013, с. 61]. Закономерно, что, критикуя либерализм, теоретики и вожди фашизма основной враждебной идеологией считали марксизм, а главными политическими противниками – левые партии и движения – коммунистов, социал-демократов, анархо-синдикалистов и профсоюзы. Первая подлежала запрету, а вторые – в конечном итоге физическому уничтожению. Наиболее откровенно и ясно об этом заявил главный идеолог НСДАП Геббельс в знаменитой речи «Коммунизм без маски» в 1935 г. «Большевизм не надо ставить перед судом мировой истории, с ним нужно иметь дело посредством судебной системы каждой страны. С ним нужно бороться такими же беспощадными и даже жестокими методами, какими он пытается узурпировать власть или удержать ее в своих руках. Здесь не может быть никаких торгов и переговоров, поскольку угрожающая Европе опасность слишком велика. Завтра большевизм может вспыхнуть посреди цивилизованных народов мира и вызвать вселенскую катастрофу. Большевизм – это заклятый враг всех народов и религий и вообще всей человеческой цивилизации» [Goebbels 1935, с. 29]. Геббельс апеллировал к «буржуазному миру» в поисках союза против коммунизма и ставил в заслугу Третьему рейху расправу с коммунистическим движением в Германии: «...мы окончательно победили эту угрозу. Воистину, помимо его работы в Германии, лучшая услуга, которую наш фюрер оказал Европе, так это то, что здесь, в Германии, он воздвиг барьер против мирового большевизма, разрушить который волны этого отвратительного азиатско-еврейского потока тщетно пытаются. Он научил нас не только видеть в большевизме злейшего врага всего человечества, но и встречать его лицом к лицу и крушить его. Взамен этой доктрины он предоставил нам новый, прекрасный и благородный идеал по освобождению всего

народа. Сей идеал позволил нам избавить Германию от угрозы большевизма и искоренить ее раз и навсегда с тела немецкого народа» [Goebbels 1935, с. 30].

Таким образом, можно сделать вывод, что идеологи и вожди фашизма, воспользовавшись самим термином «тоталитаризм», по сути, оформили эту концепцию, наполнили ее содержанием и много сделали для ее популяризации. Итальянские и иберийские фашисты открыто называли свою систему тоталитарной, трактуя ее в положительном контексте. Однако уже в этот период ряд правых политиков и философов попытались использовать эту теорию против коммунистического движения и Советского Союза. Во многом эти аналогии носили пропагандистской характер и использовались в борьбе против левых. Активное распространение эта идея получает у консервативных авторов, которые истоки фашизма выводили из разрушения традиционных устоев, включения масс в политику, распространения демократических принципов и всеобщего избирательного права. «...Существует новый феномен масс – это огромные аморфные, колеблющиеся группы людей, не имеющие где-либо корней. Везде, где возникает типично массовый характер, исчезают все высшие человеческие ценности. Их место занимают примитивные эмоции, первостепенными становятся желание безопасности и требование счастья. Наступление Гитлера не оказалось бы столь опасным, если бы не существовали благоприятные условия, сложившиеся в результате подъема масс», – писал Г. Раушнинг, член Немецкой национальной народной партии, в 1932 г. перешедший к нацистам, а затем отвернувшийся от национал-социализма и ставший его критиком [Раушнинг 1993, с. 252]. В росте «современного тоталитаризма» политик и философ, активно сотрудничавший с нацистами, обвинил «старую социал-демократию» и «ортодоксальных марксистов с их аксиомой исторического материализма» и атеизма [Раушнинг 1993, с. 303]. Однако данные обвинения не подкреплялись серьезными аргументами или основывались на ложных посылах например, приписывания фашизму и нацизму отказ от исторических истоков, материализм и атеизм. Выше уже приводились аргументы, показывавшие, что итальянские, иберийские фашисты и германские национал-социалисты были противниками данных идей. Не случайно в истории есть примеры политических

альянсов фашистов с либералами и консерваторами, как в Италии в 1921 г. в рамках «Национального блока всех партий порядка», консерваторами, националистами и монархистами, как в Испании, или консерваторов с национал-социалистами. Но не существует ни одного факта объединения фашистских партий с левыми, с которыми, наоборот, велась борьба ни на жизнь, а на смерть.

Свой вклад в развитие концепции тоталитаризма и родства советского и фашистских режимов, а также марксизма и тоталитаризма внес Карл Поппер в своем труде «Открытое общество и его враги», в котором советскую систему и фашистские государства отнес к типу «закрытых» антидемократических обществ [Поппер 1993, с. 476]. Однако до окончания Второй мировой войны тоталитарная концепция все же оставалась на периферии общественных наук и носила достаточно маргинальный характер. Активное развитие и распространение она получила, как уже отмечалось, в начале 1950-х гг. благодаря сочинениям гарвардского профессора К. Фридриха и политического деятеля З. Бжезинского, которые выделили знаменитые «признаки» тоталитаризма. Первоначально этих признаков было пять:

- 1) наличие официального всеохватывающего учения, на которое должен был ориентироваться, хотя бы пассивно, каждый человек, т. е. монополия единой идеологии;
- 2) наличие единственной массовой, иерархически построенной партии с единственным харизматичным вождем;
- 3) монопольный контроль государства над всеми основными средствами политической власти;
- 4) столь же технически полный монопольный контроль над всеми ведущими СМИ;
- 5) наличие системы террористического полицейского насилия не только по отношению к «врагам», но и к любым группам лиц в обществе.

К этим пунктам вскоре после их составления в 1956 г. З. Бжезинский, с согласия К. Фридриха добавил последний, шестой: «решающая роль тайной полиции» в формировании общественного и государственного строя [Истягин 2011]. С означенным перечнем согласилась и философ Ханна Арендт, авторитетный в западной науке исследователь проблематики немецкого национал-социализма

и тоталитаризма [Арендт 1996]. Несмотря на негативный характер позиционирования тоталитарной системы, противопоставленной демократическим режимам, нельзя не отметить, что данная концепция также, как и фашистские авторы, трактует тоталитарное государство как некую надклассовую политическую силу, оторванную от экономической системы, но уже не представляющую нацию, а, наоборот, одинаково подавляющую все слои общества. Также и сами фашистские режимы в данной трактовке абсолютно теряют социально-экономическую окраску и связь с каким-либо классом или социальной группой, прежде всего с крупным монополистическим капиталом, диктатурой которого марксистские теоретики и историки считали фашизм [Димитров 1983].

Итак, проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что доктрина «тоталитаризма» была сформулирована и наполнилась содержанием в фашистской среде. Само понятие включало всеобъемлющее абсолютное по влиянию государство, выражающее интересы всей нации, и имеющее надклассовый «народный» характер. Тоталитарная теория, отрицающая связь политической системы с экономической базой и классовыми интересами, совершенно логично вытекала из националистической и антимарксистской доктрин фашистской и нацистской идеологий, отрицающих классовую борьбу и апеллирующих к единству нации. Последующие адепты доктрины заимствовали основные идеи фашистской концепции, резко поменяв оценки тоталитарной власти на отрицательные. Распространение и популярность концепции «тоталитаризма» в послевоенный период связаны, как можно предположить, с острой идеологической борьбой в период холодной войны. В силу этого сама концепция носит во многом пропагандистский, а не научный характер. Вопрос, почему фашистская по происхождению и весьма уязвимая с научной точки зрения теория закреплена в учебной литературе как единственно верная, давно созрел для дискуссии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М. : ЦентКом. 1996. 172 с.
Двадцать пять пунктов. Программа НСДАП. URL : rono.ru/dokum/192_dok/19200224punkt.php
Джентиле Дж. Философские основы фашизма. URL : traditio.wiki/%

- Димитров Г.* Избранные произведения. Т. 2. М., 1983. С. 63–77.
- Истягин Л.* Теория тоталитаризма в контексте актуальных политических процессов // *Альтернативы*, 2011. №3. URL : intelros.ru/readroom/alternativi/alternativy-3-2011/
- Полиновская Е. А.* Европа в Новейшее время: проблемы политики и экономики: учеб.-метод. пособие. Новосибирск : НГПУ, 2013. 221 с.
- Поппер К. Р.* Открытое общество и его враги. Т. 2. М. : Феникс, 1992. 528 с.
- Раушинг Г.* Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М. : МИФ, 1993. 382 с.
- Русакова О. Ф., Русаков В. М.* Великая Отечественная война и политика исторической памяти // *Дискурс ПИ*. Екатеринбург. 2016. № 1. С. 10–16.
- Цыганков А. П.* Современные политические системы: структура, типология, динамика. М. : Интерпракс, 1995. 296 с.
- Das 25-Punkte-Programm der Nationalsozialistischen Deutschen Arbeiterpartei. URL: documentarchiv.de/wr/1920/nsdap-programm.html
- Goebbels J.* Kommunismus ohne Maske. Dr. Goebbels auf dem Reichsparteitag 1935. Berlin : Müller & Sohn, 1935. 32 S.

УДК 26, 281.93, 322.

И. Ю. Смирнова

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра истории религии и Церкви Института российской истории РАН;
e-mail: irinasmirnowa@mail.ru

ПЕРЕНОСЕНИЕ КАМЧАТСКОЙ, КУРИЛЬСКОЙ И АЛЕУТСКОЙ КАФЕДРЫ В АЯН: PRO И CONTRA

Статья посвящена проблемам российского церковного присутствия в Северной Америке в контексте взаимодействия светских и церковных структур. На основе переписки епископа Иннокентия (Вениаминова) с церковными и государственными деятелями предлагается анализ конфессиональной ситуации в Русской Америке в 1847–1850 гг. Рассматриваются причины, мотивация, а также последствия перенесения кафедры Камчатской, Курильской и Алеутской епархии на азиатский континент в Аян.

Ключевые слова: Русская Америка; Камчатская; Курильская и Алеутская епархия; Иннокентий (Вениаминов); Российско-американская компания.

I. Yu. SMIRNOVA

PhD (History), senior researcher of the Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences; e-mail: irinasmirnowa@mail.ru

THE TRANSFERENCE OF THE KAMCHATKA, KURIL, ALEUTIAN DIOCESAN CHAIR IN 1850: PRO AND CONTRA

The article is devoted to the problems of Russian Church presence in North America in the context of interaction between secular and Church structures. The research based on the correspondence of the Bishop Innokentiy (Veniaminov) with churchmen and statesmen, an analysis is offered of the confessional situation in Russian America in 1847–1850. The reasons for transference the chair of the Kamchatka, Kuril and Aleut diocese to the Asian continent (in Ayan), as well as its consequences are considered in the context of Russian politics in the Far East.

Key words: Russian America; Kamchatka; Kuril and Aleut Diocese; Innokentiy (Veniaminov); Russian-American company.

Несмотря на обширную историографию, посвященную истории православного миссионерства в Русской Америке, остается ряд аспектов, требующих внимания исследователей, в том числе такие, как взаимодействие светских и церковных представительств, участие российских иерархов в проведении церковной

политики России в Северо-Тихоокеанском регионе, межконфессиональные отношения Русской православной церкви с епископальными Церквями Англии и Соединенных Штатов Америки в контексте расширения русского духовного присутствия на северо-американском континенте и др. [Климент 2009; Климент 2014; История и наследие Русской Америки 2011; Петров, Климент, Ермолаев 2013]. Остаются вопросы и в отношении мотивации перенесения епархиального управления на азиатский континент, когда в 1850 г. архиепископ Иннокентий фактически переезжает в Аян (с осени 1852 г. до июня 1853 г. он провел в Новоархангельске). В американской части обширной епархии осталось несколько священников-миссионеров, окормлявших три миссии, а также сотни крещеных и еще только желавших принять крещение жителей Аляски. В связи с этим возникает вопрос, насколько был необходим переезд архиерея на азиатский континент и отразилось ли это на судьбе православия в Русской Америке.

Изучение религиозного присутствия великих держав в таких регионах, как Святая Земля или Китай показало, что первое, к чему стремились политики и дипломаты Франции, Великобритании, а позже и Северо-Американских Соединенных Штатов, было учреждение епископских кафедр. В 1841 г. в Великобритании был принят билль о назначении епископов в иностранные государства, после чего в ноябре 1841 г. в Кентерберийском аббатстве были рукоположены епископы в Иерусалим и Новую Зеландию [Смирнова 2015]. В 1842 г. учреждается Гибралтарское епископство Протестантской епископальной церкви США. В 1847 г. в Иерусалим назначается латинский патриарх Джузеппе Валерга. Аналогичная ситуация наблюдается в Китае. Так, в Шанхае в 1846 г. была учреждена епархия Американской епископальной церкви, первая епархия Церкви Англии была учреждена в Китае в 1849 г. [Смирнова 2016]. Таким образом, для политических стратегов великих держав церковное присутствие за рубежом и назначение епископа имело важное геополитическое значение.

Россия в этом отношении не являлась исключением – русские дипломаты также рассматривали присутствие епископа в духовных миссиях за рубежом как вопрос статуса и представительности государства: в 1857 г. по инициативе Министерства иностранных

дел начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме был поставлен епископ Кирилл (Наумов), а в 1860 г. наши дипломаты поставили вопрос о назначении епископа во главе Русской духовной миссии в Пекине.

Для приходов в Русской Америке епископ был назначен в декабре 1840 г., к чему не встретилось каких-либо затруднений. Во-первых, Русская Америка относилась к владениям Российской империи, во-вторых, еще в 1796 г. было официально учреждено Кадыжское викариатство Иркутской епархии, но после гибели в мае 1799 г. первого епископа Иоасафа (Болотова) Кадыжская кафедра оставалась вдовствующей. Предложение Филарета Московского о посвящении Иннокентия (Вениаминова) в сан епископа было одобрено императором Николаем I, в результате чего из Иркутской епархии была выделена обширная область в целях учреждения Камчатской, Курильской и Алеутской епархии с кафедрой в Новоархангельске. Принимая личное участие в решении о создании новой епархии и хиротонии Иннокентия для служения на Аляске, Николай I «тем самым как бы обозначил ее сферой особых духовных интересов Русской православной церкви» [Петров, Капалин, Ермолаев 2013, с. 6].

В управление новой епархии преосвященный Иннокентий вступил в сентябре 1841 г., но уже в 1847 г. ставил вопрос о перенесении кафедры в Аян, находя это «очень удобным во многих отношениях» [Иннокентий 2012, с. 237]. Главные аргументы епископа Иннокентия, изложенные им в письмах обер-прокурору Священного синода графу Н. А. Протасову, А. Н. Муравьеву, А. С. Норову, правителю Московской конторы Российско-американской компании Н. Е. Лажечникову, заключались в том, что в связи с переносом порта из Охотска в Аян изменилось сообщение между Камчаткой, Россией и Америкой, «Аян сделался центром сношений России с Камчаткой и Америкой и [Петровским] зимовьем» [там же, с. 354].

Из-за изменений в сообщении «открылись большие неудобства касательно пересылки бумаг, так что, например, бумаги, посланные из Гижиги, вместо 3 или 4 месяцев должны получиться в Новоархангельске через 15 или 16 месяцев; а если прекратится прямое сообщение Новоархангельска с Петропавловским портом, то и из

Петропавловска бумаги будут получаться в Новоархангельске вместо 3 или 5 недель через 13 или 14 месяцев» [там же, с. 223]. Задержка писем до года и более фактически лишали Алеутского архиерея связи с Петербургом. Представляя выгоды и удобства от перенесении архиерейской кафедры из Ситхи в Аян, Иннокентий отмечал и тот факт, что он мог бы получать письма от него «не менее 12 раз в год, и так далее» [Иннокентий 2012, с. 265].

Возникли проблемы и с подготовкой будущих миссионеров. В письме к А. С. Норову преосвященный Иннокентий писал, что «своих миссионеров, что называется доморощенных, еще долго-долго мы не сможем иметь, ибо дети камчатского духовенства, обучающиеся в нашей семинарии, хотя и надежны, но еще малы, а из туземцев и так называемых креолов здешних едва 50-й годится быть миссионером» [там же, с. 270]. Кроме того, изменение сообщения с Камчаткой усложняли и удорожали переезд с азиатского материка будущих семинаристов и ставленников для рукоположения.

Между тем святитель Иннокентий писал графу Протасову в мае 1848 г.: «Главная цель учреждения Камчатской архиерейской кафедры в Америке (а не в Азии), можно сказать, уже вполне достигнута. Ибо христианство, при содействии благодати Божией, распространяется успешно. ...Теперь остается только заведенные миссии поддерживать и постепенно вблизи них открывать новые, а для этого необходимы только деньги и миссионеры» [там же, с. 365]. Фактически, преосвященный Иннокентий признавал, что в присутствии архиерея в Новоархангельске необходимости больше не было, однако оставалось множество проблем, решать которые, по мнению святителя, было бы удобнее из Аяна.

Во-первых, остро стоял вопрос кадров. В записке в Священный Синод от 9 июля 1847 г. говорилось: «Еще очень долгое время потребуются многие лица из России на служение в Америке при соборе и семинарии» [там же, с. 227]. При этом найти желающих ехать на служение в Ситху было крайне трудно. Сетую на нехватку людей для епархиального делопроизводства, преосвященный Иннокентий писал: «Где же взять людей? Здесь решительно нет, а из России кто из дельных и добросовестных поедет в такую даль на жалование самое ограниченное (ибо казна секретаря Духовного правления никогда не сравняется с секретарем Главного правления

[РАК], получающим пять тысяч рублей ассигнациями жалования, имеющим, кроме того, готовый стол, отопление, прислугу и освещение и верную надежду чрез пять лет получить столько же в награду?» [там же, с. 357].

Иллюстрацией к ситуации в Русской Америке с миссионерскими кадрами могут служить и слова святителя из письма к А. Н. Муравьеву от 3 мая 1848 г. из Новоархангельска: «В Нушегаке миссионера нет: прежде бывший болен, а вместо него послать некого» [Иннокентий 2012, с. 259]. Кроме того, возникла необходимость в открытии миссии для горных жителей Америки. Сообщая в Синод, что «сто четырнадцать человек приходили к русскому и упростили его окрестить их», Иннокентий просил прислать «двух миссионеров и денег» [там же, с. 259]. В письме к А. Н. Муравьеву от 6 июля 1849 г. он писал: «Если бы была возможность, то есть деньги и люди, то ныне можно было открыть три или четыре миссии новых – жатва там многа суть. Я просил Святейший синод о пособии, но еще не получал и ответа» [там же, с. 313].

Но и в дальнейшем ситуация оставалась прежней: «О двух иеромонахах, которых я просил прислать мне для миссии, я на последней почте (от первых мая) не получил никакого уведомления» [там же, с. 329]. А еще год спустя, 11 июля 1850 г., уже из Аянского порта, преосвященный Иннокентий информировал А. Н. Муравьева, что «Нушегакская миссия остается еще без миссионера, а требуемые мною еще в 1847 г. два священника не прибыли даже и осенью сего года, и нет об них никакого слуха» [там же, с. 353].

Не менее остро стоял и финансовый вопрос. Обеспечение деятельности новой епархии на Аляске лежало на Главном правлении Российско-американской компании, т. е. эффективность миссионерской работы в Русской Америке «напрямую зависели от помощи РАК» [Климент 2014, с. 128–129]. Но в 1840-е гг. в связи с ситуацией в Калифорнии, куда в поисках золота хлынули сотни тысяч старателей, резко вырос спрос на продовольствие. Возникшее в связи с этим подорожание поставило снабжение духовенства и семинаристов под угрозу, а растущее число учеников и миссионеров вызывало раздражение руководства Российско-Американской компании. «Как ни ограничено число нынешнего ситхинского духовенства, – писал епископ Иннокентий, – пребывание оногo здесь

в таком количестве при недостатке на рынках свежего, для жителей ситкинских становится или кажется почти отягочительным (а для колониального начальства оно уже давно таковым кажется)» [Иннокентий, кн. 1, 1897, с. 188].

Побуждаемое правителем Аляски К.А.Этолиным, Главное правление РАК настаивало на сокращении новоархангельского духовенства. Иннокентий же, напротив, писал о необходимости «еще увеличить [клир] двумя или тремя лицами из монашествующих или вдовых священнослужителей», предлагая решить проблему «перенесением архиерейской кафедры и семинарию из Ситки в Аян или куда будет признано за лучшее» [Иннокентий, кн. 1, 1897, с. 248–249].

В письме к Норову от 10 мая 1848 г. святитель Иннокентий задавался вопросом: «Но где взять денег? а их потребуется немало, ибо Американская компания, при всем своем усердии, не в состоянии делать пособий более тех, какие мы имеем ныне от нее... Просить правительство? – Если бы это было возможно, то наверное давно уже это было сделано» [там же, с. 271]. Материальные проблемы преследовали Иннокентия на протяжении всего американского периода. Узнав о пожертвованиях графини А.А.Орловой-Чесменской в новгородский Юрьевский монастырь, он написал А. Н. Муравьеву 3 октября 1849 г. из Новоархангельска: «О! если бы эти 300 тыс. рублей покойная пожертвовала в пользу русских духовных миссий!» [там же, с. 329].

В цитируемом выше письме к Норову от 10 мая 1848 г. впервые звучит мысль о необходимости миссионерского общества в России: «Как не позавидовать в этом случае Английскому миссионерскому обществу, имеющему в руках своих миллионы именно на распространение христианства. О если бы кому-либо из наших магнатов и сильных земли пришла мысль завести и у нас в России такое общество для распространения и утверждения христианства между дикими, подвластными России» [Иннокентий 2012, с. 271–272].

Упоминание Лондонского миссионерского общества было отнюдь не случайно. Конфессиональная ситуация в Русской Америке была неоднородной. Известно, что одновременно с учреждением кафедры в Новоархангельске правитель Компании в Ситхе А.К.Этолин, лютеранин по исповеданию, учредил лютеранскую

церковь, что вызвало беспокойство Филарета Московского. «Я, кажется, сказывал Вам, – сообщал преосвященный Иннокентий А. Н. Муравьеву в письме от 30 июля 1841 г., написанном по пути на Аляску, – что на том самом корабле, на котором я пришел в Санкт-Петербург, шел пастор, но обязанный подпиской не вмешиваться в дела обращения диких. От пришедших ныне из Америки я узнал, что он действительно так ведет себя и если отправляет богослужение, то в доме главного правителя, а не публично» [Иннокентий, кн. 1, 1897, с. 57–58].

Поначалу присутствие лютеранского пастора святитель Иннокентий воспринял относительно спокойно, считая, что тот «по увеличивающемуся числу финляндцев, становится всё более необходимым» [Климент 2009, с. 163]. Однако в годы правления Этолина число управляющих, ремесленников и рабочих из Финляндии значительно выросло, при нем же фактически началось «вытеснение» с Аляски епископа Иннокентия. В 1849 г. владыка уже выражал беспокойство, что «Американская Компания наша, управляемая ныне почти одними лютеранами, и в коей главный деятель финляндец, ныне присылает на службу в Америку и в другие места исключительно почти все финляндцев и немцев» [Иннокентий 2012, с. 330].

Существовала и другая проблема. В 1849 г. священник русской посольской церкви в Лондоне протоиерей Евгений Попов сообщил преосвященному Иннокентию, что в Англии с большим вниманием наблюдают за успехами православной миссии на Аляске. По словам Иннокентия, некоторые из английских церковников «желали бы, чтобы поле наше (т. е. вверенное моему достоинству здесь в Америке) засеяно было чистым протестантизмом». «Знают ли об этом наши?» – спрашивал епископ у А. Н. Муравьева, и отвечал: «Я полагаю, что не знают; иначе на требование мое делателей и средств к их существованию отвечали бы что-нибудь» [Иннокентий 2012, с. 330]. Со своей стороны, Иннокентий написал «особое письмо председателю Главного Правления в Петербурге Н. Е. Врангелю в надежде, что «быть может, они переменят свой план – посылать в Америку одних только финляндцев» [там же, с. 330].

Характерно, что значительно позже, в «благовещенский» период служения архиепископа Иннокентия, предпоследний правитель

Аляски И. В. Фуругельм¹, также ревностный лютеранин, считал, что в Ситке переизбыток православных миссионеров [Климент, 2009, с. 163].

Из вышесказанного можно видеть, что присутствие архиерея на Аляске было крайне желательно, тем более что и сам Иннокентий отмечал, что учреждение миссий в наиболее важных местах едва ли было возможно сделать без пребывания архиерея в Ситхе [Иннокентий 2012, с. 365].

По письмам святителя Иннокентия можно судить, насколько трудно было находиться преосвященному Иннокентию в среде чужих по духу людей, которые, подобно Фуругельму, воспринимали высокопреосвященного Иннокентия как «человека жадного до власти и хитрого, который вмешивается в международные дела и проявляет значительное влияние» [Климент, 2009, с. 163]. Не случайно в одном из писем к А. Н. Муравьеву он пишет о встрече с его племянником, генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым²: «Я полюбил его от всего сердца, как истинно русского. Благодарение Господу, что наконец Он послал к нам такого человека» [Иннокентий 2012, с. 329].

Святитель Иннокентий не скрывал своего стремления возвратиться в Россию, для чего были свои как объективные, так и субъективные причины. В перенесении кафедры в Аян он видел новые возможности в поисках средств и людей для миссий в Америке. С назначением Н. Н. Муравьева на пост генерал-губернатора Восточной Сибири открылись новые перспективы развития миссионерской работы на Дальнем Востоке. Так, 11 июля 1850 г. он писал А. Н. Муравьеву: «Аянские обстоятельства быстро меняются при деятельности Николая Николаевича Муравьева. Последняя почта от господина Невельского повезла к нему важнейшие новости.

¹Фуругельм Иван Васильевич (Юган Халтусович; 1821–1909), адмирал, старший флагман Балтийского флота, военный губернатор Приморской области, командир Сибирского флота и портов Восточного океана, главный правитель Русской Америки в 1858–1864 гг. 17 марта 1864 г. сдал дела Д. П. Максудову и отправился в Россию.

²Муравьев Николай Николаевич (1809–1881), граф (1858), государственный деятель и дипломат, генерал-губернатор Восточной Сибири (1847–1861).

Очень жаль, что я не могу Вам сообщить всего, что теперь здесь делается и какие светлые надежды в будущем ... потому что все держится еще в секрете». И добавляет: «Если Вы узнаете секрет зимовья, тогда Вы согласитесь, что мне непременно надобно переселиться в Аян» [Иннокентий 2012, с. 350–351]. (Речь идет об успешной экспедиции Г.И. Невельского к устью Амура и выраженном гилияками желании перейти под покровительство России) [Иннокентий 2012, с. 353–354]. Существенную роль играло и предполагаемое удобство переписки и сообщения; имел место и чисто человеческий фактор.

Таким образом, у Иннокентия были достаточно весомые аргументы для перемещения кафедры и семинарии в Аян. Однако когда А. Н. Муравьев ставит вопрос об открытии в Новоархангельске викарной кафедры, преосвященный Иннокентий весьма категорично отвергает это предложение: «Нет! Я на это не соглашусь. Я скорее сам останусь там навсегда, чем допущу это», – пишет он А. Н. Муравьеву 6 июля 1849 г. из Аяна [Иннокентий 2012, с. 312]. 3 октября 1849 г. уже из Новоархангельска он вновь возвращается к этому вопросу: «Вы и в этом письме говорите, что при перенесении кафедры в Аян мне надобно иметь в Америке викария, а я и в этом своем письме скажу, что не надобно, не надобно, если только кафедра не перенесется далее Якутска. А надобно и необходимо надобно, чтобы при домово́й архиерейской церкви было три или четыре священнослужителя, способных к занятию миссионерских должностей – это крайне необходимо» [Иннокентий 2012, с. 330].

При этом ни в одном из писем святитель Иннокентий не поясняет, почему не согласен ходатайствовать о назначении викария. Можно лишь предполагать, что помимо надежд улучшить ситуацию в Америке из Аяна, более близкого к России, помимо новых планов и проектов, на первый план выступают отношения с руководством Российско-американской компании, у которого позиция Иннокентия всё чаще вызывала неудовольствие и раздражение.

Об этом, в частности, весьма красноречиво свидетельствует письмо к Н. Н. Муравьеву от 11 февраля 1852 г. председателя правления РАК В. Г. Политковского¹, который обвинял святителя

¹ Политковский Владимир Гаврилович (1807–1867), генерал, председатель правления Российско-американской компании в 1850–1866 гг.

Иннокентия в том, что он «увлекается часто ложными понятиями о своих обязанностях и при том весьма упорно защищает интересы свои и своих подчиненных без всякого правильного основания» [Гуличкина, с. 28–29].

Архипастырю вменялось в вину, что он «не любит Компанию и позволяет себе о ней весьма неправильные и резкие суждения». «Душевно был бы я рад, – откровенно признавался генерал Политковский, – если бы архиерейскую кафедру перенесли из колонии куда угодно, Компания избавилась бы от многих неприятностей и столкновений, которые встречаются теперь от противодействия духовной власти, весьма расширившей свое влияние». И, наконец, Политковский привел последний аргумент, в котором отразилась вся суть конфликта: «Для колоний достаточно иметь благочинного, а архиерея нам совсем не нужно, чем он умнее, тем труднее ему уживаться с главными правителями и быть некоторым образом в подчиненности местной власти. Этот предмет... будет вечным камнем преткновения для обоюдного согласия и гармонии обеих властей» [Гуличкина, с. 28–29].

Действительно, понимание камчатским архиереем развития русских колоний в Америке расходилось с интересами представителей Российско-американской компании, которым были предоставлены самые широкие полномочия, поскольку компания являлась полномочным представителем государства – дипломатическим, политическим, хозяйственным. Возможно, поэтому-то святитель неоднократно писал, что при переносе епархиального управления в Аян, для руководства всей миссионерской работой в приходах и миссиях Русской Америки будет достаточно благочинного. Если у самого Иннокентия – в силу его морального авторитета и влияния – доставало сил удерживать ситуацию, то ожидать того же от малоопытного викария было бы практически невозможно. Кроме того, назначение викария усугубило бы болезненный финансовый вопрос.

Но прежде всего здесь вновь проявляется общая тенденция, типичная для церковно-светских отношений, характерных для межведомственного взаимодействия русских представительств за рубежом, в частности в Иерусалиме, где российские консулы практически всегда находились в конфронтации с архимандритами Русской духовной миссии. Условия, в которых преосвященному Иннокентию

приходилось бороться за сохранение миссий, отстаивая интересы православия в Америке в конце 1840-х гг., мало отличались от ситуации в Иерусалиме после Крымской войны, когда интриги консула А. Н. Карцова привели к удалению из Иерусалима сначала епископа Кирилла (Наумова), а затем и его преемника, архимандрита Леонида (Кавелина) [Смирнова 2014]. Открытые конфликты между российскими представителями, имевшие место в Святой земле, поставили Иерусалимскую духовную миссию на грань закрытия.

Тот же межведомственный, межличностный и межсословный фактор, играл определяющее значение для русского церковного присутствия не только в Святой земле, но и в Русской Америке. Так, несмотря на результативность работы православных миссионеров, деятельность первой Духовной миссии в Северной Америке была омрачена напряженными отношениями администрации и служащих Российско-американской компании с членами миссии. Причину нестроений, переросших в начале XIX в. в открытый конфликт, историк Русской Америки митрополит Климент (Капалин) усматривает «в сфере духовно-этической мотивации» [Климент 2010, с. 17].

В середине 1850-х гг. благодаря инициативе святителя Иннокентия при поддержке Н. Н. Муравьева началась миссионерская работа на Дальнем Востоке, а затем и в Китае, но в Русской Америке в присутствии архиерея в Ситке и при заинтересованном участии Российско-американской компании результаты могли быть более масштабные.

В значительной степени ответственность лежала и на Святейшем синоде, со стороны которого практически отсутствовала какая-либо поддержка. По оценке митрополита Климента, «в последующие годы (имеется в виду период после отъезда святителя Иннокентия из Ситки. – *И. С.*) Св. Синод не предпринимал активных действий по развитию и укреплению Церкви на Аляске. В частности, из трех учрежденных святителем Иннокентием новых миссий поступали средства только на две: Нушагакскую (от РАК) и Кенайскую (из Синода), а Квихпакская миссия не получала никакого центрального финансирования» [Климент 2014, с. 170–171]. Новоархангельское викариатство Камчатско-Курильско-Алеутской епархии было учреждено лишь в начале 1858 г., когда «Александр II утвердил определение Священного Синода от 27 ноября 1857 г.

о выделении территории Русской Америки в отдельное викариатство Камчатской епархии, которое возглавил епископ Новоархангельский» [Климент 2014, с. 136], т. е. почти десять лет спустя, после предложения А. Н. Муравьева и восемь лет после отъезда архиепископа Иннокентия из Америки.

В этой связи можно вспомнить слова Филарета Московского, который весьма критично оценивал отношение и Церкви, и государства к миссионерам, трудившимся среди иноверных и язычников: «В миссионерской деятельности и споспешествовании ей скудны мы в сравнении с другими вероисповеданиями и народами христианскими. Правда, мы менее богаты, но при большей ревности нашлись бы средства, и Господь умножил бы их» [Филарет, с. 263]. По другому случаю митрополит Филарет выразился еще более резко: «Трудно найти людей и способы... Впрочем, людей можно бы найти. А что время действовать – это верно. Но мы страшно равнодушны к делу» [цит. по: Иннокентий, кн. 2, 1898, с. 609]. И к этому филаретовскому «мы» относились и МИД, и Синод, и правительство в целом, которое не вполне сознавало важность конфессионального фактора, в чем Россия значительно уступала западным державам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гуличкина Г. Г.* Величие святой простоты // Свт. Иннокентий, митрополит Московский. Быть полезным Отечеству. М., 2009.
- История и наследие Русской Америки / Петров А. Ю. [и др.] // Вестник РАН. 2011. № 12. С. 1090–1099.
- Климент (Капалин)*, митрополит. Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года. М. : ОЛМА Медиа Групп. 2009. 608 с.
- Климент (Капалин)*, митрополит. О причинах конфликта первых миссионеров на Аляске и администрации Российско-Американской компании // Вестник Поморского университета. 2010. № 2. С. 17–21.
- Климент (Капалин)*, митрополит. Православие на Аляске: ретроспектива развития в 1741–1917 гг. Тверь : Высшая школа, 2014. 432 с.
- Петров А. Ю., Капалин Г. М., Ермолаев А. Н.* О продаже русской колонии Форт-Росс в Калифорнии // Вопросы истории. 2013а. № 1. С. 3–18.
- Петров А. Ю., митрополит Климент (Капалин), Ермолаев А. Н.* Представители Сибири и отечественного Дальнего Востока в истории Форте-Росс и освоении Калифорнии // Проблемы Дальнего Востока. 2013б. № 5. С. 144–153.

- Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского / изд. подг. И. П. Барсуков. Кн. 1–3. (Кн. 1. 1828–1855. СПб. : Синодальная тип., 1897. 503 с.; Кн. 2. 1855–1865. 1898. 496 с.; Кн. 3. 1865–1878. 1901. 404 с.
- Святитель Иннокентий Московский, просветитель Америки и Сибири // Собрание сочинений и писем. Т. 3: Жребий апостольский. М. : Изд-во Моск. патриархии Русской Православной Церкви, 2012. 632 с.
- Смирнова И. Ю.* Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. М. : Политическая энциклопедия, 2014. 456 с.
- Смирнова И. Ю.* Россия и Англия в Святой Земле в канун Крымской войны. М. : Индрик, 2015. 395 с.
- Смирнова И. Ю.* Между Западом и Востоком: из истории церковно-дипломатических отношений на Ближнем и Дальнем Востоке. М. : Политическая энциклопедия, 2016. 591 с.
- Филарет, митрополит Московский, свт. Письма к преподобному Антонию. Т. 2. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007. 448 с.

УДК 327

О. А. Шапкарина

кандидат экономических наук, доцент;
профессор кафедры исторических наук МГЛУ;
e-mail: olga.shapkarina@yandex.ru

**ВОПРОСЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН:
ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ КАФЕДРЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК МГЛУ**

Статья посвящена актуальной проблеме современного исторического образования – разработке и внедрению историко-культурного стандарта как фактора государственной образовательной политики. Рассматриваются различные формы, методы и приемы изучения вопросов историко-культурного наследия в преподавании исторических дисциплин на примере работы кафедры исторических наук МГЛУ. В статье даны практические рекомендации по изучению вопросов историко-культурного наследия в аудиторной и внеаудиторной работе со студентами.

Ключевые слова: историческое образование; историко-культурный стандарт; ценности; образовательные результаты.

O. A. Shapkarina

PhD (Economy), Associate Professor;
Professor, Department of historical science MSLU;
e-mail: olga.shapkarina@yandex.ru

**THE QUESTIONS OF HISTORICAL
AND CULTURAL HERITAGE IN TEACHING HISTORICAL
DISCIPLINES BASED ON THE EXPERIENCE
OF THE DEPARTMENT OF HISTORICAL SCIENCE MSLU**

The article is devoted to the actual problem of modern historical education. There are viewed various forms and methods of teaching historical and cultural heritage under the current state educational policy. The article provides concrete examples based on the working experience of teaching at the department of historical science MSLU.

Key words: historical education; historical and cultural standard; values; educational results.

Предмет истории – то в прошедшем, что не проходит, как наследство, урок, неоконченный процесс, как вечный закон. Изучая дедов, узнаем внуков, т. е. изучая предков, узнаем самих себя.

В. О. Ключевский

В системе исторического образования в российской высшей школе в настоящее время происходят важные перемены, в том числе осуществляется разработка и внедрение историко-культурного стандарта, что предполагает единство научных и политических подходов к историческому образованию, создание стратегии развития исторического образования в многонациональном и поликультурном российском обществе [Крючкова 2015]. В этих условиях одной из важнейших задач является формирование гражданской общероссийской идентичности молодежи, позитивного образа своей Родины – России. При этом необходимо учитывать исторические особенности развития Российского государства, характер современного российского общества, специфику развития миграционных процессов в условиях глобализации [Вяземский, Стрелова 2008].

Некоторые аспекты этой сложной комплексной проблемы получили освещение в работах таких исследователей, как Е. Е. Вяземский, Е. Б. Евладова, М. В. Короткова, Е. А. Ямбург, Е. А. Крючкова. Однако не менее важной является практическая работа, связанная с вопросами историко-культурного наследия в преподавании исторических дисциплин.

Одной из важнейших задач преподавания исторических дисциплин в вузе является формирование у студентов способности к межкультурному диалогу, восприятию цивилизационных и культурных особенностей, интеграции в гражданское, культурное (поликультурное) и многоконфессиональное сообщество. В этом смысле исторические дисциплины выступают как средство (инструмент) ценностного развития и нравственного становления личности. Речь идет о взаимосвязи и дополнении традиционных форм, методов и средств обучения социокультурными ценностями [Крючкова 2015]. Одним из наиболее эффективных путей решения этой задачи является историко-культурологический подход

в образовании, в частности, в изучении исторических наук. Он предполагает целый ряд условий, а именно: увеличение эмоционально-образной составляющей исторического образования; развитие коммуникативных возможностей обучаемых и их творческой самореализации. Историко-культурологический подход способствует целостности исторического образования, развитию интеграционных процессов, что позволяет сблизить изучаемые дисциплины, создать интегрированные курсы, синхронизировать преподавание смежных дисциплин, например истории, литературы, истории мировой культуры [Вяземский, Стрелова 2012].

Изучение вопросов историко-культурного наследия в МГЛУ имеет особое значение в силу следующих причин: во-первых, познание своеобразия того или иного языка, страны невозможно без изучения и понимания его истории и культуры. В свою очередь, историческое развитие народов во многом определяет особенности развития языка; во-вторых, изучение истории страны, ее регионов позволяет во многом иначе взглянуть на историю своей страны. Этот взгляд со стороны, своеобразная рефлексия, может предостеречь от кичливости и зазнайства по отношению к другим народам и государствам, от псевдопатриотизма; в-третьих, изучение историко-культурного наследия важно для понимания современной ситуации в мире. Анализ объективной картины прошлого, понимание взаимозависимости истории всех народов и государств дает возможность лучше понять современные политические и социально-экономические процессы, происходящие в различных странах.

В преподавании исторических дисциплин в МГЛУ учитываются все вышеназванные факторы. В настоящее время преподаватели кафедры исторических наук читают такие курсы, как «История и культура страны изучаемого языка», «История и география страны изучаемого языка», «Специальное страноведение» и ряд других. Преподаватели, читающие данные учебные дисциплины, свободно владеют иностранными языками, имеют научные труды в данной сфере, опыт работы за рубежом, участвуют в различных мероприятиях историко-культурной направленности в России (профессор А. Ю. Петров, профессор В. Н. Косторниченко, профессор А. Ю. Плотников, профессор Т. В. Браиловская и др.).

Помимо традиционных форм и методов изучения исторического материала (лекции, семинары, дискуссии, «круглые столы») преподаватели кафедры исторических наук прививают студентам умения и навыки поиска и анализа исторически релевантного материала в электронных информационных источниках, ведущих массмедиа мира; организуют и проводят учебные занятия в форме ролевых игры («История продажи Аляски», «Заседание Учредительного собрания времен революционной Франции»). Продуктивной, на наш взгляд, является такая форма изучения историко-культурного наследия как самостоятельная подготовка и защита студентами собственного информационного продукта в форме видеofilmа по историко-культурной проблеме, предложенной преподавателем. Разработка учебно-методических материалов в виде контурных карт, таблиц, графиков, диаграмм по истории и культуре страны изучаемого языка, выполненных с помощью информационно-электронных средств, также играет важную роль.

МГЛУ является базовой организацией по изучению языков и культур государств-участников СНГ. Преподаватели кафедры принимают активное участие в организации встреч студентов с известными деятелями культуры и науки наших соседей, проведении «круглых столов» по проблемам исторического прошлого и современного развития этих государств.

Большое внимание уделяется работе со студентами из стран СНГ, обучающимися в МГЛУ. Так, автором данной статьи регулярно проводятся историческая игра «Путешествие в мир русской культуры и быта», историческая викторина «Знаешь ли ты Россию?», тематические занятия «История русских фамилий», «Русские имена на карте мира». С большим интересом студенты выполняют творческое задание «Символы России», демонстрируя свои познания в области русской литературы, музыкальной культуры, атрибутов российской государственности.

Большое внимание кафедра исторических наук уделяет вопросам историко-культурного наследия в работе с российскими студентами при изучении отечественной истории. Сегодня одной из главных задач исторического образования молодежи является формирование российской идентичности, воспитание гражданского патриотизма и гражданской культуры. Это, по сути, формирование

компетенции российского гражданина и является дополнением к ключевым компетенциям, формирование которых предусматривает Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования [Вяземский, Евладова 2018].

Для решения данной задачи кафедра исторических наук использует различные формы и методы работы при изучении курса «История»: семинар – лабораторное занятие («Переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского»), семинар – реконструкция (например «Крымская война. Осада Севастополя»), семинар – деловая игра (например «Социально-экономическое развитие России на рубеже XIX–XX вв.»), поисковые задания (например «История московского дома»), тематические вечера, посвященные событиям Великой Отечественной войны. Большой интерес у студентов вызывают творческие работы по следующим темам: «Судьба российских цивилизационных ценностей», «Дореволюционная Россия и СССР: преемственность и разрыв», «Смысл русской истории». С учетом специфики направлений подготовки темы творческих работ могут быть различны. Например, для студентов, обучающихся по направлению «Лингвистика», предлагаются темы: «Особенности национального самосознания русского народа в произведениях Куликовского цикла («Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище»)», «1812 год в эпистолярном наследии эпохи» (данная тема предполагает работу с письмами не только как с историческими источниками, но и как с документами личного характера, раскрывающими мнения, настроения различных слоев общества). Для студентов отделения «Культурология» предлагается тема творческой работы «Бунташный век» в портретах и лицах».

Интересной формой работы по изучению вопросов историко-культурного наследия является проектная деятельность. Она рассчитана на сбор дополнительной информации по определенным разделам и темам исторических курсов и презентацию результатов работы по окончании изучения данной темы или в конце учебного года. Студенты выполняют проектные работы следующего содержания: «Старые газеты: советская жизнь в зеркале советской прессы»; «Семейная хроника: жизнь моих предков в 1920–1930 годах»; «История послевоенного СССР в плакатах».

Важную роль в преподавании вопросов историко-культурного наследия играют межпредметные связи, в частности истории и литературы. Понимание исторического процесса становится глубже благодаря художественным образам, диалогам, краскам, которыми так богаты произведения русской классической литературы. Например, при обсуждении вопросов Крестьянской реформы 1861 г. привлекаются такие произведения, как пьеса А. Н. Островского «Дикарка», поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», рассказ М. Е. Салтыкова-Щедрина «Портной Гришка», в которых показаны последствия реформы для помещиков и крестьян. На семинарских занятиях по проблемам XVIII в. в истории России в качестве дополнительной литературы рекомендуются произведения Г. П. Данилевского: «На Индию при Петре Первом», «Мирович», «Княжна Тараканова». Конечно, произведения художественной литературы отражают авторское понимание того или иного исторического события, но их использование способствует приобретению студентами навыков критического анализа.

В работе кафедры исторических наук определенное место занимает использование материалов исторических художественных фильмов. Согласно исследованиям психологов, до 90 % получаемой информации человек воспринимает визуально. Но насколько объективен художественный фильм в оценке исторических событий? Насколько реально и достоверно историческое художественное кино? Так, при изучении темы «Октябрь 1917 года» проходит «круглый стол» на тему «Правда художественная и правда историческая». Предварительно студентам дается перечень художественных фильмов по данной проблеме, которые они должны посмотреть. Обсуждение вызывает большой интерес.

В ходе лекционных занятий используются материалы документального кино, например при изучении темы «Вторая мировая война» отрывки из фильма М. Ромма «Обыкновенный фашизм». Это производит очень сильное эмоциональное впечатление на студентов (большинство из них фильм не видели, а некоторые не знали о его существовании) и дает возможность лучше понять исторические события, предшествовавшие Великой Отечественной войне.

Работа по изучении историко-культурного наследия проводится и за рамками учебных занятий. На всех факультетах

и отделениях организуются исторические игры, которые, с одной стороны, носят характер творческого соревнования, с другой – закрепляют знания по отечественной истории.

Например, игра «Исторические персонажи», когда по предложенным участникам характеристикам надо определить исторических деятелей и дать собственную оценку их исторической роли; игра «Фрагменты исторических источников», позволяющая студентам не только познакомиться с документальным материалом, но и приобрести навыки работы с историческими документами; игра «Крылатые выражения», когда необходимо не только объяснить смысл предложенных выражений, но и соотнести их с конкретными историческими вопросами (например, выражения, относящиеся к крестьянскому быту: *всем миром, круговая порука, вот тебе, бабушка, и Юрьев день* и др.).

Новым направлением в работе кафедры является использование сайтов, созданных на базе экспозиций музеев России. Возможности виртуального музея достаточно велики. Это различные варианты виртуальных экскурсий (Государственный исторический музей, Музеи Московский Кремль, Музей истории Москвы). Важно, чтобы предварительно студентам были даны вопросы и задания с их последующим обсуждением. Материалы сайтов используются во время лекций, например, при изучении вопросов культуры того или иного исторического периода (Третьяковская галерея, Эрмитаж); проводятся семинары, например, «Русская усадьба», «Усадьба Муравьевых-Апостолов».

Следует выделить еще одну форму работы кафедры по изучению вопросов историко-культурного наследия – научные студенческие кружки. Автор статьи много лет руководит работой кружка «История российского предпринимательства и меценатства», цель которого – сформировать у студентов представление об особенностях становления и развития одной из составляющих российской цивилизации – предпринимательстве и познакомить участников кружка с персональной деятельностью российских купцов, промышленников, покровительствовавших искусству и наукам, материально подготовившим расцвет национальной культуры – Серебряный век. На заседаниях кружка были заслушаны и обсуждены доклады «Экономическая традиция в истории России»,

«Первые русские купцы», «Роль купечества в Отечественной войне 1812 года», «Предпринимательские династии» и др. Выступления сопровождаются мультимедийными презентациями и завершаются дискуссией по обсуждаемым вопросам.

Изучение вопросов историко-культурного наследия учитывает характер современного образовательного запроса, который формируется в условиях многонационального российского социума. Это системная, комплексная и творческая работа, которая должна отвечать современным общественным реалиям. Многоплановое изучение культурно-исторических традиций позволяет создать предпосылки для духовно-нравственного развития и воспитания студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вяземский Е. Е., Евладова Е. Б.* Историко-культурный стандарт и школьное историческое образование: к осмыслению тенденций развития образования // Преподавание истории в школе. 2018. № 4. С. 5–10.
- Вяземский Е. Е., Стрелова О. Ю.* Национально-региональный компонент исторического образования: пособие для учителя. М.: Просвещение, 2008. 160 с.
- Вяземский Е. Е., Стрелова О. Ю.* Национально-региональный компонент исторического образования в России: Монография. Saarbrücken, Deutschland : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 138 с.
- Крючкова Е. А.* Воспитательный потенциал историко-культурного стандарта // Современная наука. 2015. № 3. С. 71–73.

УДК 316

А. Н. Александров, А. В. Сальников

Александров А. Н., начальник научно-исследовательского отделения Научно-исследовательского центра (социологического) ВС РФ; адъюнкт кафедры социологии Военного университета МО РФ; e-mail: dekston@rambler.ru

Сальников А. В., научный сотрудник Научно-исследовательского центра (социологического) ВС РФ; адъюнкт кафедры социологии Военного университета МО РФ; e-mail: alexeysalnikov21539@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АВТОРИТЕТА КОМАНДИРОВ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается понятие «авторитет» как социальное явление. Кратко раскрываются научные подходы к его пониманию. Объясняются сущность, структура и виды авторитета командира. Авторами сделана попытка классификации командиров в зависимости от степени их авторитетности среди подчиненных. В завершении статьи делается вывод о роли авторитета командира в воинском коллективе.

Ключевые слова: авторитет; морально-нравственные качества личности; профессиональные качества личности; доверие командиру; уважение командира; авторитетность; воинский коллектив; военно-социальное управление.

A. N. Alexandrov, A. V. Salnikov

Alexandrov A. N., Head of the research unit of The Research center (sociological) of the Armed Forces of the Russian Federation; e-mail: dekston@rambler.ru

Salnikov A. V., researcher of The Research center (sociological) of the Armed Forces of the Russian Federation; e-mail: alexeysalnikov21539@mail.ru

THE THEORETICAL BASIS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH THE AUTHORITY OF COMMANDERS IN THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with authority as a social phenomenon. Scientific approaches to its understanding are briefly revealed. The essence, structure and types of

authority of the commander are explained. The authors made an attempt to classify commanders depending on the degree of their authority among subordinates. At the end of the article the conclusion is made about the role of the authority of the commander in the military team.

Key words: authority; moral qualities of the person; professional qualities of the person; trust to the commander; respect of the commander authority; military collective; military-social management.

Глубокие изменения в идеологии нового российского общества привели к изменениям в ценностно-смысловой сфере личного состава армии и флота. Также изменилось и содержание социальных явлений и процессов в воинских частях и подразделениях. Появились новые критерии оценки эффективности деятельности командира, изменилось мотивационно-ценностное ядро выбора передовых военнослужащих в подразделениях, наполнилось новым содержанием внутригрупповое единство подразделений, изменились показатели успешности военной службы [Барановский, Веремчук 2015].

Авторитет является одной из форм осуществления власти, с помощью которой обеспечивается контроль действий людей и их согласование. Авторитет – комплексное интегральное качество субъекта (носителя авторитета), которое складывается из многих свойств, получивших широкое признание, выражает особого рода общественные отношения между людьми и их общностями, которые основаны на доверии к качествам, достоинствам его носителя, к его харизме [Социологическая энциклопедия... 2003].

Под авторитетом принято понимать социально-психологическое влияние одного человека (или группы лиц) на других людей – руководителя на руководимых, учителя – на учеников, командира – на подчиненных, коллектива – на личность, вышестоящего органа – на подчиненную организацию [Военная педагогика и психология... 1986]. Авторитет – слово латинского происхождения, означает – *достоинство, сила, власть*. Следовательно, понятие «авторитет» сходно с понятием «лидерство».

В широком смысле авторитет рассматривается как общепризнанное неформальное влияние в различных сферах общественной жизни, основанное на знаниях, нравственных достоинствах, опыте. В узком смысле – как формальное влияние или как одна из форм осуществления власти.

Авторитет имеет социальную природу, он не задается априори, а приобретается, зависит от эффективности выполнения субъектом своих социальных функций. Он не сохраняется длительное время, если не подкрепляется последующей деятельностью, опирается прежде всего на добровольное признание влияния субъекта, его уважение, а не на принуждение и насилие. Эффективность авторитета во многом определяется взаимодействием его с другими формами осуществления власти.

В отличие от внешнего принуждения, опирающегося на постоянную возможность прямого применения силы (насилия), власть авторитета поддерживается моральными основаниями (нравственными качествами субъекта), рационально обоснованной системой правовых норм, обеспечивающей законность, а также харизмой лидера, предполагающей его экстраординарное влияние. В первом случае возникает традиционный способ закрепления авторитета, во втором – рационально-легальный, в третьем – харизматический. Узаконены все основные элементы механизма образования авторитета: институты, через которые он осуществляется, авторитетные роли его носителя, утверждающие его своими действиями, способ провозглашения и структура самих авторитетных требований и распоряжений.

Американский социолог Э.Шилз в развитие веберовской концепции легитимации авторитета рассматривает его как способ принятия на себя субъектами авторитета обязательств [Шилз 1972]. Процедуры провозглашения авторитетных норм, распоряжений осуществляются на основе доверия, веры. Речь идет о вере в некую прямую или косвенную связь с высшей «легитимирующей властью», которой может считаться воля бога, «завет» основателей государства или общества, «воля народа», «естественное право» и т. д.

Таким образом, не только харизматический, но и традиционный и рационально-легальный способы узаконения авторитета, по Э.Шилзу, также покоятся на «вере в некую связь» со священным, т. е. харизматическим, источником. Отличие этих двух от харизматического способа легитимации авторитета он усматривает лишь в том, что в первых двух случаях связь с сакральным источником представляется не прямой, а опосредованной.

Подобно М. Веберу, его современные последователи полагают, что в легитимации нуждаются не только правящие круги, т. е. «субъекты» авторитета, но и подданные, т. е. «объекты» авторитета, исполнители обращенных к ним распоряжений. Основные современные ориентации в подходе к анализу (а затем и оценке) социальной функции авторитета различаются в зависимости от того, какой из выделенных «идеальных типов» принимается за наиболее соответствующий самому «принципу» авторитета. Некоторые социологи, выдвигающие в качестве такового харизматический авторитет, склонны рассматривать его как результат чистого произвола. Существует ограниченная связь авторитета с политическим насилием, о необходимости развенчания всяких авторитетов («идеологического камуфляжа») с целью создания «общества без авторитетов», каковым и считается «подлинно демократическое» общество. Им противостоит антилиберальный (ницшеанский) взгляд на авторитет как на необходимый инструмент «воли и власти». Политики, берущие в качестве «модели» рационально-легальный авторитет, отстаивают его в качестве необходимого элемента либерально-конституционной власти. Политологи, ориентирующиеся на традиционный авторитет как на основополагающий, расходятся в оценке его социальных функций в зависимости от того, тяготеют ли они к консервативной или радикальной политической ориентации. Консерваторы считают «традиционность» авторитета условием его «стабилизирующей» функции в обществе, радикалы традиционность авторитета рассматривают как один из важных тормозов на пути «общественно-прогресса».

Авторитет положения – власть, которой обладают все представители определенного должностного уровня в рамках организации над всеми теми, кто занимает в ней подчиненное положение, вне зависимости от наличия каких бы то ни было иных социальных различий между представителями этих двух групп [Коджаспирова, Коджаспиров 2005]. Так, врачи обладают авторитетом положения по отношению ко всем больным, включая тех, кто имеет вне стен лечебного учреждения несравненно более высокий статус. То же самое можно сказать о преподавателях, в составе аудитории которых могут быть лица с более высоким социальным статусом.

Авторитет командира – интегрирующая характеристика его профессиональных, личных и деловых качеств, которая отражает их оценку большинством окружающих (прежде всего подчиненными). Авторитет командира является неременным условием эффективной организации управления.

Реальный авторитет командира определяется соответствием указанных качеств требованиям, предъявляемым к нему характером профессиональной деятельности и занимаемой должностью, соотношением *формального* авторитета (должностного авторитета, авторитета власти) и *неформального* (авторитета лидера коллектива, личности руководителя). С учетом основных *социальных ролей* руководителя выделяют его авторитет администратора, педагога, профессионала производственной деятельности, а также и организатора управленческой деятельности, обучения и воспитания подчиненных. Для эффективной организации управления важно гармоничное сочетание всех указанных компонентов авторитета.

Авторитет командиров структурно состоит из следующих компонентов (см. рис. 1).

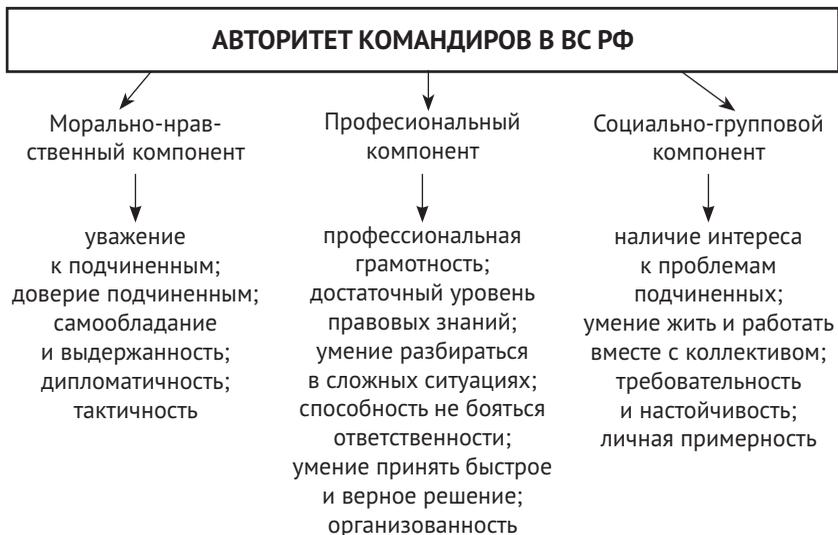

Рис. 1. Структура авторитета командиров в ВС РФ

Морально-нравственный компонент определяет уровень воспитанности командира, степень уважения подчиненных, способность мыслить логически и здраво для построения всей своей деятельности в целом и работы с отдельными подчиненными, в частности.

Профессиональный компонент обуславливает не только объем знаний командира, но и умение их применять на практике. Кроме того, этот компонент устанавливает способность мыслить творчески и подходить нестандартно к решению тех или иных вопросов.

Социально-групповой компонент – это прежде всего восприятие командиром воинского коллектива как единого целого, руководителем которого он является. При этом он обязан быть примером для подчиненного личного состава во всем и добиваться добросовестного выполнения задач настойчиво и требовательно.

Командиры должны обладать авторитетом в полном смысле этого слова. В противном случае эффективность выполнения задач подчиненным личным составом будет заметно ниже, воинская дисциплина хуже, а морально-психологический климат в подразделениях недоброжелательный.

В каждом воинском коллективе, как правило, есть несколько авторитетных людей. Они являются своеобразными носителями духовного, нравственного богатства коллектива, его силы. Проявление авторитета в воинском коллективе обусловлено групповым характером воинского труда. В сфере коллективных действий возникает система межличностных взаимоотношений, проявляющаяся в форме авторитета. Авторитет командиров бывает следующих видов (см. рис. 2) [Рудской 2004].

Рис. 2. Виды авторитета командиров

Должностной авторитет – это воздействие командира на коллектив властью, данной ему должностным положением. Данный вид авторитета можно также назвать *формальным*. Командир, обладающий *только* этим видом авторитета, не является для своих подчиненных образцом для подражания и тем более «батяней», ради которого они пойдут на выполнение любых задач.

Моральный авторитет – это проявление нравственных, духовных качеств лидера. Командир, обладающий им, как правило, пользуется доверием подчиненных, их уважением. Не обладая моральным авторитетом, не состоится никакой руководитель. Ошибка некоторых руководителей в том, что они делают упор на должностной авторитет, порой не замечая, что пренебрегают нравственной требовательностью к себе. А при этом не могут сложиться нормальные, здоровые отношения с подчиненными.

Профессиональный авторитет присущ командиру, в совершенстве владеющему своей специальностью, всем комплексом порученного дела. Такие люди могут умело обучать и воспитывать подчиненных, мобилизовать их на выполнение стоящих перед коллективом задач.

Командир, пользующийся всеми видами авторитета, наиболее уважаем подчиненными и имеет большое воздействие на воинский коллектив. Эффективность служебной деятельности такого воинского коллектива при этом наиболее высокая.

Процесс становления авторитета проходит следующие стадии:

- воздействие внешних факторов – самоутверждение командира в глазах подчиненных;
- проявление желания подражать командиру – реакция подчиненных на действия своего руководителя;
- подтверждение собственного авторитета – личная примерность командира, четкое следование принципам и недопущение вольностей как со своей стороны, так и со стороны подчиненных.

Авторитету командира в армии принадлежит исключительная роль, которая по своему предназначению и по специфике организации немислима без подчинения. В настоящее время роль командира-единоначальника еще больше возросла. Многие задачи, стоящие перед воинскими частями в современных условиях, требуют большого напряжения всех физических и духовных сил военнослужащих, высочайшей оперативности в принятии решений. В этих условиях твердая воля командира, его мастерство, организаторские способности, умение влиять на умы и сердца подчиненных имеют огромное значение.

Важно, что завоевание авторитета командиром – дело длительное и кропотливое, требующее большого труда и напряжения, всестороннего самосовершенствования, постоянного анализа своей деятельности, поведения, взаимоотношений с людьми.

В социальной психологии в последние годы наметилась классификация командиров в связи с их авторитетом и стилем руководства. Различаются, в частности, руководителей авторитарного, демократического и либерального стилей.

Однако полное и правильное представление о типичной личности командира нельзя получить без учета степени его авторитетности, во многом определяемой базовыми – морально-психологическими, профессионально-деловыми и организаторскими качествами.

Более точной представляется следующая классификация командиров [Рудской 2004]:

- истинно авторитетный, сочетающий черты единоначалия и справедливого управления;
- преимущественно авторитарный;
- преимущественно либеральный;
- псевдоавторитетный.

Отмечая личные качества, от которых зависит истинный авторитет командира, следует особо выделить его способность в критическую минуту сложной боевой или служебной обстановки своевременно принять обоснованное решение и, не допуская колебаний и возражений, проводить его в жизнь. Большую роль здесь играет проявление им твердости, целеустремленности и настойчивости, сильной воли, умения потребовать от подчиненных беспрекословного выполнения своих обязанностей, приказов и распоряжений, вдумчивости, стремления понять психологию коллектива и каждого подчиненного, трезвая оценка удач и ошибок и извлечение для себя урока на будущее. Важно и то, чтобы командир умел учитывать опыт, знания подчиненных. Всё это обеспечивает ему успех в деятельности и истинный авторитет среди личного состава.

Незначительные отклонения от истинного авторитета характерны для двух следующих видов: преимущественно авторитарный и преимущественно либеральный. При всех основных чертах истинного авторитета преимущественно авторитарный руководитель отличается тем, что, хотя он и советуется с людьми, обращается к общественности, в принятии решений практически полагается на свой опыт, личное волеизъявление в его решениях превалирует.

Преимущественно либеральный руководитель, напротив, склонен к переоценке сил общественности, к некоторой робости в принятии решений.

Большинство командиров благодаря высокому уровню военно-технической и психологической подготовки успешно руководят воинскими коллективами. Они пользуются у подчиненных истинным, непререкаемым авторитетом. Вместе с тем жизнь показывает, что некоторые, командиры, не зависимо порой от уровня их знаний и опыта руководства людьми, допускают серьезные ошибки. Встретившись в работе с трудностями, они нередко становятся на путь завоевания ложного авторитета, или псевдавторитета.

Существуют шесть основных видов псевдавторитета командиров [Макаренко 1990].

Псевдавторитет подавления. Его сущность состоит в стремлении командира путем демонстрации превосходства в правах держать подчиненного в постоянном напряжении перед возможностью наказания. Понятно, что каких-либо объективных социально-экономических и политических предпосылок для существования подобного авторитета в российской армии нет. Но даже единичные его проявления приносят огромный вред, поскольку они порождают отчужденность между начальником и подчиненными, стимулируют формирование у одних воинов чувства личной приниженности, у других – чувства протеста и неуважения к руководителю.

Псевдавторитет расстояния. Выражается в стремлении командира всегда держать подчиненных на определенной дистанции, как можно реже и только официально общаться с ними, быть для них малодоступным. Сторонники такого авторитета стремятся закрепить его путем создания искусственных, бюрократических барьеров между собой и подчиненными, установления для себя различного рода привилегий, искусственного выделения из коллектива, самовозвеличивания.

Псевдавторитет чванства. Чванливый командир формально или подчеркнуто снисходительно относится к подчиненным, не вникает в их нужды и запросы. Всем своим видом, позой, напускной важностью он унижает подчиненных, подчеркивая исключительность своей персоны. Как правило, такие люди особенно нетерпимо относятся к критике.

Псевдавторитет педантизма. Отдельные командиры создают в подчиненном воинском формировании целую систему лишних и ненужных условностей, искусственно насаждаемых мелочных традиций и стремятся превратить эти условности в самую суть

требовательного отношения к людям. Всё это порождает атмосферу мелочного педантизма, постоянных, не согласующихся с требованиями устава и здравым смыслом мелких придирок, заставляет людей в повседневном быту испытывать неуверенность в своих действиях, скованность, напряженность. Иногда командиры стремятся внести искусственную и не предусмотренную уставами регламентацию, расписать до мельчайших подробностей всю жизнь части или подразделения, каждый шаг подчиненных.

Псевдоавторитет резонерства. В стремлении завоевать авторитет отдельные командиры пытаются показать себя всезнающими и досаждают своим подчиненным бесконечными поучениями и назиданиями. Не считаясь с тем, что подчиненным ясна суть той или иной нравственной, житейской или служебной ситуации, такие начальники всегда ведут длинные, нудные разглагольствования, искренне полагая, что эти нотации и есть главное средство воспитания.

Псевдодемократический авторитет имеет также свои разновидности. Это авторитет «рубахи-парня» или авторитет подкупа, посула. Отдельные командиры полагают, что они могут завоевать авторитет и уважение своих подчиненных попустительством, снижением требовательности.

Жизнь показывает, что свое искреннее уважение и любовь военнослужащие питают к требовательным, а вместе с тем заботливым и внимательным командирам.

Авторитет командира как любое социально-психологическое явление динамичен. Он может развиваться, усиливаться, а при определенных условиях, наоборот, снижаться и даже совсем утрачивать силу. При этом неопровержимым является то, что легче сохранить и упрочить сложившийся авторитет, чем заново восстановить утраченный.

Авторитет во многом зависит от энтузиазма командира, его умения работать с подчиненными. Он необходим для успешного и эффективного решения задач боевой подготовки. Ведь чем больше авторитет командиров, тем более эффективно и быстро выполняются боевые и повседневные задачи.

Таким образом, авторитет командира в воинском коллективе – наиважнейшая черта, без которой невозможно полноценное и качественное военно-социальное управление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барановский М. В., Веремчук В. И.* Социальные аспекты отношений доверия в процессе руководства воинским подразделением // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2015. № 1(24). С. 94–99.
- Военная педагогика и психология / под ред. А. В. Барабанщикова. М.: Воениздат, 1986. 443 с.
- Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю.* Словарь по педагогике. М.–Ростов н/Д: МарТ, 2005. 448 с.
- Макаренко А. С.* О воспитании. М.: Политиздат. 1990, 416 с.
- Рудской И. И.* Общая и военная психология: в 2 ч.. Ч. 2. Военная психология. М.: Граница, 2004. 386 с.
- Социологическая энциклопедия: в 2 т. В. Н. Иванов М.: Мысль, 2003. 863 с.
- Шилз Э.* Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология. Перспективы. Проблемы Методы. М. 1972. 342 с.

УДК. 316.4

А. В. Половнев, А. В. Третьяков

Половнев А. В., доцент, кандидат социологических наук; доцент кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ; e-mail: polovnev_av@mail.ru

Третьяков А. В., адъюнкт кафедры социологии Военного университета; научный сотрудник Научно-исследовательского центра (социологического) ВС РФ; e-mail: alex_socium89@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

В публикации последовательно рассматриваются базовые категории и подходы, сложившиеся в социологии и других областях знания при изучении профессиональной ориентации. На основе обобщения научных источников в статье выделяется два ключевых подхода к исследованию профессиональной ориентации. В первом подходе при изучении профессиональной ориентации подчеркивается влияние субъективного компонента на процесс формирования профессиональной ориентации, с акцентом на ведущую роль субъективных характеристик и активность личности в процессе профессионального самоопределения. В другом подходе отмечается влияние объективного, внешнего по отношению к индивиду воздействия (социального, педагогического, информационно-пропагандистского). В социологических исследованиях военно-профессиональной ориентации чаще всего опираются на второй подход, при котором она рассматривается как система организационных, психологических и педагогических мероприятий, направленных на формирование у различных категорий граждан направленности и готовности к прохождению военной службы. В качестве объектов военно-профессиональной ориентации могут выступать различные категории как гражданских лиц, так и действующих военнослужащих. В представленной статье, наряду с традиционными формами военно-профессиональной ориентации – просвещение, воспитание, консультирование, отдельно предлагается изучать и развивать социологическое информационно-аналитическое обеспечение военно-профессиональной ориентации.

Ключевые слова: профессиональная ориентация; военно-профессиональная ориентация; военная служба по контракту; социологическое обеспечение; социологическое информационно-аналитическое обеспечение.

A. V. Polovnev, A. V. Tretyakov

Polovnev A. V., PhD (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: polovnev_av@mail.ru

Tretyakov A. V., Post-graduate student of the sociology department of the Military University, Researcher Research Centre (Sociological) of the Armed Forces of the Russian Federation; e-mail: alex_socium89@mail.ru

**THEORETICAL FOUNDATIONS
OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS AND PROVISION
OF MILITARY-PROFESSIONAL ORIENTATION**

This publication consequentially examines basic categories and approaches developed in sociology and other fields of knowledge in the study of vocational guidance. On the basis of scientific sources generalization, the article identifies two key approaches to the study of vocational guidance. When studying vocational guidance, the first approach emphasizes the influence of a subjective component on the process of professional orientation establishing, with emphasis on the leading role of subjective characteristics and activity of an individual in the process of professional self-determination. Another approach pays attention to an influence of an objective, external impact on an individual (social, pedagogical, informational and propagandistic). Sociological studies of professional military orientation are usually based on the second approach, which is viewed as a system of organizational, psychological and pedagogical measures aimed at building orientation and readiness for military service for various categories of citizens. Various categories of civilians and active servicemen can be viewed as objects of professional military orientation. The present article separately proposes to study and develop sociological information and analytical support for professional military orientation along with traditional forms of professional military orientation, such as education, upbringing, counselling.

Key words: professional orientation; professional military orientation; military service under the contract; sociological support; sociological information and analytical support.

Социологический анализ предусматривает изучение социальных явлений на теоретическом и эмпирическом уровне. Теоретический уровень призван рассматривать социальные явления и процессы с точки зрения их сути, т. е. познание того, что собой они представляют, как развиваются и совершенствуются знания о них в рамках социологической науки, а также обобщение накопленных знаний для характеристики современного состояния, выявления закономерностей, тенденций и перспектив развития. В данной

публикации будут представлены теоретические основы социологического анализа военно-профессиональной ориентации и ее социологического обеспечения как одного из видов деятельности, способствующего оптимизации данного процесса с учетом современных условий.

Теоретическое познание военно-профессиональной ориентации возможно реализовать путем последовательного анализа базовых понятий, лежащих в его основе. Ключевым элементом составного понятия «военно-профессиональная ориентация» выступает термин «ориентация», который происходит от латинского *oriens* (*восток*) и буквально означает «определение своего положения в пространстве» [Российская социологическая энциклопедия 1998; Социология: энциклопедия ... 2003].

В социологических источниках понятие «ориентация» часто представляется как элемент общественного, группового или индивидуального сознания – «целая система установок, в свете которых личность (группа) воспринимает ситуацию и в соответствии с ними предполагает соответствующий образ действий» [Кон 1999]. При этом часто отмечается, что ориентации, по сути своей, как социальные, так и индивидуальные. Социальные, так как обусловлены положением личности в социальном пространстве и системой воспитания, пропаганды, т.е. внешним воздействием. Индивидуальные, поскольку в них аккумулируется неповторимый жизненный опыт конкретного индивида, своеобразие его социально-психологических особенностей, интересов и потребностей [Половнев 2005].

Схожий взгляд в социологии предлагался Т. Парсонсом, который рассматривал ориентацию как элемент системы социального действия в форме представлений, имеющихся у действующего индивида по отношению к ситуации, с точки зрения того, что он хочет (его цели), что он в ней видит (как ситуация ему представляется) и как он намеревается поступать с объектами, которые видятся ему как предметы его желаний [Парсонс 2002].

Сегодня категория «ориентация» является составным элементом многих понятий, характеризующих специфику того пространства, в рамках которого определяется или ищет ориентиры личность. Достаточно часто используются словосочетания – *социальная*

ориентация, политическая ориентация, ценностная ориентация, сексуальная ориентация и др. Одним из важнейших пространств, в которого происходит поиск и определение человеком ориентиров, является профессиональное пространство, которое представляет собой совокупность профессий, составляющих в целом профессиональную структуру общества.

В социологии сложилось несколько ключевых подходов к *профессиональной ориентации*. Один из них рассматривает ее как процесс определения индивидом вида трудовой деятельности, в которой он хочет себя проявить или направленность индивида на вхождение в определенную социальную группу общества [Социологическая энциклопедия 2003]. Субъектом профессиональной ориентации в данном случае выступает индивид, объектом – различные профессии, составляющие профессиональное пространство, а результатом профессиональной ориентации становится сформировавшееся отношение человека к определенным профессиям, выражающееся в оценке уровня их привлекательности, предрасположенности и готовности реализовать себя в том или ином профессиональном статусе. При таком подходе профессиональная ориентация рассматривается как «один из видов ценностных ориентаций личности» [Черноволенко, Оссовский, Паниотто 1979], т. е. как элемент сознания или ориентированность субъекта в профессиональном пространстве.

Наряду с этим существует подход, позволяющий рассматривать личность (или социальную группу) в качестве объекта целенаправленной деятельности по ориентированию в профессиональном пространстве. Субъектом ориентирующей деятельности при этом выступают различные организации, должностные или референтные лица. Профессиональная ориентация с этих позиций представляет собой скорее ориентирование, т. е. целенаправленную управленческую деятельность или определенную систему воздействия на личность (группу) с целью формирования соответствующих профессиональных предпочтений [Черноволенко, Оссовский, Паниотто 1979].

Двойственный взгляд на процесс профессиональной ориентации характерен не только для социологической науки. Например, в педагогических исследованиях предлагались следующие

рекомендации: если человек пытается ориентироваться в мире профессий и начинает активно выяснять, насколько та или иная конкретная профессия соответствует его жизненным устремлениям, то в этом случае лучше говорить об ориентации на профессию, если же он становится объектом педагогического или иного воздействия с целью выбора подходящей для него и для общества профессии, то в этом случае лучше говорить об ориентации в смысле ориентирования его на профессию [Профессиональная ориентация учащихся ... 1988].

В связи с тем, что сложилось два принципиальных взгляда на профессиональную ориентацию, в источниках отмечается, что социологический анализ с позиций одного из подходов может привести к методологической ограниченности, в результате чего либо личности будет отводиться пассивная роль объекта профессиональной ориентации, без должного внимания к процессу профессионального самоопределения, в ходе которого личность, как активный субъект конструирует собственный путь профессионального развития, либо процесс формирования профессиональной ориентации будет анализироваться без учета взаимодействия с социокультурной средой и целенаправленной деятельностью различных социальных институтов и организаций, в функции которых входит профориентационная деятельность. Одним словом, односторонний подход может привести к искусственному вычленению отдельных сторон из общего целого и неоправданному приданию им доминирующего значения [Половнев 2005].

Теоретический анализ работ, посвященных профессиональной ориентации показывает, что при ее изучении исследуются преимущественно различные категории учащейся молодежи. Достаточно часто профессиональная ориентация в социологических исследованиях изучается в контексте намерений молодежи относительно конкретных профессиональных сфер. Как правило, это профессиональные сферы в которых на определенном историческом отрезке ощущается дефицит кадров и которым отводится в обществе существенная социально-значимая роль. Именно в связи с этим с начала XX в. определенное место в научно-исследовательских поисках отводилось и проблемам военно-профессиональной ориентации.

В понятии «военно-профессиональная ориентация», кроме рассмотренных выше понятий «ориентация» и «профессиональная ориентация», специально подчеркивается специфика сферы в которой и осуществляется поиск профессиональной занятости. Сегодня в связи с развитием военной службы по контракту под военно-профессиональной ориентацией в самом кратком ее определении подразумевается ориентация на военную профессию, под которой понимают необходимый для вооруженной защиты Отечества род трудовой деятельности, требующий специальной военно-теоретической и практической подготовленности, определенных индивидуально-психологических качеств и являющийся источником доходов для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту [Военная профессиология 2004].

Вместе с тем термин «военно-профессиональная ориентация», как и профориентация, рассматривается в научных источниках с различных теоретических позиций. Для развития и совершенствования данного процесса наибольшее значение приобретает подход, рассматривающий военно-профессиональную ориентацию с управленческих позиций. В военной профессиологии данный подход получил наибольшее распространение, подразумевая под *военно-профессиональной ориентацией* комплекс научно-обоснованных организационных и психолого-педагогических мероприятий, направленных на формирование у граждан психологической готовности к овладению военно-учетными специальностями, призыву на военную службу, обучению в военных образовательных учреждениях профессионального образования по соответствующим специальностям и поступлению на военную службу по контракту [Военная профессиология 2004].

В качестве объектов военно-профессиональной ориентации могут выступать различные категории как гражданских лиц, так и действующих военнослужащих. Сложившаяся в российском обществе демографическая ситуация, характеризующаяся существенным снижением за последнее десятилетие численности молодежи от 18 до 30 лет, развитие профессиональной армии, основанной на добровольном принципе комплектования и повышенные требования к качественным характеристикам военнослужащих по контракту, обуславливают особое внимание обратить на военно-

профессиональную ориентацию потенциальных кандидатов на военную службу по контракту, которая с точки зрения социального управления представляет собой целенаправленный процесс воздействия органов военного управления на привлечение и качественный отбор кандидатов на военную службу по контракту.

С позиций социального управления военный социолог А. Мурачев определял *военно-профессиональную ориентацию* как социально обусловленную деятельность государственных и общественных организаций по оптимизации процесса военной профессионализации представителей молодого поколения, пригодных к военной службе по контракту, с целью формирования и поддержания у них высокого уровня готовности к этой службе в соответствии с объективными потребностями обороны страны. Под готовностью к военной службе по контракту при этом понималось устойчивое состояние личности, обусловленное ее предрасположенностью и подготовленностью к сознательному избранию военной службы по контракту как приоритетного вида жизни и деятельности и выполнению профессионально значимых задач, определяемых этой службой [Мурачев 1997].

В военной профессиологии традиционно выделяется три основных формы военно-профессиональной ориентации граждан: военно-профессиональное просвещение, военно-профессиональное воспитание, военно-профессиональное консультирование. Военно-профессиональное просвещение предусматривает доведение до граждан сведений о военных профессиях и специальностях. Среди ключевых направлений военно-профессионального просвещения чаще всего выделяют информирование, агитацию и пропаганду военной профессии. Военно-профессиональное воспитание направлено на развитие профессиональных интересов и склонностей граждан, формирование положительного отношения к военной службе по контракту через спланированную систему воспитательных мероприятий. Военно-профессиональное консультирование, предусматривает предоставления рекомендаций о выборе военной профессии и специальности с учетом индивидуальных особенностей кандидатов, их профессиональных интересов, уровня и направленности профессиональной подготовки, а также исходя из требований, предъявляемых к человеку

различными видами воинской деятельности [Военная профессионалогия 2004].

Изменения в обществе и армии подталкивают к непрерывному совершенствованию процесса военно-профессиональной ориентации. Оптимизацию военно-профессиональной ориентации в современных условиях сложно себе представить без социологического обеспечения. Термин «социологическое обеспечение деятельности органов военного управления» был тщательно проанализирован И. В. Образцовым. По его мнению, *социологическое информационно-аналитическое обеспечение деятельности органов военного управления* следует рассматривать как комплекс мероприятий по информационной и аналитической поддержке решений командиров (начальников) посредством регулярного и оперативного предоставления им социологической информации о текущих и прогнозируемых состояниях, характере поведения объектов управления [Образцов 1999]. При анализе сущности понятия «социологическое обеспечение» И. В. Образцов совершенно справедливо выделил три ключевых его признака: во-первых, наличие специфического обслуживания деятельности какого-либо социального института (образования, государственной службы, воспитания и др.) или органа управления; во-вторых, специфику этого обслуживания, заключающуюся в предоставлении необходимой для их успешного функционирования информации (знаний), получаемой средствами социологической науки; в-третьих, в наличие действующих в интересах и, как правило, в составе органов управления специализированных научно-исследовательских подразделений социологического профиля [Образцов 1999].

Ведущая методическая, организационная и информационно-аналитическая роль в социологическом обеспечении управленческой деятельности военного руководства в российской армии долгие годы отводится Научно-исследовательскому (социологическому) центру Вооруженных Сил Российской Федерации, зародившемуся в конце 1980-х гг. [Образцов 2014]. За последнее десятилетие одним из основных направлений в деятельности данного научного центра стало социологическое обеспечение военно-профессиональной ориентации на военную службу по контракту.

Социологическое информационно-аналитическое обеспечение военно-профессиональной ориентации кандидатов на военную службу по контракту в ВС РФ следует рассматривать как деятельность, направленную на сбор и получение информации с помощью социологических методов, ее последующий анализ и подготовку информационно-аналитических материалов (документов) органам военного управления, необходимых для оценки современного состояния и совершенствования направлений и мероприятий по военно-профессиональной ориентации.

Для изучения современного состояния и разработки рекомендаций по совершенствованию военно-профессиональной ориентации кандидатов на военную службу по контракту в ходе социологических исследований целесообразно выявлять и анализировать следующие показатели:

- социально-демографические характеристики кандидатов на военную службу по контракту;
- готовность кандидатов на военную службу по контракту к службе в Вооруженных Силах Российской Федерации;
- степень удовлетворенности кандидатов предлагаемими условиями прохождения военной службы, порядком профессионального отбора и процедурой оформления документов для заключения контракта;
- оценку значимости и привлекательности предоставляемых социальных гарантий военнослужащим по контракту;
- рейтинг источников получения информации кандидатами на военную службу по контракту об условиях военной службы;
- пользующиеся доверием у кандидатов источники информации об условиях военной службы по контракту.

В последние годы популярным направлением социологического обеспечения военно-профессиональной ориентации на военную службу по контракту стало социологическое сопровождение профориентационных мероприятий в мобильных пунктах отбора военнослужащих по контракту. Проводимые мероприятия и их социологическое сопровождение позволяют не только привлечь дополнительный контингент для прохождения военной службы по контракту, но и получить дополнительную информацию

о мотивах, степени готовности и социальном составе кандидатов на военную службу по контракту. Данная информация, полученная с использованием социологических методов, позволяет лучше понять контингент, ориентирующийся на военную службу в современной российской армии и разработать на основе данной информации направления по повышению эффективности мероприятий по военно-профессиональной ориентации граждан [Третьяков, Половнев 2016].

Таким образом, проведенный теоретический анализ военно-профессиональной ориентации позволил выделить два основных подхода к ее изучению. Первый рассматривает военно-профессиональную ориентацию как внутренние свойства человека, отражающие направленность личности на выбор военной профессии. Второй подход рассматривает ее как внешнее по отношению к личности воздействие, посредством военно-профессионального просвещения, воспитания и консультирования. Важная роль в процессе управления военно-профессиональной ориентации кандидатов на военную службу по контракту на современном этапе отводится социологическому информационно-аналитическому обеспечению, которое реализуется и активно развивается Научно-исследовательским (социологическим) центром ВС РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Военная профессиология. М. : ВУ, 2004. 276 с.
- Кон И. С.* Социология личности // Социологическая психология. М.– Воронеж : Моск. Психол.-соц. Ин-т : МОДЭК, 1999. 560 с.
- Мурачев А. П.* Военно-профессиональная ориентация молодежи в системе формирования готовности к службе военнослужащих по контракту: социол. анализ : дис. ... канд. социол. наук. М., 1997. 237 с.
- Образцов И. В.* Процесс институционализации военной социологии в России // Социологические исследования. 2014. № 7 (363). С. 134–145.
- Образцов И. В.* Социологическое обеспечение деятельности высших органов управления вооруженными силами: исторический опыт, современное состояние и перспективы. М. : Военная академия Генерального штаба ВС РФ, 1999. 415 с.
- Парсонс Т., Шилз Э., Олдс Д.* К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук // О структуре социального действия. М. : Академический Проект, 2002. 880 с.

- Половнев А. В.* Военно-профессиональная ориентация молодых офицеров ВС РФ и ее формирование в современных условиях: дис. ... канд. социол. наук. М., 2005. 260 с.
- Профессиональная ориентация учащихся: учеб. пособие для студентов педагогических институтов / под ред. А. Д. Сазонова. М.: Просвещение, 1988. 223 с.
- Социологическая энциклопедия. Мн.: Беларуская Энцыклопедыя, 2003. 384 с.
- Социология: Энциклопедия. Мн.: Книжный Дом, 2003. 1312 с.
- Третьяков А. В., Половнев А. В.* Военно-профессиональная ориентация граждан в пунктах отбора на военную службу по контракту // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Общественные науки. 2016. № 2 (767). С. 206–213.
- Черноволенко В. Ф., Оссовский В. Л., Паниотто В. И.* Престиж профессий и проблемы социально-профессиональной ориентации молодежи. (Опыт социологического исследования). Киев: Наукова думка, 1979. 214 с.

УДК 311

В. Л. Примаков

доктор социологических наук, профессор;
профессор кафедры социологии ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: vprim2007@yandex.ru

МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматривается проблема анализа и интерпретации данных социологических исследований, а также предлагается авторский методологический подход к ее решению. Формулируются и разъясняются методологические принципы анализа и интерпретации первичных и вторичных данных, получаемых в ходе эмпирических социологических исследований.

Ключевые слова: социологическое исследование; эмпирические данные социологического исследования; методология анализа и интерпретации данных; методологические принципы анализа данных социологического исследования.

V. L. Primakov

Doctor of sociological sciences, Professor of the department of Sociology of Institute for International Relations and Social and Political Sciences, MSLU;
e-mail: vprim2007@yandex.ru

THE METHODOLOGY OF THE ANALYSIS AND INTERPRETATION OF EMPIRICAL SOCIOLOGICAL RESEARCH DATA

The problem of the analysis and interpretation of sociological research data is analyzed in the article. Author's methodological approach to its decision is considered. The methodological principles of the analysis and interpretation of primary and secondary data obtained during the empirical sociological research are formulated and explained.

Key words: sociological research; empirical data of a sociological research; methodology of the analysis and interpretation of data; methodological principles of the analysis of sociological research data.

Научное социологическое исследование – один из основных способов получения достоверных и обоснованных знаний об обществе, различных сферах и сторонах жизни людей, феноменах общественной жизни. Такие исследования являются не только важнейшим элементом развития социологического знания, социологии как науки, но и общественно-научного прогресса в целом. Кроме того, социологическое исследование выступает сферой

профессиональной деятельности специалистов, причем, не только социологов. Сегодня многие научные исследования, диссертации, монографии, статьи, выпускные квалификационные работы из различных областей научного познания всё более опираются на данные и выводы как теоретических, так и, это особенно часто, эмпирических социологических исследований.

Понятно, что организация и проведение социологического исследования достаточно сложный научный процесс. Такое исследование вызвано научной потребностью в изучении сложных общественных и социальных (в самом широком смысле понимания) явлений и процессов в систематическом, обоснованном получении новых знаний об обществе, его элементах и структурах на основе научной методологии, методов, средств, алгоритмов, разрабатываемых и накапливаемых наукой. Социологические исследования проводятся профессионально подготовленными специалистами, обладающими соответствующими знаниями и компетенциями, на основе определенных этических и профессиональных норм. И это последнее умозаключение создает серьезное противоречие в отношении к социологическим исследованиям. С одной стороны, если социологические исследования могут организовывать и проводить только (или главным образом) специалисты, то как можно, что называется, несоциологу, получить интересующую его информацию для нужд конкретной науки (исследования) на основе социологического исследования. Неужели только обратившись к социологу, заказав ему социологическое исследование по интересующей проблеме?

Полагаю, что выход из данной гносеологической проблемы не столь однозначен. Более того, если методологически корректно дифференцировать научные интересы любого исследователя на:

а) теоретические и практические выводы и умозаключения, сформулированные в ходе социологических исследований, осуществленных специалистами;

б) эмпирические данные, собираемые в ходе социологических исследований (также реализуемых специалистами) и используемые для последующего анализа и выводов, то познавательные возможности ученых, исследователей различных научных специальностей существенно расширяются. Основной познавательный вопрос переходит в плоскость формирования и грамотного

приложения методологии анализа и интерпретации искомым теоретических выводов и эмпирических данных социологических исследований.

Представляется, что предлагаемая в статье методологическая основа будет полезна не только несоциологам, но и прежде всего специалистам-социологам. Поскольку именно они, подготавливая и организуя социологическое исследование, разрабатывают и часто реализуют методологические алгоритмы анализа и интерпретации первичной и вторичной эмпирической информации. Более того, как показывает опыт исследований, именно социолог (подчеркну, подготовленный, грамотный и корректный) в состоянии методологически верно поставить статистикам, компьютерщикам, программистам, техническому и иному персоналу задачу на анализ данных, как и интерпретировать полученные результаты. Что, кстати, является исключительно важным и сложным в исследовательской работе.

Современный социолог сегодня – это, по сути, специалист мультинаучного профиля. Он должен обладать широкими теоретическими познаниями в области философии, экономики, политологии, права, психологии, общей социологии и специальных социологических теорий, профессиональных дисциплин, методики и техники социологических исследований и пр. Равно как ему необходимы формализованные знания и компетенции, особенно, из математики, теории вероятностей, статистики, программирования, цифрового анализа. И это не просто пожелание.

К сказанному есть смысл добавить тот факт, что разрабатываемый в рамках ФГОС 3++ профессиональный стандарт определяет основной вид профессиональной деятельности социолога следующим образом: «Организация и проведение социологических и маркетинговых исследований». Среди обобщенных трудовых функций: организация работы по сбору данных социологического и маркетингового исследования; его проектирование; *анализ, интерпретация эмпирических данных; описание, объяснение, прогнозирование* (курсив наш. – В. П.) социальных явлений и процессов на основе результатов социологических и маркетинговых исследований [Обсуждаем профстандарт].

Современный анализ эмпирических данных, особенно, если этот массив достаточно объемен (от десятков записей, респондентов

до терабайтов данных, так называемых *big data*), невозможно проанализировать без использования математико-статистических методов, методик. Именно они лежат в основе различных алгоритмов поиска, фиксации, хранения и анализа первичных и вторичных социологических данных. Поэтому и современная методология анализа и интерпретации данных социологических исследований должна строиться не только на понимании этих методов и алгоритмов, но и на формировании соответствующей математики, статистической и цифровой исследовательской культуры.

В контексте формирования соответствующей культуры есть смысл отметить, что социологические исследования как технология и вид деятельности получили признание на рубеже XIX–XX вв. Само словосочетание историки науки обнаружили в работе известного социолога Э. Дюркгейма «Самоубийство» (1897), где один из подзаголовков имеет название «*étude de sociologie*» – «исследование по социологии». Очевидно, что идея была заимствована из других наук. Сам же термин «социологическое исследование» стал широко использоваться в науке лишь в 1920-х гг. И связывают его с расширением усилий Чикагской социологической школы социальных обследований. Первая американская библиография социальных обследований, составленная в 1930 г., включала 2 775 названий социальных обследований, имевших практически ориентированный характер и слабо связанных непосредственно с развитием социологического знания [Социологическая энциклопедия 2003].

Современное определение социологическому исследованию можно сделать следующее: «социологическое исследование можно определить как логически последовательные методологические, методические и организационно-технические процедуры, связанные между собой единой целью: получить достоверные данные об изучаемом явлении или процессе, о тенденциях и противоречиях их развития, о возможном использовании полученной информации для приращения научного знания и в практике управления общественной жизнью» [Тезаурус социологии 2013].

Социологическое исследование, как специфический способ познания социальной реальности, следует рассматривать с нескольких сторон. *Во-первых*, оно является одним из основных способов

развития социологического знания, добывая для его теоретического уровня новые научные факты, определяя конкретные проявления социологических законов в исследуемых областях, и в конечном итоге обеспечивает научную преемственность социологического познания. *Во-вторых*, социологическое исследование обусловлено общественной потребностью в социальном знании, является составной частью научного и общественного процесса, напрямую зависит от уровня развития общества. *В-третьих*, социологическое исследование является видом профессиональной деятельности, требует специальной подготовки для его проведения, включающей овладение методами и правилами исследовательской работы, глубокое знание предмета. *В-четвертых*, социологическое исследование следует рассматривать не только как вид деятельности, но и как метод, позволяющий изучить окружающую социальную реальность своими, присущими только ему, специфическими приемами, как на уровне теоретического осмысления объекта и предмета исследования, так и на уровне процедуры измерения и анализа полученного результата.

В целом социологическое исследование принято считать разновидностью социальных исследований, изучающих на основе теории квантификации, вероятностных методов, сбора и анализа массовой информации социальные аспекты различных сторон жизни общества, социальные процессы и явления, проявляющиеся в деятельности, мотивах и отношениях людей и социальных групп. При этом социологическое исследование следует отличать от социальных обследований, направленных на сбор систематической социальной информации (различные опросы общественного мнения, статистические обследования и пр.). Подобные методы активно используются в других социальных и гуманитарных науках. Социологическое исследование направлено, главным образом, на приращение социологического знания, чем и определяются требования к постановке задач, формулировке гипотез, использования методик и пр.

В социологии существует достаточно разветвленная классификация видов социологических исследований. Не вдаваясь в подробное описание всех этих видов (основания подобной классификации и характеристика видов рассматриваются в соответствующем

курсе бакалавриата по специальности «Социология»), отмечу, что по характеру цели и исследовательским задачам в базовой классификации выделяют теоретические и эмпирические социологические исследования. Эти исследования фокусируют соответствующие уровни научного познания. При всей условности дифференциации и, соответственно, глубокой взаимосвязи этих уровней познания и видов, которая непосредственно реализуется в конкретном научном исследовательском проекте, в данной статье хотелось бы сохранить угол зрения, ориентированный, главным образом, на эмпирическое социологическое исследование, имеющее целью установление, обобщение и анализ социальных фактов. Ибо в эмпирическом исследовании предметом анализа выступают действия (и бездействия), поступки, характеристики поведения отдельных людей и социальных общностей, конкретные продукты человеческой деятельности (материальной и духовной), а также отражение социальной реальности в фактах общественного сознания (мнениях, установках, оценках, суждениях и пр.). Собственно, анализ именно этих социальных фактов и позволяет прийти к некоторым умозаключениям, выводам, что составляет базу теоретических обобщений.

С другой стороны, обоснованно подчеркнуть, что любое социологическое исследование, как правило, организационно-содержательно разделяется на определенные этапы его реализации. При некотором различии подходов, большинство исследователей выделяют три этапа.

1. Подготовительный этап. Главная задача подготовительного этапа – обеспечить всестороннюю теоретическую, методическую и процедурную основу исследования, определить научно обоснованную логику исследовательского поиска, заложить валидность и надежность его результатов.

2. Этап сбора данных (нередко его именуют полевым исследованием). Этот этап предназначен для организации и осуществления сбора первичной информации по разработанной методике и модели.

3. Заключительный этап, в ходе которого проводится обработка и анализ полученной первичной информации в соответствии с выдвинутыми гипотезами, целями и задачами исследования.

Этот результирующий этап включает в себя несколько подэтапов, основными из которых являются:

- 3.1. подготовка первичных данных к обработке и ввод данных;
- 3.2. обработка (как правило, статистическая) данных в соответствии с разработанным алгоритмом анализа;
- 3.3. анализ (как правило, математико-статистический, но не только, в целом логический, содержательный) полученной информации, проблемных ситуаций и фактов, доказательство или опровержение гипотез;
- 3.4. интерпретация результатов анализа, формулировка содержательных выводов и рекомендаций, подведение итогов, подготовка, составление итогового отчета и его представление.

Особенно необходимо подчеркнуть, что предмет статьи акцентирует внимание на задачах третьего этапа и связан с процедурами анализа и интерпретации эмпирических фактов и статистических данных. При этом хочу обратить внимание на том, что основное содержание учебных курсов для специалистов социологов, как и многочисленной учебно-методической литературы сосредоточено на методах, технологиях и процедурах первого и второго этапов, тогда как аналитические методология и процедуры «отодвинуты» в область профессиональной деятельности, главным образом, математиков, статистиков, программистов, технических специалистов. И методологический «разрыв» между социологами (понимая под ними не только специалистов, но и всех тех, кто занимается анализом и интерпретацией социальных фактов) и «технарями» сокращается крайне медленно. При этом и первые, и вторые прекрасно понимают взаимную необходимость друг в друге, правильнее сказать, в синтетических знаниях из обеих областей научной методологии анализа и интерпретации социальных фактов.

Под методологией анализа и интерпретации данных социологического исследования будем понимать систему исходных принципов осуществления конкретных процедур анализа и интерпретации, отражающих связь математического формализма и моделируемого с его помощью фрагмента социальной реальности и позволяющих использовать формализованный аппарат методов, приемов

и способов для изучения социальных феноменов. Памятуя, что методология проявляется на различных уровнях (общенаучном, общесоциологическом, конкретно-методическом), для краткости зафиксирую свои умозаключения выводами В. А. Ядова: «Всеобщая научная методология включает универсальные принципы развития научного знания (например, логического анализа, осуществления научного эксперимента...). Общесоциологическая методология, функцию которой выполняет социологическая теория, дает указания относительно принципиальных основ разработки частных социологических теорий в соотношении с их фактуальным базисом. Последние же, в свою очередь, содержат особые методологические функции, выступая в качестве прикладной логики исследования данной предметной области» [Ядов 2001]. Подчеркну еще раз, логика анализа и интерпретации данных социологического исследования формируется на основе осмысления и реализации важных исходных научных принципов, которые, собственно, и составляют содержание рассматриваемой методологии.

К таким основным принципам, носящим методологические функции, можно было бы отнести ряд научных установок.

Во-первых, необходимо напомнить важный методологический принцип, согласно которому методы анализа, особенно формализованные, не применяются, а используются для решения определенного круга задач, т. е. научная методология ориентирует идти не «от метода», а «от задачи». Именно поэтому для понимания сути содержания методик и алгоритмов анализа необходимо понять и четко определиться в содержании решаемых в рамках социологического исследования задач и выдвигаемых гипотез. Например, методологически неверно и бессмысленно использовать корреляционный метод для анализа причинно-следственных связей двух признаков. Он их не фиксирует, а только показывает наличие и величину совместной статистической взаимосвязи. Эту содержательную задачу в состоянии решить иной метод, например регрессионный анализ, и то при соблюдении определенных условий и требований к его осуществлению. (Что, впрочем, необходимо соблюдать при реализации любого метода анализа.)

Во-вторых, из предыдущего вытекает следующий принцип – валидности используемых методик анализа решаемым задачам.

Напомню, что выделяют различные стороны валидизации: внутреннюю и внешнюю, логическую и эмпирическую, теоретическую и критериальную. Применительно к методам анализа я бы сосредоточился на содержательной и формальной обоснованности, адекватности. Первая связывает в единую обоснованную систему следующие элементы: содержательную задачу – формат базы данных – формализованный алгоритм – способы интерпретации. Например, для построения, последующего анализа и интерпретации социологического индекса необходимо обоснованно связать:

а) содержательную задачу (выражу ее через вопросы: зачем нужен индекс? что с его помощью можно выяснить? какие переменные будут его составлять? в какой логической сопоставимости эти переменные связаны в итоговом индексе? почему каждая отдельная переменная не характеризует явление, процесс в целом, а только его сторону, часть? и пр.);

б) формат базы данных (на каком уровне и в какой шкале измерены переменные, составляющие индекс? сопоставимы ли форматы измерения переменных? если нет, то как их можно сопоставить в индексе? в какой структурной и весовой сопоставимости эти переменные находятся в строящемся индексе? каков континуум строящегося индекса? и пр.);

в) формализованный алгоритм построения индекса (какие значения переменных и как сопоставляются в формализованных операциях построения индекса? какова последовательность сопоставления переменных и их значений? какие значения индекса получаются при реализации формализованного алгоритма? каков алгоритм проверки статистической значимости строящегося индекса? и пр.);

г) способы интерпретации (каковы способы интерпретации полученных значений индекса? каковы минимальные и максимальные значения получаемой индексной шкалы, размах вариации? какова содержательная направленность полученного индексного континуума? как этот континуум формально структурируется на уровне и содержательно характеризуется? каковы формализованные и содержательные границы этих уровней? как оценивается обоснованность использованного индексного метода? какие

способы триангуляции целесообразно использовать для повышения обоснованности интерпретации полученных данных? и пр.).

Формальная адекватность упреждает необходимость соблюдения ряда формальных условий для обоснованного использования того или иного метода анализа, иначе метод будет формально некорректным для решения конкретной задачи. Общеизвестно, например, что каждый математико-статистический метод предполагает выполнение элементами исходной математической модели ряда условий. Если та модель, которой пользуется социолог, этим условиям не удовлетворяет, применение метода становится формально некорректным. Так, например, основная предпосылка регрессионного анализа фиксирует, что результирующий признак должен подчиняться закону нормального распределения, в то время как факторные признаки могут иметь произвольный закон распределения. Эти условия, как правило, бывает необходимо расценивать как выражение некоторых дополнительных предположений о виде изучаемой эмпирической системы.

Кроме того, для изучаемых реальных социальных объектов имеют смысл далеко не все операции, определенные для чисел (применяемых математических моделей). В силу неразработанности методов анализа, приспособленных именно для нужд социологии, исходная для применения математико-статистического метода модель структуры эмпирических данных обычно становится частью математической системы, содержащей большее количество отношений, функций и т. д., чем изучаемый фрагмент действительности. Так на практике в качестве элементов такой модели чаще всего выступают натуральные числа. Однако нередко при этом бывает совершенно ясно, что для изучаемых реальных объектов (рассматриваемых вместе с интересующими социолога отношениями между ними) имеют смысл далеко не все операции, определенные для чисел (применяемых математических моделей). В таких случаях возникает вопрос: какими известными из математики свойствами построенной математической модели структуры эмпирических данных мы можем пользоваться, не выходя при этом за рамки изучаемой реальности? Классический пример для понимания важности соблюдения этого методологического требования связан с анализом рангов, получаемых при порядковом

измерении качественных объектов. В ходе ранжирования каждому значению переменной приписывается ранг, как правило, число. Корректно ли анализировать и в дальнейшем интерпретировать данную последовательность как ряд натуральных чисел? В частности, действительно ли разница между соседними ранговыми значениями равна единице? Очевидно нет, коль скоро речь может идти, например, о разнице рангов в шкале престижности профессий или социальной дистанции. Поэтому следует отметить, что результаты ранжирования имеют условную числовую форму, они не обладают некоторыми фундаментальными свойствами натуральных чисел. Например, ранги лишь упорядочивают объекты, но не определяют величины различия. Вследствие чего операции над ними требуют обращения к специальным аналитическим и вычислительным методам. Например, для анализа связи между признаками, измеренными ранговыми шкалами, пользуются специальными коэффициентами (в частности, коэффициентами ранговой корреляции).

В-третьих, подбор и выбор методов анализа и интерпретации должен опираться на определенную модель изучаемого явления (теоретическую, методологическую, эмпирическую). Для ряда моделей использование, например, формализованного аппарата анализа является проблематичным. Так, например, до 80 % всех шкал в социологических инструментариях номинальные и порядковые. Моделей их формализованного анализа не так много. При этом модели анализа (конструирование индексов, анализ связи, регрессия, прогноз и пр.), построенные в основном на формализованных данных, включают не только однотипные признаки. Значит необходимо и содержательно, и формально органично разрабатывать модели анализа (и теоретические, и эмпирические) и интерпретации в их тесной увязке. Так, конструируя теоретическую концепцию изучаемого явления, процесса, осуществляя систематический анализ объекта исследования, социолог (исследователь) создает теоретическую модель этого объекта, выделяет предмет, ищет и описывает этот предмет в наборе эмпирических признаков проявления, шкал их измерения, методов сбора данных, фиксации значений признаков. И уже этим опосредованно формирует модель анализа и интерпретации полученных значений. Например, продолжая

логику использования рангов, можно констатировать, что уровень ранговой шкалы исключает возможность использования некоторых более глубоких по эвристическим возможностям методов математико-статистического анализа, в частности факторного. А значит и лишает возможности поиска латентных переменных-факторов, определяющих состояние изучаемого явления.

Отсюда вытекает следующий методологический принцип, и это, *в-четвертых*, – используемые методы анализа должны учитывать форматы социологических данных. По степени формализации выделяют: жестко формализованные данные (данные формализованных анкет, интервью, показатели статистики и пр.); слабо формализованные данные (данные, полученные с помощью открытых и полужакрытых вопросов, проективных вопросов, наблюдений, текстов и т.п. с различными форматами сопоставления этих данных); неформализованные данные (данные текстов, материалов глубинных интервью, невербальная информация, не имеющая какого-либо формата данных). Кроме того, различают офлайн (собранные в реальном общении и имеющие исследовательские маркеры) и онлайн данные (информация, собранная в опосредованном взаимодействии и не имеющая четких и достоверных территориальных, тематических, профессиональных, временных, социальных и иных маркеров). В свою очередь данные можно разделить на «обычные» (от несколько десятков и сот Мб до 1 гб,); «большие наборы данных» измеряются от 1 Гб до сотен Гб; «огромные наборы данных» – от 1 000 Гб до нескольких Тб. Кстати, для сравнения, обычный массив данных социологического опроса в SPSS, как правило, не более 20 Мб. Есть еще так называемые ExBD (Extremely Big Data) – от 1 до 10 петабайт). Сегодня наибольший интерес представляют OBD (Onlain Big Data) – обобщенные количественные данные о цифровых следах, об интернет-поведении и социальных явлениях в виртуальной среде. Иногда выделяют «аналоговые» и «цифровые» данные.

Очевидно, что формат баз данных существенным образом предопределяет, или точнее, взаимосвязан, с методологией их последующего анализа. Поскольку выбранная методология определено задает формат баз данных. Напомню также, что формат задается исследователем, однако некоторые данных не могут быть

свободно формализованы, например качественные данные. Отмечу только, что формат в определяющей степени предопределен уровнем измерения социальных характеристик. А по сути, выбранной шкалой измерения.

И еще одно замечание, касающееся анализа «больших данных». «Цифровой анализ» сегодня становится не столько модным, сколько необходимым средством анализа оперативной, разнородной, постоянно пополняемой, объемной информации. Основой для такого анализа выступают специальные технические средства, программы, счетчики, анализаторы, языки программирования, реализуемые на основе интернет-платформ и выполняющие задачи извлечения, консервации или сохранения «цифровых следов» и их последующего анализа. Сегодня, например, компания «mail.ru» фиксирует (и анализирует) данные на 100 млн пользователей, имеющих почту; на 15,4 млн ежедневно заходящих на их поисковик; на 62 миллионную ежедневную аудиторию сети «ВКонтакте»; на 46,3 млн ежедневных посетителей сети «Одноклассники»; на 12,6 миллионную аудиторию «Мой мир» и т. д. Для анализа такого объема информации необходима иная, чем «аналоговая», «цифровая» методология анализа. Системной и целостной такой методологии, к сожалению и по разным причинам, пока нет. Отсюда вытекает важная методологическая задача: как организовать хранение и обработку информации с помощью специальных программ (и каких), как закодировать и систематизировать ее, какие модели анализа можно реализовать и др.

В-пятых, еще одним важным методологическим принципом выступает необходимость выбора такой модели анализа и интерпретации, которая реализовывала бы в себе обратный доказательный путь – от формализации к содержанию. По сути, этот путь и составляет основное содержание интерпретации социологической информации, которая при этом соединяла бы в себе логику формализованной интерпретации с логикой сущностной и содержательной характеристики, с природой изучаемого объекта, явления, процесса. Этот принцип находит свое выражение в сравнительно давно сформулированной фразе – «необходимо быть и социологом, и математиком в одном лице». Кстати, я бы добавил еще, программистом. Вот как его проинтерпретировала

Ю. Н. Толстова: «Настало время для превращения математического аппарата в эффективное средство решения стоящих перед социологом задач» [Социология и математика 2003]. Стоит только добавить, что произнесен этот призыв был в конце восьмидесятых годов прошлого столетия.

Проблема соединения теоретического социологического знания с формализованным математическим, статистическим, а теперь еще со знаниями программиста, не нова для социологов. Именно поэтому общепрофессиональные и профессиональные компетенции современных ФГОС включают и гуманитарный, социальный компонент учебных дисциплин, и математический, естественнонаучный цикл, и профессиональный. Возможно ли эти знания и компетенции соединить в одном специалисте? Не разворачивая в данной статье дискуссию по этому вопросу, сформулирую свое принципиальное мнение – крайне необходимо. Более того, добавив еще и компетенции «цифрового анализа».

Вот как сформулировал важность этих и других компетенций ректор НИУ ВШЭ Я. Кузьминов, рассуждая о навыках будущего на образовательном портале «Индикатор»: «На мой взгляд, компетенции будущего, которые сейчас видны, – это в первую очередь цифровая культура. Умение работать с большими данными, умение вести поиск, умение отбирать нужную информацию в потоке данных <...> Вторая компетенция, которую я выделил бы – это работа с большими данными. Это как раз задача для вузов, которую мы вводим сейчас на всех без исключения образовательных программах, включая филологов и философов <...> Третье направление – это коммуникации...» [Кузьминов 2017].

Наконец, *в-шестых*, есть особый смысл сформулировать и еще один принцип – комплексности использования методов анализа эмпирической информации в социологических исследованиях. Эта методологическая установка нашла отражение в тезисе И. Ф. Девятко о системном подходе использования различных видов и приемов анализа данных [Девятко 2006]. Г. Г. Татарова пошла дальше, сформулировав принцип непрерывности анализа данных: «отказ от той точки зрения, что любое исследование имеет начало и конец», «анализ данных – это способ существования данных» [Татарова 1999, с. 8–9].

Действительно, нельзя использовать какой-либо один, даже какие-то методы анализа данных. В таком случае утилитарная исследовательская задача не только «выхватывается» из общего контекста анализа, но попросту не соединена ни с целью, ни с задачами и гипотезами исследования, не учитывает форматы и содержание этих данных, и, как следствие, невалидна и некорректна по исполнению. Затруднительно искать обоснованные выводы в рамках интерпретации результатов такого анализа.

В заключение хочется отметить, что только в системном понимании и приложении рассмотренные принципы представляют собой методологическую основу анализа данных в социологических исследованиях. К тому же рассмотренные принципы не исчерпывают всю методологию социологического анализа эмпирических данных. Можно согласиться с ними или нет, либо дополнить иными умозаключениями. Важно отметить, что они существенно определяют аналитические и интерпретационные модели, рассмотрение которых может стать предметом последующей научной рефлексии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Девятко И. Ф.* Методы социологического исследования. 4-е изд. М.: Университет, 2006. 296 с.
- Кузьминов Я.* Фактически мы выпускаем социальных дебилов: ректор ВШЭ о навыках будущего. Какие навыки пригодятся людям будущего через 10 лет, 2017. URL: indicator.ru/article/2017/10/09/kuzminov-rektor-vshe-o-kompetencyah-budushego/
- Обсуждаем профстандарт URL: wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/professionalnyi_standart_sociologa/
- Социология и математика: сб. избр. Тр. Ю. Н. Толстой. М.: Научный мир, 2003. 323 с.
- Социологическая энциклопедия. Т. 1. М.: Мысль, 2003. 694 с.
- Татарова Г. Г.* Методология анализа данных в социологии: учеб. пособие. М.: NOTA BENE, 1999. 224 с.
- Тезаурус социологии. Кн.2. Методология и методы социологических исследований: тематический словарь-справочник / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 416 с.
- Ядов В. А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 2001. 596 с.

УДК 316.77

А. С. Согомонян

кандидат социологических наук; научный сотрудник
22 научно-исследовательского отдела научно-исследовательского центра
ВА РВСН им. Петра Великого; e-mail: s_a_s13@mail.ru

РОЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ И УСТАНОВОК В ФОРМИРОВАНИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Полиэтничность одна из основных характеристик современного общества. Длительность и частота контактов между носителями различных культур формирует в сознании индивидов различные этнические стереотипы и установки от позитивных до крайне негативных. Данное обстоятельство является препятствием на пути к конструктивному межкультурному диалогу и толерантности – высшей степени проявления доброжелательного отношения одних этносов по отношению к другим и принятия чужой культуры во всей ее самобытности. Авторы стремятся, раскрыв содержание понятий этнический стереотип, установка, раскрыть их роль в определении вектора направленности толерантности.

Ключевые слова: толерантность; этнический стереотип; этническая установка; межкультурная коммуникация.

A. S. Sogomonyan

PhD (Sociology); research associate of 22 SRD SRC Peter the Great
Strategic Missile Troops Academy; e-mail: s_a_s13@mail.ru

ROLE OF ETHNIC STEREOTYPES AND INSTALLATIONS IN FORMATION OF TOLERANCE

Polyethnicity one of the main characteristics of modern society. Duration and frequency of contacts between carriers of various cultures forms in consciousness of individuals various ethnic stereotypes and installations from positive to extremely negative. This circumstance is an obstacle in a way to constructive cross-cultural dialogue and tolerance – the highest extent of manifestation of the benevolent relation of one ethnoses in relation to others and adoptions of foreign culture in all its originality. Authors aspire, having opened the maintenance of concepts the ethnic stereotype, installation to open their role in definition of a vector of orientation of tolerance.

Key words: tolerance; ethnic stereotype; ethnic installation; cross-cultural communication.

Проблема этнической толерантности как препятствие на пути к позитивному межкультурному диалогу и стабильности в поликультурном пространстве всегда стояла перед обществом, что

было вызвано множественными причинами, а также обусловлено влиянием различного рода факторов и условий. Однако, учитывая, что человеческое сознание является основной детерминантой всех социальных процессов и явлений, резонно предположить, что характер взаимоотношений между представителями различных национальностей и их взаимовосприятие зависят в первую очередь от осознания индивидом своей национальной принадлежности, места и роли своей и иных национальных культур в общественном развитии. В данной статье мы проанализируем связь этнической толерантности с установками и стереотипами.

В научной литературе под понятием стереотип понимаются некие «упрощенные, схематизированные, эмоционально окрашенные и чрезвычайно устойчивые образы» чего-либо или кого-либо [Социология 2003]. Стереотипы, как правило, некритически принимаются человеком как знание, в основном в силу конформности личности. Тем не менее в когнитивном аспекте, полученная информация имеет весьма обобщенный, неполный, односторонний и часто недостоверный образ о факте объективной реальности. Несмотря на сомнительность подобного «источника информации» для отдельного индивида или группы индивидов роль стереотипов в жизни человека достаточно велика, так как стереотипизация избавляет индивида от необходимости творчески перерабатывать полученные впечатления из окружающего мира.

Впервые термин социальный стереотип был введен У. Липманом и носил негативный оттенок, связанный с ложностью, неточностью суждений человека относительно картины мира, что, на взгляд ученого, обусловлено экономией умственных усилий при восприятии сложных социальных объектов. Применительно к этническим стереотипам, можно говорить о формировании упрощенных образов этнических групп и конкретных национальностей.

Этностереотипы, являясь разновидностью социальных стереотипов, формируются в силу некоторых особенностей человеческого сознания и имеют как положительную, так и чаще всего негативную окраску:

– стремление к конкретизации – для облегчения восприятия, абстрактные понятия ассоциируются с какими-либо конкретными образами (в том числе людьми), обладающими привычной

реальностью. Например, абстрактное понятие «американец» может ассоциироваться с конкретным человеком;

– стремление к упрощению – при восприятии сложных социальных объектов (явлений) выделяется одно или несколько существенных (на взгляд субъекта) признаков в качестве ведущих, позволяющих обозначить увиденное. Так, поведение и особенности отдельной личности, представителя какой-либо национальности могут восприниматься как типичный «национальный менталитет».

Учеными выделяются два основных вида этнических стереотипов:

– аутостереотипы – представление человека о себе и о других представителях своей национальности;

– гетеростереотипы – представления человека о людях других национальностей.

Формирование этнических стереотипов осуществляется двумя основными способами: в процессе взаимодействий индивидов в социуме либо опосредовано, в процессе коммуникационного воздействия, т. е. через СМИ, пропаганду, обучение.

Согласно проводимым социологическим опросам в нашей стране, наиболее устойчивый и негативный гетеростеротип «врага» сформирован у представителей славянских национальностей по отношению к представителям национальностей Северного Кавказа и Закавказья. Особенно этот гетеростереотип распространен в больших городах России, например, в Москве и Санкт-Петербурге (*fom.ru*).

У этнических стереотипов как феномена мультикультурализма существует ряд особенностей:

– они обуславливают поведение индивидов в полиэтничной среде, частоту, избирательность и длительность социальных контактов, культурную дистанцию в новой среде и получение нового опыта;

– этнические стереотипы имеют, как правило, стихийную природу возникновения, но и формируются (в том числе целенаправленно) под влиянием социального окружения;

– являются защитной реакцией человека при соприкосновении с чуждой для себя культурой и ценностями, при этом отчуждение от

неизвестного нового направлено на оправдание индивидом традиционных для своей культуры норм, ценностей и представлений;

– выражены в виде категоричных оценочных суждений, эмоционального отношения одних этносов к другим однозначного свойства, то есть либо негативные, либо позитивные;

– экономят умственные усилия по творческому восприятию и осмыслению иных культур и нравов, суммируют и накапливают жизненный и исторический опыт взаимоотношений этносов;

– стереотипы не являются отражением действительности, а лишь ее отдельным проявлением, выражением восприятия индивидом индивида, сквозь призму своей этнической и культурно-ценностной идентичности;

– являются предельно устойчивым свойством личности, но в то же время подвержены изменениям под влиянием нового личностного опыта в процессе интериоризации, социальной зрелости, влияния социального окружения и институциональных норм;

– в своей сути не являются абсолютно истинными взглядами, но в отдельных случаях могут основываться на относительно близких к действительности представлениях в основном носят ложный и односторонний характер суждений;

– обострение национальных чувств и, как следствие, более отчетливая враждебность в восприятии других этносов и усиление стереотипа происходят при возникновении социальной напряженности между группами.

При рассмотрении этнических стереотипов необходимо также обратить внимание на их отдельную форму – этнические установки. По мнению Д. Н. Узнадзе, который впервые ввел в научный оборот это понятие, установка – это «детерминирующая тенденция, внутреннее состояние готовности человека определенным образом воспринимать, оценивать и действовать по отношению к явлениям и объектам действительности» [Узнадзе 1966, с. 48]. Ученый выделяет два основных вида установок:

– установки, направляющие поведение личности в каждый момент, т. е. при установлении первичного контакта с представителем другой национальности, индивид воспринимает ситуацию и действует в отношении своего собеседника в течение всего контакта, исходя из полученного первого впечатления;

– установки, сформированные и зафиксированные посредством жизненного опыта. В данном случае, индивид, на основе имеющихся накопленных впечатлений и эмоциональной предрасположенности выстраивает взаимоотношение с представителем другой национальностей.

В. А. Ядов рассматривал социальные установки личности как «диспозиции, имеющие системное образование, в которое включены все жизненные устремления личности, обеспечивающие целенаправленное формирование состояния готовности человека к деятельности. Диспозиции как взаимосвязь конкретных социальных условий деятельности индивида и его субъективного отношения к ним зависят, по его мнению, от предшествующего опыта и обобщенных психологических особенностей субъекта, обеспечивая регуляцию, саморегуляцию и прогнозирование социального поведения личности» [Ядов 1979].

Исходя из этого, можно утверждать, что установка как свойство личности формируется в процессе социализации, накапливает в себе обобщенные традиционные суждения, ожидания и имеет оценочную валентную природу. Наиболее устойчивым видом социальной установки является этническая установка. Данные установки обуславливают поведение, количество социальных контактов и характер взаимодействия личности в поликультурной среде. Л. М. Дробижева описывает этническую установку как «готовность представителя определенной нации к своеобразному действию, поведению в межнациональных контактах» [Дробижева 2011]. Социальные установки негативной направленности по отношению к каким-либо этносам носят название «национальных предрассудков», или предубеждений, т. е. их смысловое содержание является искаженным отражением действительности, как уже говорилось выше, данные установки отличаются устойчивостью и консервативностью. «Словарь по общественным наукам» ЮНЕСКО определяет предубеждение как «негативную, неблагоприятную установку к группе или ее индивидуальным членам; она характеризуется стереотипными убеждениями; установка вытекает больше из внутренних процессов своего носителя, чем из фактической проверки свойств группы, о которой идет речь» [Словарь по общественным наукам 2012]. Социолог Робин М. Уильямс считает

предубеждение разновидностью установки, противоречащей важным социальным нормам и ценностям, принятым конкретной культурой [Робин 1947].

В обществах, в которых социальные нормы и ценности гуманизма подменялись официально принятыми предубеждениями в отношении национальных меньшинств, не было места толерантности, так как национализм и этноцентризм были основой идеологии. Примером тому может служить антисемитизм в фашистской Германии и апартеид в ЮАР.

В научной литературе толерантность понимается как одно из личностных свойств, заключающееся в умении индивида принять другого во всей самобытности, проявить к нему доверие и оказать помощь. Данное личностное образование является одним из основных проявлений добродетели, залогом стабильности общества, мирного и бесконфликтного сосуществования разных по своему внутреннему миру людей. В Декларации принципов толерантности искомое понятие определяется как «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая, и правовая потребность. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира. Толерантность – это не уступка, снисхождение или потворство. Толерантность – это, прежде всего, активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах толерантность не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности, толерантность должны проявлять отдельные люди, группы и государства»¹.

Этническая толерантность предполагает гармонию во взаимоотношениях в поликультурном социуме, отсутствие стереотипов и предубеждений. Гармония в межнациональных отношениях в социуме невозможна без формирования толерантности

¹ Декларация принципов толерантности утверждена резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года.

у индивидов – акторов межкультурной коммуникации. Строго говоря, данное свойство, качество личности сформировано практически у каждого человека в той или иной степени, в отношении той или иной национальности.

Формирование толерантности представляет собой процесс усвоения личностью совокупности норм и ценностей конструктивного общения, приобретение навыков бесконфликтной коммуникации и развития умений преодолевать возникающее межэтническое напряжение.

Говоря о типологии этнической толерантности, уместно отметить классификацию, предложенную С. Т. Барановым, как одну из наиболее методологически обоснованных [Баранов 2003]:

- 1) активная этническая толерантность – открытость актора, характеризующаяся готовностью к межэтническим контактам;
- 2) пассивная этническая толерантность – стремление к общению с представителями своей национальности, нерегулярные межэтнические контакты, в целом позитивное отношение к представителям других национальностей;
- 3) избирательная этническая толерантность – межэтнические контакты носят ограниченный характер на основании какого-либо признака;
- 4) вынужденная этническая толерантность – контакты с представителями других национальностей возникают вследствие обстоятельств и имеют сугубо деловой характер;
- 5) интолерантность – неприятие, категорическое нежелание взаимодействовать с представителями других национальностей, в том числе выражающееся во враждебном отношении к «иным».

Данная классификация отражает степень влияния различного рода факторов и условий на сознание конкретной личности, обуславливающих его этнические установки и формирование авто- и гетеростереотипов. Этнические установки и стереотипы – конечный результат межкультурной коммуникации, в которой проявляется весь предыдущий накопленный опыт социализации акторов в полиэтничном обществе. По мнению П. Р. Ковалья, этнические установки свидетельствуют о степени готовности проявления толерантности в отношении всех национальностей либо конкретных национальностей [Коваль 2014]. Стереотипы и вектор их

социальной направленности в первую очередь говорят об устойчивости сознания человека, его психики ко внешнему воздействию, способности рационально мыслить – чем устойчивей сознание личности и предрасположеннее к беспристрастной, безэмоциональной оценке факта социальной реальности (интеракции, поведенческой ситуации), тем меньше вероятность формирования стереотипов. Некоторые исследователи относят этнические установки и стереотипы к числу личностных факторов, обуславливающих формирование толерантности, но на наш взгляд, как уже говорилось ранее, этнические установки и стереотипы складываются в процессе социализации личности, которая продолжается в течение всей жизни и выражается в усвоении норм общественной жизни, приобретенных в различных социальных институтах и условиях. Усвоение личностью норм, морали и моделей поведения позволяет соотносить с ними свое поведение и поведение окружающих, оценивать социальные действия и формировать свою жизненную позицию, в том числе толерантное (интолерантное) отношение к «иным». В исследовании И. Б. Резниковой этнические стереотипы и установки выступают в качестве аспектов этнической толерантности, наряду с толерантностью (интолерантностью), межнациональными конфликтами, культурой, традициями и религией [Резникова 2007].

Этнические установки и стереотипы, как и этническая толерантность, также являются личностными образованиями (качеством личности). Однако, если толерантность гораздо более сложное системное образование, то этнические стереотипы и установки, являясь разновидностью социальных – лишь обусловленные эволюцией и психофизиологическими особенностями человека, социально-психологические механизмы адаптации, тем не менее влияющие на формирование и вектор направленности этнической толерантности.

Существующие в обществе устоявшиеся негативные этнические стереотипы и установки препятствуют гармонизации межэтнических отношений и создают предпосылки для возникновения социальной напряженности. Основным источником формирования этнических стереотипов и установок, образа «врага» в настоящее время являются СМИ [Дзялошинский, Дзялошинская 2007] – мощный источник информационно-психологического воздействия

на сознание людей, формирующий с помощью средств, методов и форм передачи информации мировоззрение и общественное мнение, что делает их важным инструментом манипуляции масс. Этничность – важнейший рычаг для подрыва национальной безопасности. Эксплуатация этнической темы является средством психологической и идеологической борьбы в медиасреде. Сегодня складываются новые СМИ, возрастает роль Интернета, заметно сократилась доля радиовещания, печатных СМИ и телевидения. Медиа, становясь главной возможностью получения информации о происходящем в мире, способны существенно повлиять на общественное мнение, кроме того, это одно из эффективнейших средств ведения «информационной войны».

Таким образом, этнические установки и стереотипы являясь свойством личности, представляют собой конечный результат межкультурной коммуникации, в которой проявляется весь предыдущий накопленный опыт социализации акторов в полиэтничном обществе. Они оказывают существенное влияние на процесс формирования этнической толерантности, но как личностные образования имеют менее сложную структуру и эволюционно обусловлены необходимостью социально-психологической адаптации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнян Ю. В., Дробижьева Л. М., Сусоколов А. А.* Этносоциология. М. : Аспект Пресс, 1999. 271 с.
- Баранов С. Т.* Этническая толерантность: сб. науч. тр. СевКавГТУ. Серия Гуманитарные науки. №3. 2003. URL: www.ncstu.ru
- Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И.* Российские СМИ: как создается образ врага / статьи разных лет. М. : Московское бюро по правам человека : Academia, 2007. 168 с.
- Дробижьева Л. М.* Российская идентичность и тенденции в межэтнических установках за 20 лет реформ // Россия реформирующаяся : Ежегодник-2011 / отв. ред. академик РАН М. К. Горшков. Вып. 10. М.–СПб. : Институт социологии РАН ; Нестор-История, 2011. С. 72–85.
- Коваль П. Р.* Формирование этнической толерантности в многонациональных воинских коллективах: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2014. 26 с.
- Липпман У.* Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчунова ; под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М. : Общественное мнение, 2004. 384 с.

- Резникова И.Б.* Формирование этнической толерантности у студентов вузов в условиях многонационального региона: автореф. дис. ... канд. педагог. наук. Владикавказ, 2007. 26 с.
- Робин М. Уильямс.* Снижение межгрупповой напряженности: монография. Ирвин : Северная Каролина, 1947. С. 68.
- Словарь по общественным наукам ЮНЕСКО. М. : Просвещение, 2012. 262 с.
- Социология: Энциклопедия / сост. А.А.Грицанов, В.Л.Абушенко, Г.М.Евелькин, Г.Н.Соколова, О.В.Терещенко. Минск: Интерпрес-сервис : Книжный Дом, 2003. 1312 с. (Сер. Мир энциклопедий.)
- Узнадзе Д.Н.* Психологические исследования. М. : Наука, 1966. 452 с.
- Ядов В.А.* Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности : монография. Ленинград : Наука, 1979, 264 с.

УДК 316

С. С. Соловьев

кандидат социологических наук, доцент;
доцент кафедры социологии МГЛУ; e-mail: ruisenior@yandex.ru

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ГРАЖДАН, УВОЛЕННЫХ С ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ, И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ В 2010–2017 гг.

В статье проводится сравнительный анализ и анализ динамики основных показателей социально-экономического положения граждан России, уволенных с военной службе и населения России в целом, полученных в ходе социологического мониторинга за 2010–2017 гг. Автор акцентирует внимание на том, что социальная составляющая, в частности военная пенсия, является важным компонентом доходов бывших военнослужащих.

Ключевые слова: социально-экономическое положение; граждане, уволенные с военной службы; военные пенсионеры; уровень жизни.

S. S. Solovyov

PhD (Sociology), Ass. Prof., Department of Sociology,
Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty),
MSLU; e-mail: ruisenior@yandex.ru

THE TREND ANALYSIS OF KEY INDICATORS OF SOCIOECONOMIC SITUATION OF RUSSIAN CITIZENS DISMISSED FROM MILITARY SERVICE AND MEMBERS OF THEIR FAMILIES IN 2010–2017

The article is devoted to the comparative analysis and trend analysis of key indicators of socioeconomic situation of Russian citizens dismissed from military service and the population of Russia in general. The data were collected through the social monitoring conducted during 2010–2017. The author of the article focuses on the fact that social components, in particular military pension are important part of the income for the former military personnel.

Key words: the socioeconomic situation; the former military service; the military pensioners; the standard of living.

С 2000 г. в Российской Федерации в соответствии со статьей 29 Федерального закона «О статусе военнослужащих»¹

¹Постановление Правительства РФ от 27.02.1999 № 232 «Об организации ежегодного мониторинга социально – экономического и правового положения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей».

и постановления Правительства РФ «Об организации ежегодного мониторинга социально-экономического и правового положения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей»¹ осуществляется социолого-статистический мониторинг основных аспектов материального благополучия, правового положения и социального обеспечения граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, инвалидов военной травмы и членов семей погибших военнослужащих на основе апробированной годами системе показателей [Методические рекомендации ... 2014]. Ежегодный сбор информации дает возможность оценить динамику и качество изменений социально-экономического положения упомянутых категорий населения, спрогнозировать социальные последствия принимаемых решений и выработать предложения по внесению изменений в действующие нормативно-правовые акты Российской Федерации в целях улучшения социально-экономического положения граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей [Социально-экономическое положение ... 2009].

За 2010–2017 гг. основные показатели, характеризующие социально-экономическое положение граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей претерпели определенные изменения (см. табл. 1–2).

Представленные данные показывают, что темпы увеличения пенсий и среднемесячной зарплаты населения России в целом превосходили аналогичные показатели военнослужащих запаса. Следует отметить, что в 2015–2016 гг. происходило падение уровня жизни, как гражданского населения, так и военнослужащих запаса. Прежде всего это выразилось в уменьшении темпов роста заработной платы при сохранении инфляции.

¹ Постановление Правительства РФ от 27 февраля 1999 г. № 232 «Об организации ежегодного мониторинга социально-экономического и правового положения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей». Текст постановления опубликован в «Российской газете» от 12 марта 1999 г., в Собрании законодательства Российской Федерации от 8 марта 1999 г., № 10, ст. 1246.

Таблица 1

**Основные социологические показатели,
характеризующие социально-экономическое положение граждан,
уволенных с военной службы, и членов их семей**

Основные показатели	Данные социологического мониторинга по годам									
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017		
Средний доход (на члена семьи бывшего военнослужащего в месяц), в руб.	16 078	18 113	20 869	22 914	26 581	27 288	28 077	30 753		
Среднемесячная заработная плата бывшего военнослужащего, в руб.	18 429	22 337	25 228	27 938	30 968	33 033	36 050	36 885		
Средний размер военной пенсии, в руб.	9 714	10 228	18 749	20 311	21 631	23 254	22 806	23 558		
Средний размер пенсии инвалидов военной травмы, в руб.	данных нет	данных нет	23 273	24 475	26 870	29 371	30 546	31 004		
Средний размер пенсии вдов погибших военнослужащих, в руб.	данных нет	данных нет	17 366	18 419	19 434	20 358	21 172	21 490		
Доходообеспечение бывших военнослужащих с денежными доходами ниже прожиточного минимума (в %)	17,6	18,1	14,8	14,9	13,7	18,5	17,7	15,6		

Таблица 2

**Основные социальные показатели,
характеризующие социально-экономическое положение
населения России**

Основные показатели	Данные Росстата по годам*									
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017		
Денежный доход в среднем на душу населения, в руб..	19 253	21 435	24 103	27 367	28 523	29 281	30 125	31 812		
Среднемесячная начисленная заработная плата, в руб.	20 970	23 350	26 256	29 811	31 071	33 140	36 115	37 520		
Средний размер пенсии, в руб.	7608	8289	9414	10 236	11 600	12 106	12 440	12 934		
Прожиточный минимум (в среднем на душу населения в месяц), в руб.	5707	6538	6643	7204	8192	10 017	9 956	10 328		
Процент населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума (в %)	12,5	12,7	10,7	10,5	13,0	15,8	15,2	15,0		

* [Социально-экономическое положение России, 2010...2017].

Анализ таблиц позволяет сделать вывод, что в целом за годы наблюдений уровень благосостояния граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей улучшался. Об этом свидетельствует динамика среднего дохода (на члена семьи бывшего военнослужащего в месяц). В то же время количество семей, находящихся за чертой бедности в рассмотренный период, распределилось между минимумом 13,7 % (2014) и максимумом 18,5 % (2015).

За 2010–2017 гг. ежемесячный средний доход на члена семьи бывшего военнослужащего вырос с 16 078 руб. до 30 753 руб. (в 1,91 раза). Аналогичные данные по населению России в целом составляют, соответственно, 19 253 и 31 812 руб. и отвечают росту среднего дохода на 65,2 %, т. е. за последние 8 лет темпы роста доходов домохозяйств бывших военнослужащих превышали средне-статистические по стране. В то же время ежемесячный средний доход на члена семьи бывшего военнослужащего в абсолютных цифрах ниже среднего дохода на члена семьи населения страны (см. рис. 1).

Рис. 1. Динамика за 2011–2017 гг. среднего дохода на члена домохозяйства бывшего военнослужащего и члена семьи населения России в целом (в руб.)

Не секрет, что заработки уволенных в запас военнослужащих, уступают по размеру заработной плате более молодых слоев населения. Поэтому снижение уровня бедности семей уволенных в запас военнослужащих идет невысокими темпами. Теперь большинство предусмотренных законодательством льгот приобретаются только после достижения, например, бывшим военнослужащим-мужчиной 60 лет, когда он становится обычным ветераном.

До 2014 г. более низкий доход домохозяйств граждан, уволенных с военной службы, в сравнении со среднедушевым доходом населения страны был связан с их более низкой среднемесячной заработной платой (см. рис. 2).

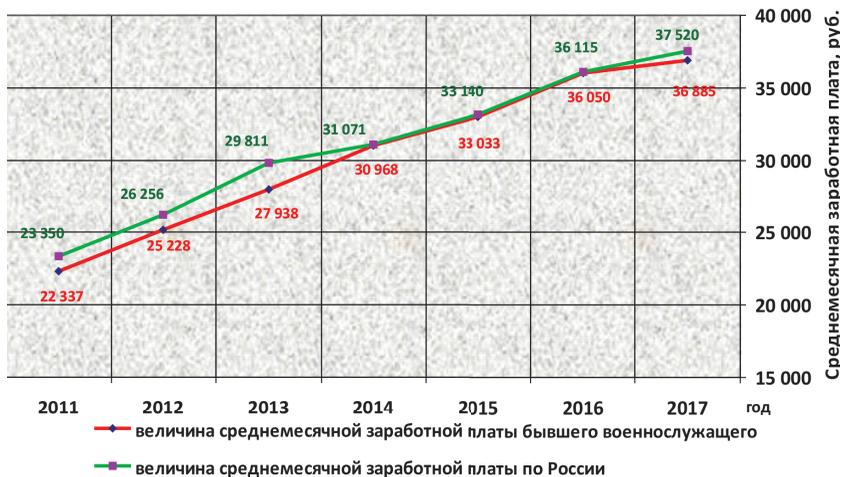

Рис. 2. Динамика за 2011–2017 гг. средней заработной платы бывшего военнослужащего и по России в целом

При невысоких темпах роста военных пенсий такое положение закрепляло более низкий доход граждан, уволенных с военной службы. После 2014 г. и до настоящего времени средняя заработная плата работающих военнослужащих, уволенных в запас (отставку) незначительно отличается от среднего уровня заработной платы на одного работающего в России.

Уменьшение разрыва между среднемесячным доходом бывших военнослужащих и среднедушевым доходом по России в 2011–2015 гг. объясняется прежде всего резким увеличением в 2012 г. военных пенсий в 1,7–1,9 раза. За 2013 г. бывшие военнослужащие получили прибавку к своим пенсиям в размере 7,5 %, в 2014 г. – еще на 6,5 %, в 2015 г. – на 7,5 %. В последующие годы в связи с кризисными явлениями в экономике страны пенсии военным росли уже не так быстро. А в 2017 г. прошла только одна индексация пенсии в феврале за счет увеличения на 2 % понижающего коэффициента к денежному довольствию и военные пенсионеры

получили единоразовую выплату в размере 5 тыс. руб. В настоящее время соотношение между средней военной и средней гражданской пенсией составляет 1,82 раза (см. рис. 3).

Рис. 3. Соотношение между среднемесячной пенсией военнослужащего и средней пенсией по России в 2000–2017 гг. (в %)

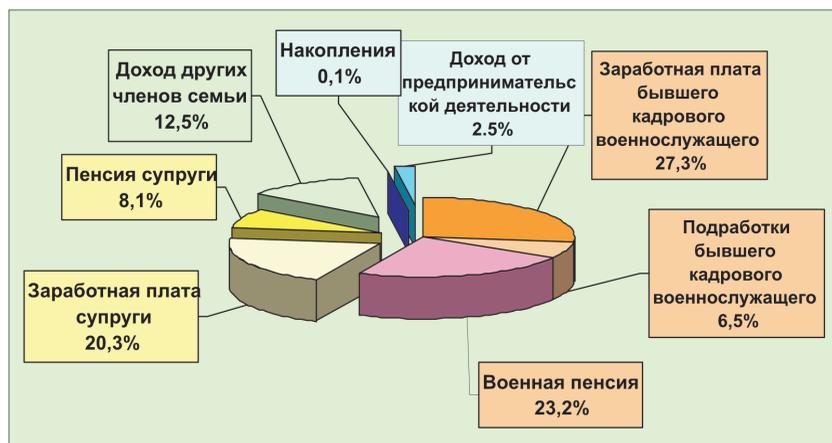

Рис. 4. Относительная структура приведенных ежемесячных доходов типичного домохозяйства военного пенсионера (по данным исследования в 2017 году, в %)

Для сравнения военная пенсия в США, как и в России, не облагается налогами и зависит от категории ветеранов и достигает: для женатых – 2 054 долл. США в месяц, для одиноких 1 732 долл. в месяц, для одиноких супругов бывших военнослужащих – 1 113 долл. в месяц [Veteran / Wikipedia].

Пенсия является достаточно большой частью бюджета российского военного пенсионера (см. рис. 4). И увеличение в 2012 г. военных пенсий в среднем в 1,7–1,9 раза повысило ее долю в совокупном бюджете домохозяйства бывшего военнослужащего. Если также учесть, что только на одну пенсию живут 19,2 % военных пенсионеров, то проблемы с ее индексацией воспринимаются достаточно болезненно. Особенно на фоне постоянных заявлений о том, что в бюджете не хватает на это денег и непрекращающихся дискуссий о том, что военные получают слишком большую пенсию и ее необходимо урезать. Или, как минимум, отменить все денежные льготы (проезд, налоги, оплата ЖКХ и т. п.) военным пенсионерам.

Фактическими свидетельствами различий в наполнении бюджетов домохозяйств военных пенсионеров служат показатели уровня доходов, приходящихся на одного члена домохозяйства и индекс уровня жизни¹. В таблице 3 содержатся данные об уровне доходов на одного члена домохозяйства и индексе уровня жизни для исследованных в работе групп населения Российской Федерации (см. табл. 3).

¹ *Индекс уровня жизни* представляет собой отношение среднемесячного дохода, приходящегося на одного члена домохозяйства к прожиточному минимуму на одного человека, утвержденного постановлением Правительства РФ или исполнительных органов субъектов Российской Федерации.

Прожиточный минимум – минимальный уровень дохода, который считается необходимым для обеспечения определенного уровня жизни в определенной стране. В России в соответствии с Федеральным законом «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» (Федеральный закон от 24 октября 1997 года № 134-ФЗ) представляет собой стоимостную оценку потребительской корзины, включающей минимальные наборы продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности, а также обязательные платежи и сборы. По данным Росстата на III квартал 2017 г., средний прожиточный минимум по России составил 10 328 руб. в месяц [Социально-экономическое положение России 2017].

**Уровень среднемесячных доходов
на одного члена домохозяйства и индекс уровня жизни**

№ п/п	Категория домохозяйств	Доход на 1 члена домохозяйства (в руб.)	Индекс уровня жизни (в %)
1	Граждан, уволенные с кадровой военной службы в запас в целом	30 753	297,8
2	Военных пенсионеров	33 714	326,4
3	Инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного во время военной службы	34 864	337,6
4	Вдов погибших (умерших) военнослужащих	30 894	299,1
5	Родителей погибших (умерших) военнослужащих	30 524	295,5
6	Среднестатистического домохозяйства по Российской Федерации	31 812	308,1

Даже с учетом получаемых пенсий, пособий и заработной платы работающих, уровень жизни семьи среднестатистического военнослужащего запаса (в отставке), родителей и вдов погибших (умерших) военнослужащих в последние годы стабильно был ниже среднероссийского. Только уровень доходов среднестатистических домохозяйств военных пенсионеров и инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы, превышает уровень доходов среднестатистических российских домохозяйств.

Распределение денежных доходов домохозяйств граждан, уволенных с военной службы по равным децильным группам¹ показывает, что в октябре 2017 г. на долю 10% наиболее обеспеченных

¹ Децильные группы – это равные 10-процентные группы населения (в данном случае – военнослужащих запаса), отличающиеся друг от друга по величине денежных доходов.

домохозяйств бывших военнослужащих приходилось 25,6 % денежных доходов, а на долю 10% наименее обеспеченных – 3 %. Разница в доходах между наиболее бедными и наиболее богатыми частями граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей (**коэффициент фондов¹**) в октябре 2017 г. составила **8,5 раз** (для сравнения: в 2007 г. – 8,2 раз, в 2002 г. – 7,3). В целом по России, по данным Росстата, в 2017 г. значение коэффициента фондов равно 8,9 (рассчитано по [Распределение денежных доходов домохозяйств]), хотя в некоторых источниках утверждается, что достигает 15 [Калабеков 2017, с. 728].

Другими словами, имеет место небольшой рост дифференциации по доходам домохозяйств бывших военнослужащих. Следует отметить, что данный рост дифференциации денежных доходов в русле общероссийской тенденции. Хотя в целом расслоение в среде бывших военнослужащих (особенно получающих военные пенсии) менее выражено, чем среди гражданского населения страны.

Анализ показывает, что число семей военных пенсионеров, имеющих более высокие доходы, за 2011–2017 гг. возросло. Это свидетельствует о том, что тенденция увеличения разницы доходов семей военнослужащих запаса (в отставке) имеет развитие. Тем более что в последние годы количество уволенных в запас кадровых военнослужащих превышало прирост нетрудоспособных граждан (по возрасту или по болезням). Налицо процесс увеличения расслоения военнослужащих запаса, причем он происходит не только по сферам трудовой деятельности после увольнения, но и в региональной плоскости. Во многом это объясняется возрастанием их трудовой занятости, ускоренным ростом уровня оплаты труда в отдельных регионах и отраслях народного хозяйства.

Региональные различия в доходах проявляются в разнице заработных плат, районных коэффициентов и прожиточных минимумов. Более благополучным можно считать положение домохозяйств военных пенсионеров, инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы, семей погибших военнослужащих, в тех федеральных

¹ По рекомендациям ООН коэффициент фондов не должен превышать 8–10, иначе ситуация в демократической стране чревата социальными катаклизмами [Калабеков 2017, с. 727].

округах, где соотношение среднедушевого дохода к прожиточному минимуму (индекс уровня жизни) по региону наиболее близко или превышает аналогичный региональный показатель.

Наиболее благополучными в этом отношении можно назвать Приволжский федеральный округ, где относительный уровень жизни граждан, уволенных с военной службы, членов их семей, инвалидов вследствие военной травмы и членов семей погибшего (умершего) военнослужащего, превышает аналогичные показатели населения в целом. Здесь, несмотря на более низкий уровень заработной платы, за счет более низкого регионального прожиточного минимума достигаются в среднем приемлемые показатели благосостояния.

Достаточно благополучными также можно назвать Центральный и Южный федеральные округа. В Центральном ФО, с одной стороны, в среднем более высокий уровень доходов у всех категорий работающих и, с другой – более высокие значения прожиточного минимума в его центральной части.

Крайне неблагоприятно для граждан, уволенных с военной службы, членов их семей, инвалидов вследствие военной травмы и членов семей погибшего (умершего) военнослужащего проживание в Уральском (за счет северных районов) и Северо-Кавказском федеральных округах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иващенко А. В.* Проблемы социально-профессиональной адаптации военнослужащих, уволенных с военной службы // Ученые записки РГСУ. 2009. № 11. С. 4447.
- Калабеков И. Г.* Российские реформы в цифрах и фактах. 2-е изд. М. : РУСАКИ, 2017. 875 с.
- Луговая О. М.* Военнослужащие и их семьи как особая социальная группа. URL : superinf.ru/view_helpstud.php?id=4111
- Методические рекомендации для организации в Российской Федерации системы государственного наблюдения за социально-экономическим положением ветеранов-участников боевых действий. М. : Наука–XXI, 2014.
- Обертенюк В. Г.* Адаптационные стратегии поведения увольняющихся и уволенных военнослужащих в современных российских условиях // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 1.

- Образцов И. В., Соловьев С. С.* Социальные проблемы бывших кадровых военнослужащих // СоцИС. 1998. № 4. С. 36–51.
- Распределение денежных доходов домохозяйств [Электронный ресурс]. Таблицы // Росстат. URL : gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi
- Рыбаков Р. В.* Гражданская жизнь офицеров запаса: их трудности и проблемы // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. Социология. Политология. Вып. 4. URL : cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-zhizn-ofitserov-zapasa-ih-trudnosti-i-problemy
- Саблуков А. В., Арабидзе И. Т.* Государственная поддержка инвалидов вследствие военной травмы и заболевания, полученного в период военной службы, и членов их семей: состояние и проблемы [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. № 1 (778). С. 225–238. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/1_778_ON.pdf
- Соловьев С. С.* Проблемы социально-психологической адаптации уволенных в запас кадровых военнослужащих Российских Вооруженных Сил // Сборник научных трудов ВА РВСН им. Петра Великого. М., 2005. С. 76–88.
- Социально-экономическое положение граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей в г. Москве: результаты мониторинга : монография / Адохин Б. А. [и др.] М. : ГБУ МЦАВ, 2009.
- Социально-экономическое положение России [Электронный ресурс]. М. : Федеральная служба государственной статистики, 2018. Январь–июль 2018 г. URL : www.gks.ru/free_doc/doc_2018/social/osn-07-2018.pdf
- Тюрин О.* Социальная адаптация военнослужащих // Человеческие ресурсы. 2006. № 2.
- Veteran [Электронный ресурс] // Wikipedia : the free encyclopedia. URL : en.wikipedia.org/wiki/Veteran
- Veteran's pension (United States) [Электронный ресурс] // Wikipedia : the free encyclopedia. URL : [en.wikipedia.org/wiki/Veteran%27s_pension_\(United_States\)](http://en.wikipedia.org/wiki/Veteran%27s_pension_(United_States))

УДК 316.342.6

Д. А. Софронов

аспирант кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева;
e-mail: d.sof2012@yandex.ru

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ПОЛОЖЕНИЯ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ ТРУДА

В статье рассматриваются основные проблемы, существующие на молодежном рынке труда Республики Мордовия. На основе анализа эмпирических данных, полученных в ходе экспертного опроса, выявляются наиболее значимые аспекты положения выпускников высших учебных заведений на региональном рынке труда, соответствие их знаний, навыков и компетенций требованиям работодателей. Особое внимание уделяется вопросу наиболее востребованных видов помощи, за которой выпускники обращаются в органы службы занятости, а также их роли в нормализации ситуации на рынке труда и снижении остроты проблем молодежной занятости.

Ключевые слова: выпускники высших учебных заведений; региональный рынок труда; молодежная занятость; трудоустройство.

D. A. Sofronov

Postgraduate student, Department of Sociology, National Research Mordovia State University (MRSU); e-mail: d.sof2012@yandex.ru

EXPERT ASSESS THE POSITION OF GRADUATES ON THE REGIONAL LABOR MARKET

In the article the author considers the results of the labor market expert interviews about the key problems while outcomes of higher education graduates on the labor market of the Republic of Mordovia. Based on the analysis of empirical data it has been identified the most significant aspects of the provisions of graduates of higher education institutions on the labor market, the match of their knowledge, skills and competencies with the requirements of employers. Special attention is paid to all the most popular types of assistance, for which they go to the employment agencies, as well as their role in normalizing the situation on the labor market and reducing the severity of problems of youth employment.

Key words: higher education graduates; regional labor market; youth employment; employability.

На современном этапе развития страны трудоустройство выпускников вузов приобретает масштаб общегосударственной проблемы [Медведев ... 2018]. Положение выпускников высших

учебных заведений на российском рынке труда неустойчивое. Экономические кризисы 2008–2009, 2014 г. показали, что в периоды нестабильности, так же как и в посткризисные периоды, одной из наиболее уязвимых групп населения становится молодежь, впервые выходящая на рынок труда [Набиулина 2016, с. 88]. По результатам Третьего мониторинга трудоустройства выпускников, проведенного Министерством образования и науки Российской Федерации, на 2017 г. средний процент нетрудоустроенных выпускников вузов страны в течение года после выпуска находится на уровне 25 % [Портал мониторинга ... 2016]. На фоне происходящих изменений в социальной, политической и экономической сферах жизни российского общества снижение остроты проблемы трудоустройства выпускников вузов представляется задачей, неразрывно связанной с воздействием специализированных институтов, осуществляющих регулирование рынка труда. В настоящее время реализацию политики в сфере занятости осуществляют органы государственной службы занятости, деятельность которых носит в основном пассивный характер и сводится в большей степени к мерам временного сдерживания безработицы (приостановка массовых высвобождений, выплата пособий по безработице, введение административных отпусков и т. п.). Активная политика занятости, связанная в первую очередь с мероприятиями по профилактике безработицы, направленными на расширение возможностей трудоустройства, такими как: субсидирование занятости, содействие в профессиональной переподготовке, организация общественных работ, стимулирование предпринимательской активности проводится гораздо реже [Зайцева 2004, с. 13].

В период высокой напряженности на рынке труда многократно возрастает важность диагностики ситуации, которая необходима для разработки мер государственной политики занятости. Как показали исследования Ф. Т. Прокопова и Т. Я. Четверниной, общей модели эффективной государственной политики и программ содействия занятости не существует, поскольку региональные особенности дифференцируют остроту и содержание этих проблем в каждом отдельном субъекте страны для различных социально-демографических групп (лица с ОВЗ и инвалидностью, выпускники

вузов и ссузов без практического опыта работы и др.) [Новая роль службы занятости ... 2014].

Государственное регулирование на современном этапе развития социально-экономических отношений должно включать не только поддержание стабильного функционирования рынка труда и занятости, но и обеспечивать своевременное реагирование на вызовы внешней среды, связанные с динамикой окружающего мира. Сегодня рынок труда нуждается в мобильной рабочей силе, способной адаптироваться к меняющимся условиям среды. Развитие информационно-коммуникационных технологий и последующая цифровизация экономики выступили катализаторами перемен в социальных отношениях в российском обществе не только в области взаимодействия субъектов рынка труда [Чилипенко 2012, с. 370], но также оказали серьезное воздействие на институциональную среду рынка труда и привели к появлению феномена гигномики (Gig Economy) [Индивидуальная самостоятельность ... 2017, с. 23]. Гигномике свойственно снижение числа «постоянных» рабочих мест и повышение доли занятых на условиях срочных контрактов и проектной работы, что, с одной стороны, дифференцирует требования к профессиональным навыкам и компетенциям работников, а с другой – провоцирует повышение уровня неопределенности в сфере занятости [The Gig Economy...]. Тенденция распространения «ненадежных, неустойчивых» форм трудовых отношений в полной мере касается и российского рынка труда [Анисимов 2017, с. 44]. В складывающихся условиях фактор человеческого капитала (накопленных индивидом образовательных, профессиональных и квалификационных ресурсов) становится основополагающим в определении конкурентоспособности рабочей силы и ее способности адаптироваться к меняющейся среде рынка труда [Российский работник ... 2011, с. 60]. Выпускники вузов, только начинающие свою трудовую деятельность, не обладают значительным человеческим капиталом, что ослабляет их конкурентные позиции на рынке труда и повышает риск оказаться в категории безработных [Смирнов 2015, с. 21]. Соответственно существенно возрастает роль трудовых посредников в адаптации выпускников к условиям современного рынка труда. В этой связи для разработки и реализации новых государственных программ, направленных на

снижение уровня безработицы и содействие занятости, актуальность приобретают исследования практик поиска работы.

С целью получения данных ситуации с занятостью выпускников на региональном рынке труда, в том числе о наиболее значимых ее аспектах (спрос и предложение, характеристики выпускников вузов и их соответствие требованиям работодателей, способы снижения остроты проблемы молодежной занятости и трудоустройства выпускников вузов и др.), в ноябре 2017 г. автором был проведен опрос экспертов, вовлеченных в процессы регулирования занятости и содействия трудоустройству – сотрудников Государственного комитета Республики Мордовия по труду и занятости населения и подведомственных центров занятости населения ($n=50$, административный персонал – 36 %, специалисты, работающие непосредственно с соискателями – 64 %).

При оценке ситуации с наличием квалифицированных специалистов в регионе мнения опрошенных разделились в равной степени между вариантами «нужных специалистов достаточно» и «специалистов в целом не хватает». Для объяснения данной ситуации необходимо обратиться, во-первых, к статистическим данным о рынке труда региона, во-вторых, – к комментариям экспертов по выбранным вариантам ответов.

Уровень регистрируемой безработицы на рынке труда Республики Мордовия стабилен на протяжении последних четырех лет и составляет 0,8 % (~ 4,2 тыс. человек), коэффициент напряженности (численность незанятых граждан в расчете на одну вакансию) равен 0,7 (в Приволжском федеральном округе – 0,8, а в Российской Федерации в целом – 0,9). Таким образом, на основе статистического материала ситуацию на региональном рынке труда можно оценить как достаточно благоприятную [Мордовия ... 2017, с. 117]. Подобное мнение разделяет половина опрошенных экспертов, однако четверть из них заявляет при этом, что наблюдается дефицит кадров в отдельных сферах экономики (строительстве, медицине, сельском хозяйстве). Эксперты, считающие, что регион испытывает нехватку специалистов, дополняют список работниками инженерно-технической отрасли и специалистами рабочих профессий. Таким образом в регионе наблюдается дефицит специалистов, несмотря на «статистическое благополучие» в целом.

Он связан с несбалансированным спросом и предложением на рынке труда, что соответствует общероссийской тенденции [Минэкономразвития ... 2018].

В этой связи экспертам был задан вопрос об основных проблемах, существующих на молодежном рынке труда региона. Отток квалифицированных кадров эксперты включили в число наиболее острых проблем. В то же время трудовая миграция является одним из эффективных механизмов преодоления трудностей, связанных с переходом выпускников вузов из академической среды на рынок труда. Прибегая к миграции, соискатели достигают следующих целей: во-первых, фактического трудоустройства – при этом регионы с низким уровнем социально-экономического развития, имеющие меньшую емкость рынка труда, «теряют» до трети и более (42,8 % в Республике Мордовия) выпускников вузов; во-вторых, приобретают возможность повышения уровня дохода – суммы выплат уехавшим выпускникам оказываются выше, чем оставшимся в регионе (показатель превышает суммы выплат оставшимся в среднем в 1,3 раза) [Портал мониторинга ... 2016]. Заметим, что по данному вопросу в оценке значения миграции как для рынка труда, так и для выпускников вузов наблюдается высокий уровень согласованности мнений экспертов. Среди ответов опрошенных на открытые вопросы преобладают следующие комментарии:

Отток молодых кадров идет в основном в крупные города с большим количеством вакансий и с более высокой заработной платой. Для молодежи это плюс не только в улучшении качества жизни, но и расширении возможностей профессионального и личного роста. Уезжают наиболее сильные и мобильные молодые специалисты, что не может не сказаться на кадровом потенциале республики.

Положительный момент состоит в том, что молодые специалисты не остаются без работы, пусть не всегда, но находят работу по специальности и с достойной оплатой труда, тем самым происходит утечка молодых и перспективных специалистов.

С одной стороны, происходит повышение благосостояния уехавших, а с другой – «утечка мозгов» из региона.

К комментариям экспертов считаем важным добавить, что выбывшее население не считается безработным, не претендует на свободные вакансии (что ведет к снижению коэффициента

напряженности на рынке труда) и в целом благоприятно влияет на статистические показатели при фактическом снижении экономического потенциала региона. При этом миграционная активность молодежи не только ослабляет социальную напряженность на рынке труда, но и способствует профессиональному продвижению, освоению новых видов деятельности и взаимобмену информацией между «домашним» и более развитым в социально-экономическом плане принимающим регионом.

Другой серьезной проблемой для молодежного рынка труда региона эксперты назвали несоответствие специальностей (направлений подготовки) молодых кадров потребностям экономики региона. Мнения экспертов относительно соответствия спроса на выпускников вузов существующему предложению на региональном рынке труда распределились следующим образом: треть респондентов считает, что в количественном аспекте спрос соответствует предложению, а две трети констатируют несоответствие как в количественном, так и в качественном аспектах. В комментариях к ответам эксперты выделяют следующие причины возникновения подобного дисбаланса: снижение авторитета и статуса рабочих профессий, осуществление профессиональной подготовки обучающихся без учета потребностей рынка труда и требований работодателей. Следовательно опрошенные говорят об ослаблении, а нередко и о полной потере связи между рынком труда и институтом образования, что существенным образом осложняет процесс трудоустройства выпускников вузов. В современных условиях вектор развития высшего образования во многом определяется не потребностью экономики в специалистах, а спросом абитуриентов на образовательные услуги, что подтверждают исследования Г. А. Ключарева, который обращает внимание на противоположные оценки перспективности и востребованности многих специальностей представителями сферы высшего образования и работодателей: первые к числу перспективных относят специальности, имеющие наибольший спрос среди абитуриентов, вторые – на рынке труда [Ключарев 2015, с. 50].

Третью проблему можно представить в ряд социально-экономических факторов, характеризующих состояние рынка труда в регионе. Институциональная теория как методологическая основа

исследования занятости выпускников позволяет рассматривать проблему в широком контексте, включая экономические, формальные (законы и правила) и неформальные (общие убеждения, нормы и обычаи) социальные институты, которые формируют условия осуществления социальных действий и взаимодействий на рынке труда [Guan 2014, с. 138]. Следовательно, проблема безработицы среди выпускников неотделима от социально-экономической и демографической ситуаций в регионе. К числу характеристик рынка труда, осложняющих поиск работы выпускниками вузов, эксперты относят теневилизацию трудовых отношений и неформальный характер использования трудовых ресурсов, рост числа граждан трудоспособного возраста, рост числа работающих пенсионеров, недостаток финансовых ресурсов на модернизацию и развитие производств, отсутствие цивилизованных конкурентных отношений на республиканском рынке труда.

По вопросу наиболее востребованных видов помощи, за которой в органы службы занятости обращаются выпускники вузов, наблюдается высокая согласованность экспертных мнений. Наиболее часто выпускники обращаются для того, чтобы зарегистрироваться в качестве безработного, получить юридическую консультацию и индивидуальные рекомендации по поиску работы. Данное обстоятельство связано в большей степени с несформированными представлениями у выпускников о технологиях поведения на рынке труда и отсутствием навыков самостоятельного поиска работы, что ставит перед службой занятости и образовательным учреждением задачи развития системы информирования и программ социально-профессионального сопровождения молодежи по вопросам занятости и карьеры до окончания ими учебного заведения.

Долю обратившихся за помощью в органы государственной службы занятости выпускников вузов эксперты в среднем оценили в 19 % (медиа на 17,5) от общего числа обратившихся. На практике количество выпускников вузов Республики Мордовия, которым в течение 2017 г. были предоставлены государственные услуги содействия занятости, составило 319 человек, из них на 1 января 2018 г. 34 человека состояло на регистрационном учете [Информационный портал ...]. Подобная ситуация, на наш взгляд, связана с бюрократизированным и длительным процессом постановки

на учет: соискателям необходимо предоставить пакет документов (документы, подтверждающие получение основного и дополнительного образования; трудовая книжка, справка о среднемесечном доходе за три месяца и т. д.) в подразделения службы и написать соответствующее заявление. Постановка на учет происходит в течение 10 дней после обращения в случае, если сотрудниками центра не подобрана подходящая вакансия. В этой связи выпускники, обратившиеся за регистрацией в качестве безработных, часто ограничиваются получением юридической консультации и индивидуальных рекомендаций по поиску работы.

Немногим реже молодые обращаются за помощью в организации прохождения стажировки для выпускников профессиональных образовательных организаций и по вопросам прохождения профессиональной переподготовки. Причина, на наш взгляд, заключается в низкой информированности соискателей не только о возможностях, которые предоставляют указанные программы содействия занятости (получение практических навыков, адаптация в профессиональной среде, установление связей с потенциальными работодателями и др.), но и о существовании подобных программ в целом.

Наименее востребованными услугами, по свидетельствам экспертов, оказались помощь в трудоустройстве на определенное место работы и подбор вариантов из банка вакансий. Низкий интерес к подобным услугам связан главным образом с развитием информационно-коммуникационных технологий и возрастанием уровня доверия к социальной интеракции в виртуальном пространстве. Подобные практики становятся рутинными формами взаимодействия, дополняя и традиционные формы интеракций «соискатель-работодатель» и расширяя их возможности. На сегодняшний день портал «Работа в России» – официальный ресурс Федеральной службы по труду и занятости – аккумулирует предложения работодателей и в режиме реального времени представляет доступ к банкам вакансий и контактам организаций и предприятий в любом регионе страны, а частные специализированные сайты, кроме информации о вакансиях и работодателях предоставляют соискателям доступ к полезной для трудоустройства информации (например, советы по составлению резюме, поведению на собеседованиях и др.).

Трудности при трудоустройстве, с которыми сталкиваются выпускники, связаны как с объективными факторами внешнего фона, способными оказывать влияние на экономику и рынок труда, так и с «внутренними» – знаниями, навыками и компетенциями самих соискателей. Если говорить о «внутренних» факторах, которые оцениваются работодателями при приеме на работу молодых специалистов, то здесь оценки экспертов оказались весьма ожидаемыми.

Насколько различными являются оценки соответствия уровня теоретических знаний и социокультурных компетенций требованиям работодателей, настолько согласованным является мнение экспертов о несоответствии практических навыков предъявляемым требованиям. На наш взгляд, высокая дисперсия оценок теоретических навыков и социокультурных компетенций выпускников связана в первую очередь с влиянием человеческого фактора как со стороны соискателей (способности, темперамент, характер, качество полученного образования и др.), так и экспертов (психологические установки на оптимизм или пессимизм). С оценкой практических навыков ситуация обстоит совершенно иначе. Высокая консолидированность экспертных мнений свидетельствует о системной проблеме формирования профессиональных компетенций в вузах, во многом это следствие отсутствия готовности со стороны работодателей к активному сотрудничеству со сферой образования [Подольский 2016, с. 97].

Учитывая вышесказанное, мнения экспертов относительно наиболее эффективных методов, направленных на снижение показателей безработицы среди выпускников вузов, нельзя назвать неожиданными. Если говорить о наиболее действенных способах в борьбе с безработицей среди выпускников вузов, то к первоочередным эксперты отнесли меры институционального воздействия: оптимизацию образовательной сферы в соответствии с потребностями общества и рынка труда (76 %) и усиление контроля со стороны государства за планированием подготовки кадров (56 %). Предложенные экспертами меры направлены на снижение остроты характерной для регионального рынка труда проблемы несоответствия имеющегося количества и качества подготавливаемых вузами специалистов структуре спроса, предъявляемого работодателями [Ключарев 2015, с. 50]. Дополнить пакет предложенных

мероприятий, эксперты предлагают программами активного содействия занятости, а именно организацией финансирования со стороны организаций и предприятий развития молодых специалистов (46 %) и обеспечением стимулирования самозанятости населения (23 %). Как показывает практика, программы содействия занятости становятся важнейшей составляющей политики снижения безработицы, направленной на увеличение шансов трудоустройства безработных в кризисные периоды [Новая роль службы занятости ... 2014].

Приведенные оценки экспертов подтверждают наличие у выпускников вузов Республики Мордовия сложностей при выходе на рынок труда. Они связаны с социально-экономической и демографической ситуациями в регионе, дисбалансом спроса и предложения на рынке труда, а также слабым соответствием специальностей (направлений подготовки) молодых специалистов потребностям рынка труда. Снижение остроты этих проблем требует применения целостного подхода, обеспечивающего скоординированное участие нескольких заинтересованных сторон: органов государственной власти, образования и работодателей. Ведущая роль в этом процессе отводится органам государственной власти, а именно службе занятости как ключевому институту регулирования рынка труда. На основе результатов проведенного исследования можно выделить следующие направления реализации политики занятости:

- разработка и принятие превентивных мер противодействия безработицы среди выпускников вузов, предусматривающих внедрение динамичных механизмов обеспечения соответствия подготавливаемых высшим образованием кадров потребностям меняющегося рынка труда;

- решение текущих проблем, связанных с существующими диспропорциями на рынке труда, внедрение «антикризисных» программ, ориентированных на конкретные целевые группы (в том числе выпускников вузов) и отрасли, таких как: профессиональное переобучение и получение дополнительных специальностей, создание временных рабочих мест; стажировки на предприятиях и др.;

- активная работа с выпускниками до момента их выпуска, направленная на формирование навыков самостоятельного поиска

работы (составления резюме, карьерного плана, выбора каналов получения информации, подготовки к проведению собеседования, телефонных переговоров с работодателями, составления портфолио выпускника и т. п.), цель такой работы – подготовить выпускников к мобильному поведению на рынке труда и научить их полагаться не на социальные гарантии, а на собственные способности и инициативу.

Успех политики регулирования занятости в современных условиях во многом зависит от ее гибкости. В этой связи интенсификация институциональных взаимодействий «рынок труда – образование – государство» обеспечивается с целью оперативной реакции на изменения в структуре рынка труда для формирования у обучающихся недостающих знаний, навыков и компетенций, помогающих адаптироваться к условиям динамично меняющейся современной экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимов Р. И.* Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 45–53.
- Зайцева О. А.* Служба занятости в современных российских условиях: социолого-управленческий аспект : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2004. 23 с.
- Индивидуальная самозанятость, человеческий капитал и гибридная работа в условиях гигномики / Бегенхольд Д. [и др.]. // Форсайт. 2017. № 4. С. 23–32.*
- Информационный портал Службы занятости населения Республики Мордовии / Министерство социальной защиты, труда и занятости населения Республики Мордовия. URL : trudrm.ru/stat.html*
- Ключарев Г. А.* «Разрыв» образования и рынка труда: мнения экспертов // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 49–56.
- Набулина К. А., Солонников В. В., Цыбикова Д. Г.* Выпускники социологических факультетов на рынке труда // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 81–91.
- Медведев назвал трудоустройство выпускников вузов в РФ государственной проблемой // ТАСС информационное агентство. 2018. URL : tass.ru/obschestvo/4988526*
- Минэкономразвития: в России дефицит кадров, нужны рабочие из-за рubezha // Expert Online. 2018. URL : expert.ru/2018/02/9/mer-v-rf-defitsit-kadrov-nuzhnyi-rabochie-iz-za-rubezha*

- Мордовия : статистический ежегодник. Саранск : Мордовиястат, 2017. 439 с.
- Новая роль Службы занятости как интегратора государственной политики в сфере занятости / Институт управления социальными процессами. 2014. URL : hse.ru/org/projects/123844958
- Подольский О. А., Погожина В. А. Ключевые компетенции выпускников и молодых специалистов при приеме на работу // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2016. №1. С. 96–103.
- Портал мониторинга трудоустройства выпускников. Минобрнауки РФ. URL : vo.graduate.edu.ru/#/?year=2015&year_monitoring=2016
- Российский работник: образование, профессия, квалификация: монография / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшников. М., 2011. 576 с.
- Смирнов А. И. Проблемы трудоустройства молодых людей после службы в армии по призыву // Теория и практика общественного развития. 2015. № 7. С. 19–30.
- Чилипенко Ю. Ю. Социальное взаимодействие на рынке труда: теоретико-методологические основы изучения // Вестник ННГУ. 2012. № 1. С. 370–375.
- Guan Y. New job market entrants' future work self, career adaptability and job search outcomes: Examining mediating and moderating models / Y. Guan, Y. Guo, M. Bond // Journal of Vocational Behavior. Vol. 85. Issue 1. August 2014. P. 136–145.
- The Gig Economy Is Here / Kelly Services Inc. URL : kellyservices.com/global/workforce-trends/workforce-trends-reports/gig-economy/workforce-to-workfit/

УДК 316.454.3

Е. Е. Степанова

доктор исторических наук; начальник лаборатории мониторинга социальных процессов Вооруженных Сил Российской Федерации Научно-исследовательского центра (социологического) Вооруженных Сил Российской Федерации; e-mail: step40871@mail.ru

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

В статье на основании результатов мониторинговых социологических исследований, проведенных по всеармейской выборке в 2012–2017 гг., изучено отношение военнослужащих по контракту Вооруженных сил Российской Федерации и членов их семей к мерам военно-политического руководства страны, направленным на улучшение качества жизни данной категории населения.

Ключевые слова: качество жизни; Вооруженные силы Российской Федерации; военнослужащие по контракту; медицинское обеспечение; санаторно-курортное обеспечение; денежное довольствие.

E. E. Stepanova

Doctor of historical Sciences; head of laboratory for monitoring of social processes of the Armed Forces of the Russian Federation of the Research center (sociological) of the Armed Forces of the Russian Federation; e-mail: step40871@mail.ru

THE QUALITY OF LIFE OF MILITARY PERSONNEL (experience of sociological research)

In the article, based on the results of monitoring sociological studies conducted on the all-army sample in 2012–2017, the attitude of servicemen under the contract of the Russian Federation and their families to the measures of the military-political leadership of the country aimed at improving the quality of life of this category of the population.

Key words: quality of life; Armed Forces of the Russian Federation; military personnel under the contract; medical support; sanatorium and resort maintenance; monetary allowance.

В 2012–2017 гг. в государстве и обществе возросло уважение к военнослужащим и доверие к Вооруженным силам [Веремчук, Барановский 2014, с. 97]. За эти годы была проведена масштабная работа по наращиванию боевой мощи, перевооружению современными образцами вооружения и техники, повышению уровня подготовки войск и качества жизни военнослужащих [Бычков 2008, с. 9].

Улучшение качества жизни военнослужащих в череде мер, направленных на повышение престижа Вооруженных сил и привлекательности военной службы, безусловно, является одним из основополагающих факторов. Для обеспечения достойного качества жизни в последние годы был реализован комплекс мер, включающий: повышение денежного довольствия, в том числе за счет дополнительных выплат и повышающих коэффициентов, выполнены социальные обязательства по жилью в отношении 447 тыс. военнослужащих, улучшено качество медицинского обеспечения, позволившее значительно снизить общую заболеваемость военнослужащих [Материалы ... 2017, с. 27].

Итоги пятилетней работы Минобороны России, направленные на удовлетворение материальных, духовных и социальных потребностей военнослужащих – значительны. Главным результатом в решении задач медицинского обеспечения стало снижение общей заболеваемости военнослужащих. Статистика свидетельствует, что с 2012 г. по настоящее время показатель заболеваемости снизился на 12,6 % (с 983 до 859 случаев на 1 тыс. человек), а количество трудопотерь снизилось на 19,6 % и составило в 2017 г. 7,03 дня на человека [Армия ... 2017, с. 184–185]. Сегодня абсолютное большинство военнослужащих (97 %), проходящих военную службу по контракту, оценивают состояние своего здоровья как «удовлетворительное», «хорошее» или «отличное», а качество лечения в военных медицинских учреждениях, по их мнению, улучшается (см. рис. 1) [Итоги ... 2018, с. 83].

Более половины (64 %) военнослужащих отмечают, что могут свободно пользоваться услугами военной поликлиники по месту службы. Однако существуют и проблемы в получении амбулаторной медицинской помощи – каждый десятый указывает на их наличие. Необходимо продолжить работу, направленную на повышение доступности медицинских учреждений для взрослых членов семей военнослужащих. Сегодня только половина (51 %) указывает на возможность свободного получения услуг в военных поликлиниках, в то время как более трети (38 %) членов семей продолжают испытывать сложности при обращении к врачу. Мониторинг мнения военнослужащих позволил выявить основные проблемы, препятствующие получению полноценного лечения в военно-

медицинских учреждениях. Это в первую очередь недостаточное материально-техническое обеспечение (включая медикаментозные препараты) и нехватка квалифицированных врачей-специалистов, не относящихся к первичному звену медицины.

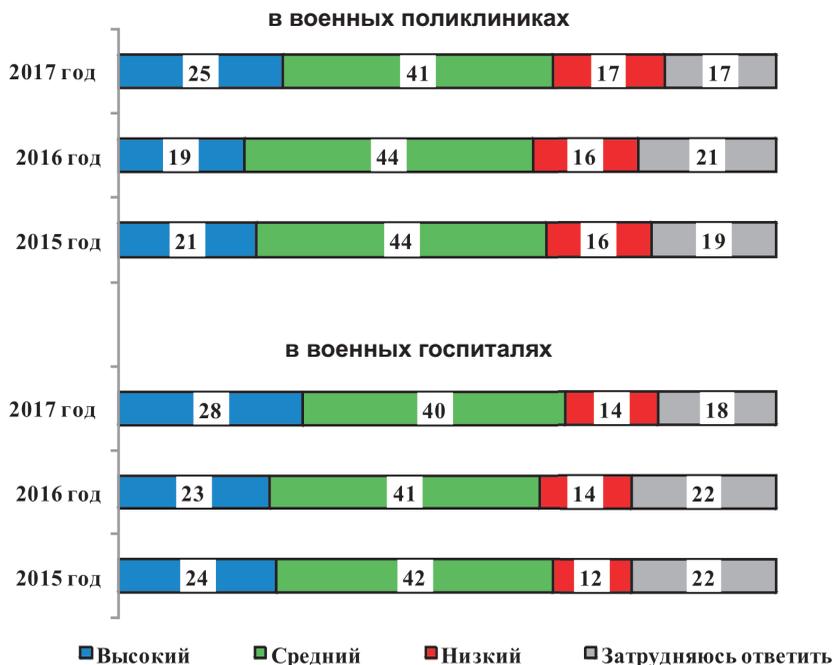

Рис. 1. Уровень лечения в военно-медицинских учреждениях по оценке военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в 2015–2017 годах (в %)

Одним из основных показателей качества жизни населения является отдых. Организованный отдых военнослужащих – лечебно-профилактическое мероприятие в системе медицинского обеспечения. Анализ полученных данных свидетельствует, что напряженность службы военнослужащих по контракту в 2017 г. превышает установленную норму продолжительности еженедельного служебного времени. Данное положение, безусловно, приводит к накоплению усталости и необходимости организации полноценного восстановительного отдыха. Из всех форм рекреационной деятельности наиболее успешно восстановлением здоровья

занимается санаторно-курортная индустрия, базирующаяся на использовании природных лечебных ресурсов. На их основе для профилактики заболеваний путем воздействия на факторы риска, происходит восстановление физического и психического здоровья человека.

Однако в последние годы военнослужащие по контракту отказываются от своего права на санаторно-курортное лечение и оздоровительный отдых. Статистические данные свидетельствуют, что в 2016 г. своим правом на санаторно-курортное обеспечение воспользовались всего 1,7 % от общего числа военнослужащих. Основными причинами отказа являются финансовые трудности и напряженность военной службы (см. рис. 2).

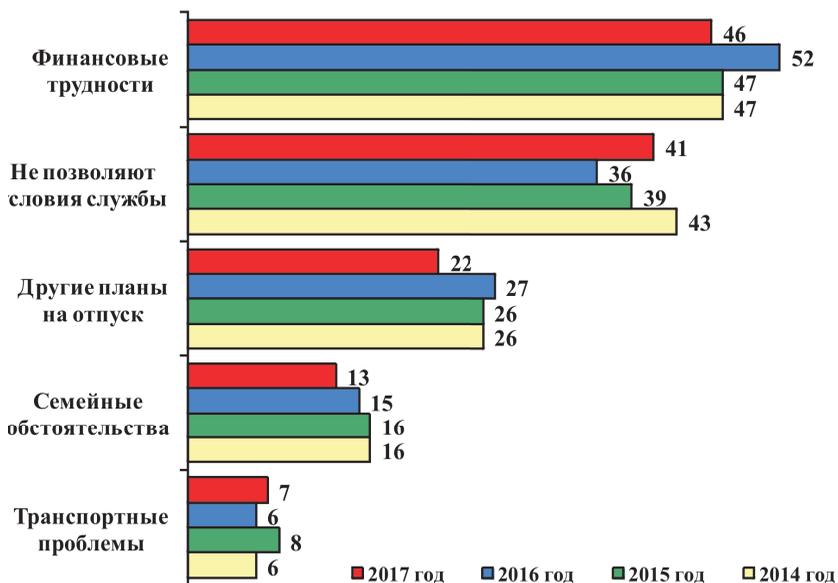

Рис. 2. Причины отказа военнослужащих от использования права на санаторно-курортное обеспечение в 2014–2017 гг. (в %)

Данные мониторинга социально-экономического и правового положения военнослужащих и членов их семей подтверждают, что в последние годы отпуска организуются с минимальными финансовыми затратами. Высокая стоимость путевок в военные здравницы и необходимость оплаты проезда для себя и членов семей

к месту отдыха и обратно не позволяют сегодня военнослужащим изыскивать средства на оплату санаторно-курортного лечения. Экономия семейного бюджета является основной причиной, препятствующей реализации права военнослужащих на потребление санаторно-курортных услуг. Так, в 2017 г. более половины респондентов (66 %) провели свой отпуск дома, 31 % – у родственников, 11 % – на даче. Только 13 % указали, что посетили места организованного отдыха: гражданский дом отдыха – 7 %, военный санаторий – 3 %, выезжали за границу – 3 %. Такое положение вещей приводит к снижению качества отдыха данной категории населения. Отпуск, проведенный дома или на даче, не обеспечивает военнослужащему профилактику и лечение заболеваний, не предоставляет досугово-развлекательную программу, удовлетворяющую его духовным и эмоциональным потребностям. Учитывая особенности военной службы по контракту, как специфичного вида государственной службы, представляется необходимым пересмотреть сложившуюся ситуацию и найти пути оптимизации санаторно-курортного обеспечения.

Рассматривая качество жизни как систему показателей, характеризующих степень реализации жизненных стратегий людей, удовлетворения их жизненных потребностей нельзя обойти вниманием такой показатель, как ответственность перед будущим поколением. Забота военного ведомства о подрастающем поколении – это фактор, позволяющий формировать у военного профессионала представление о том, что служба в армии по контракту – лучший выбор человека в жизни. Определяющими в данной работе являются мероприятия, направленные на сохранность здоровья, повсеместную помощь в образовании и развитии детей данной социально-профессиональной группы.

Результаты социологических исследований, проведенных по всероссийской выборке, свидетельствуют, что военнослужащие по контракту (их жены) в настоящее время признают доступность по месту жительства (прохождению службы) дошкольных образовательных учреждений – 94 %, учреждений начального, основного и среднего образования – 93 % и детских медицинских учреждений – 79 %. Динамика данных 2012–2017 гг. свидетельствует о формировании тенденции роста удовлетворенности доступностью

учреждений здравоохранения и образования для детей военнослужащих (см. рис. 3).

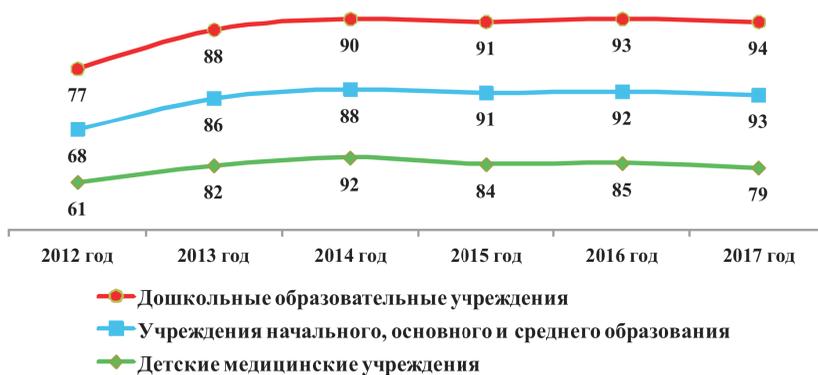

Рис. 3. Удовлетворенность жен военнослужащих доступностью детских медицинских и образовательных учреждений по месту жительства (в %)

При этом оценка качества услуг детских учреждений здравоохранения и образования носит неоднозначный характер. Качеством услуг дошкольных образовательных учреждений полностью удовлетворены менее половины (46 %) жен военнослужащих по контракту. Показатель удовлетворенности учреждениями начального, основного и среднего образования несколько выше – 51 %. Менее всего устраивает качество услуг детских медицинских учреждений. Только треть участников исследования (35 %) полностью удовлетворена их качеством (см. рис. 4).

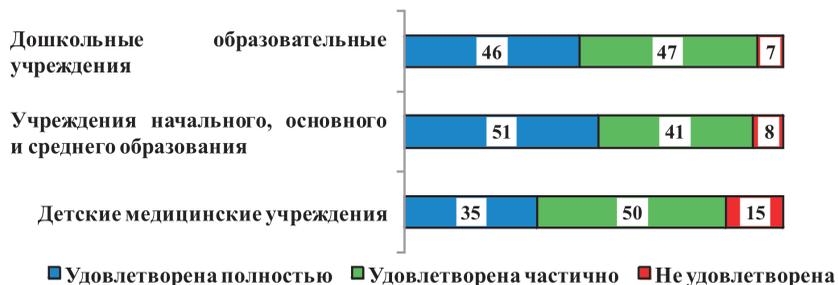

Рис. 4. Оценка качества услуг детских образовательных и медицинских учреждений женами военнослужащих в 2017 г. (в %)

При содержании детей в детских садах больше всего родителей не устраивает состояние помещений, их удаленность от мест проживания, нехватка специалистов дошкольного образования.

В школах, по месту дислокации воинских частей (соединений), как правило, эти проблемы аналогичны: отсутствует современная материальная база (бассейны, оборудованные спортивные площадки и др.), учебные классы требуют капитального ремонта. Возникают трудности и в организации учебного процесса, в связи с отсутствием специалистов «узкого профиля»: преподавателей математики, иностранных языков, физики, химии, т. е. тех предметов, которые являются профилирующими в высших учебных заведениях страны.

Еще одной проблемой, характерной для многих гарнизонов, является удаленность образовательных учреждений от места жительства семей военнослужащих. Детям, в том числе малолетним, приходится ежедневно на специально оборудованных машинах преодолевать десятки километров до детского сада (школы) и обратно домой. Всё это накладывает дополнительные физические нагрузки на детский организм и сокращает время, необходимое детям для отдыха и подготовки домашнего задания.

Тревожным показателем является невысокая степень удовлетворенности военнослужащих качеством услуг детских медицинских учреждений. Анализ полученных данных, свидетельствует, что основными проблемами в лечении детей по месту дислокации частей является в первую очередь удаленность детских медицинских учреждений от мест проживания военнослужащих, отсутствие современного диагностического оборудования и квалифицированных специалистов.

Достижение максимально высокого качества жизни населения – приоритетная цель социальной рыночной экономики. Одной из важнейших предпосылок, обеспечивающих реализацию этой задачи, является проведение эффективной политики благосостояния населения. Главная задача в политике благосостояния – рост доходов населения, их дифференциация, постоянный рост уровня жизни.

По данным ежегодного мониторинга социально-экономического и правового положения военнослужащих и членов их

семей сравнительный анализ идентичных показателей социально-экономического положения населения страны с аналогичными показателями военнослужащих свидетельствует, что уровень качества жизни офицерского состава превышает, а уровень качества жизни прапорщиков (мичманов), солдат (матросов), сержантов (старшин), проходящих военную службу по контракту равен средним общероссийским значениям [Итоги ... 2018, с. 160].

Однако отсутствие ежегодной индексации денежного довольствия в 2013–2016 гг. привело к снижению реальных доходов и социального самочувствия домохозяйств военнослужащих. В 2017 г., впервые с 2012 г., было отмечено снижение удовлетворенности военнослужащих социальной политикой государства в решении социально-экономических проблем – с 48 % (в 2016 г.) до 40 % (в 2017 г.) (в 2012 г. – 25 %) (см. рис. 5).

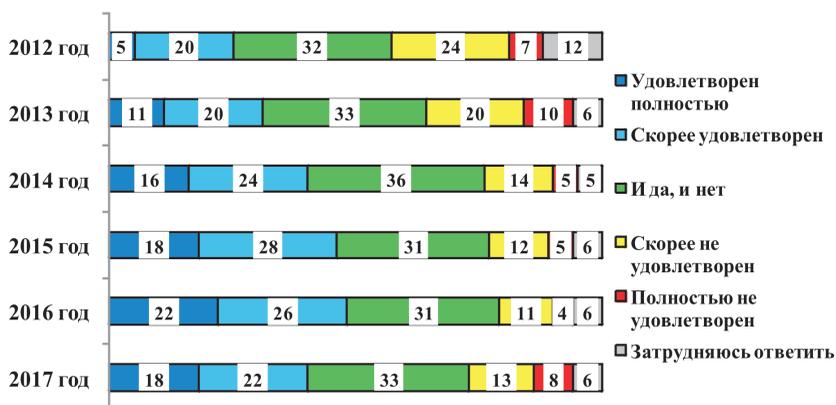

Рис. 5. Степень удовлетворенности военнослужащих решением их социально-экономических проблем в 2012–2017 годах (в %)

В 2017 г. меры военно-политического руководства страны были направлены на усиление материального стимулирования военнослужащих по контракту через увеличение доли дополнительных выплат и компенсаций за особые условия военной службы и выполнение задач, связанных с риском для жизни. Это способствовало некоторому снижению негативного влияния отсутствия индексации денежного довольствия военнослужащих. В 2017 г. падение реального денежного довольствия среднестатистического

военнослужащего составило –0,2 %, а в 2016 г., напротив, наблюдался его рост – +9,3 % [Итоги ... 2018, с. 19].

В 2017 г. среднемесячное денежное довольствие среднестатистического военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, в номинальном исчислении составило 70 591,5 руб., а среднемесячная начисленная заработная плата работников в Российской Федерации – 39 085 руб. (68 989,9 руб. и 36 703,0 рублей, соответственно, в 2016 г.). При этом уровень инфляции в 2017 г. (Idef = 2,5 %) по сравнению с 2016 г. снизился почти в 2,2 раза (в 2016 г. – Idef = 5,4 %). Это способствовало стабилизации социально-экономического положения военнослужащих и членов их семей.

В меньшей степени снижение реальных доходов коснулось старших офицеров и части младшего офицерского состава, а в большей – солдат (матросов), сержантов (старшин), проходящих военную службу по контракту, в том числе прапорщиков (мичманов) (см. табл. 1) [Итоги ... 2018, с. 20].

Таблица 1

**Изменения уровня денежного довольствия военнослужащих
Вооруженных сил в 2016–2017 гг.**

Категории военнослужащих	Денежное довольствие		Прирост номинальный		Прирост (снижение) реальный (Idef)	
	2017	2016	в руб.	в %	в руб.	в %
все военнослужащие	70 591,5	68 989,9	1601,6	2,3	-163,2	-0,2
старшие офицеры	127 113,5	126 596,0	517,5	0,4	-2 660,3	-2,1
младшие офицеры	94 403,2	94 162,7	240,5	0,3	-2 119,6	-2,3
прапорщики и мичманы	67 740,9	65 649,1	2091,8	3,2	398,3	0,6
солдаты (сержанты).	47 075,9	42 933,9	4142,0	9,6	2 965,1	6,9

Изучение тенденций изменения денежного довольствия военнослужащих показывает, что отказ от его ежегодного

индексирования объективно ведет к нарушению основополагающего принципа, заложенного в основу новой модели денежного довольствия военнослужащих после 1 января 2012 г. Суть этого принципа заключается в переходе от мер, направленных на постоянное увеличение единовременных выплат военнослужащим к мерам по поддержанию высоких значений окладов по воинским должностям и воинским званиям военнослужащих через их ежегодное индексирование.

С 1 января 2018 г. государство вернулось к практике ежегодной индексации денежного довольствия военнослужащих. Ранее в бюджет была внесена поправка о выделении на индексацию денежного довольствия военнослужащих 53 млрд руб. в 2018 г., 66 млрд – в 2019 г. и 122 млрд – в 2020 г. [Повышение ... 2018]. В соответствии с Постановлением Правительства от 21 декабря 2017 г. № 1598 зарплата военнослужащих повысилась на 4 %. Согласно тому же Постановлению, предусмотрено снятие индексационного ограничения, и денежное довольствие военнослужащих следует в дальнейшем индексировать по результатам инфляции и курса национальной валюты. Повышение роли Вооруженных сил в обеспечении общественно-политической стабильности и военной безопасности Российской Федерации подтверждает, что военная служба как общественно значимая профессиональная деятельность должна иметь особый социально-правовой статус, гарантирующий повышенное материальное вознаграждение военнослужащим по сравнению со средней заработной платой труда в стране.

Каждое государство ставит приоритетом собственного престижа безопасность. Уровень финансирования оборонного кадрового состава и повышение уровня качества их жизни – это острые и актуальные вопросы для Российской Федерации. От них напрямую зависят надежность и стабильность оборонной сферы. Принципиально важно, чтобы в процессе развития Вооруженных сил и их перевооружения на современные образцы оружия и военной техники, социально-экономическое положение военнослужащих и членов их семей не было ухудшено. В этой связи необходимо обеспечить не только исключение рисков, связанных с невыполнением социальных обязательств государства по достижению достаточности социальных гарантий, положенных военнослужащим

и членам их семей, но и предусмотреть возможность предоставления дополнительных адресных гарантий отдельным категориям военнослужащих, в первую очередь молодым семьям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Армия в цифрах 2017. М., 2017. 288 с.

Бычков П. И. Качество жизни семей офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации: состояние, динамика и пути повышения : автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2008. 24 с.

Веремчук В. И., Барановский М. В. Социологический анализ социальных отношений доверия в воинских подразделениях Вооруженных сил Российской Федерации // Военный академический журнал. 2014. № 4 (4). С. 93–99.

Итоги мониторинга социально-экономического и правового положения военнослужащих и членов их семей в 2017 г. М. : НИЦ (с) ВС РФ. 2018. 184 с.

Материалы Коллегии Министерства обороны Российской Федерации от 7 декабря 2017 года // Армейский сборник. 2017. № 12. С. 12–29.

Повышение денежного довольствия военным в 2018 г.: последние новости. URL : tehnofan.com/07

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Общественные науки
Выпуск 4 (812)

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Social Sciences
Issue 4 (812)

Редактор Н. Г. Павлова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 23.12.2018 г.
Усл. печ. л. 15,9. Формат 60x90/16
Заказ № 146

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
тел.: (499) 245 33 23; *e-mail:* ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки:

07.00.00 – Исторические науки и археология
22.00.00 – Социологические науки
23.00.00 – Политология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66049 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: libranet.linguanet.ru/prk/vestnik.asp?vest_lang=Rus&vest_type=obn
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна